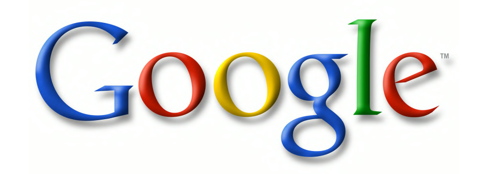

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

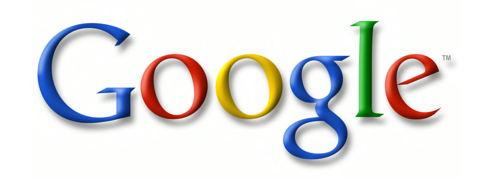
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ииринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

891.808
S564s

B 890,441

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Для реценз.

Сергѣй Штейнъ

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ

Николай I Черногорскій—Іованъ Іовановичъ Змай—Іованъ Иличъ—Воиславъ Иличъ—Іованъ Дучичъ—Антонъ Ашкерцъ—Отонъ Зупанчичъ Казиміръ Тетмайеръ—Карлъ Гавличекъ Боровскій

Переводы и характеристики

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Н. I. Евстифѣева. Невскій 15 и Мѣщанская 20
1908

Славянскіе Поэты.

Славянскіе Поэты.

Сергѣй Штейнъ

Shtein, S.

СЛАВЯНСКІЕ ПОЭТЫ

Николай I Черногорскій—Іованъ Іовановичъ Змай—Іованъ Иличъ—Воиславъ Иличъ—Іованъ Дучичъ—Антонъ Ашкерцъ—Отонъ Зупанчичъ Казиміръ Тетмайеръ—Карлъ Гавличекъ Боровскій

Переводы и характеристики

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Н. I. Евстифѣева. Невскій 15 и Мѣщанская 20
1908

891.808
S564sR

1098578-172

LABELING GUIDE

* * *

Я посвящаю этотъ трудъ
Желаннымъ днямъ объединенья.
Недолго ждать—они придутъ:
Мы всѣ единой цѣпи звенья...

Я вѣрю,—братская любовь
Поможетъ намъ въ безкровномъ спорѣ,
И всѣ ручьи сольются вновь
Въ единомъ, всеславянскомъ морѣ.

* * *

* * *

Настоящій сборникъ переводовъ изъ славянскихъ поэтовъ составлялся постепенно втеченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Значительная часть вошедшихъ въ него стихотвореній была уже ранѣе напечатана на страницахъ «Славянскихъ Извѣстій», журнала С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, однако многіе переводы появляются здѣсь впервые.

Сборникъ «Славянскіе поэты» дѣлаетъ посильную попытку представить въ краткихъ характеристикахъ и образцахъ девять выдающихся славянскихъ писателей: изъ нихъ пять—сербскихъ (Николай I Черногорскій, Іованъ Іовановичъ Змай, Іованъ Иличъ, Воиславъ Иличъ и Іованъ Дучичъ), два—словенскихъ (Антонъ Ашкерцъ и Отонъ Зупанчичъ), одинъ—польскій (Казиміръ Тетмайеръ) и одинъ—чешскій (Карлъ Гавличекъ Боровскій).

Предпосланныя переводамъ характеристики перечисленныхъ поэтовъ составлены въ видѣ критико-біографическихъ очерковъ. Думается, что онѣ будутъ не совсѣмъ безполезны для нашей читающей публики, мало знакомой со славянствомъ и славянскими литературами. Ихъ задача—дать хотя бы самое общее понятіе о сущности и значеніи творчества переводимыхъ писателей, но, къ сожалѣнію, онѣ очень не полны, что объясняется впрочемъ причинами, отъ автора независящими: литература о славянскихъ поэтахъ, существующая на русскомъ

языкѣ, весьма случайна,—источники же на иностранныхъ языкахъ и, въ особенности, на славянскихъ нарѣчіяхъ зачастую отсутствуютъ даже въ такихъ крупныхъ книгохранилищахъ Петербурга, какъ Императорская Публичная Библіотека и библіотека Императорской Академіи Наукъ. Такимъ образомъ, для сообщенія характеристикамъ надлежащей полноты необходимо было заниматься въ библіотекахъ отдаленныхъ центровъ умственной жизни славянства, напримѣръ—въ Бѣлградѣ, Прагѣ или Люблянѣ, для чего у автора не было ни времени, ни средствъ.

Что касается печатаемыхъ ниже переводовъ, то почти всѣ они сдѣланы размѣрами оригиналовъ; отступленія весьма немногочисленны.

При передачѣ славянскаго текста на русскій языкъ всегда соблюдалась строгая близость къ духу подлинника въ связи съ сохраненіемъ всѣхъ индивидуальныхъ особенностей его формы. Переводы для настоящаго изданія вновь пересмотрѣны, свѣрены съ оригиналами и мѣстами измѣнены и исправлены.

Въ концѣ книги помѣщены краткія объясненія нѣкоторыхъ географическихъ и собственныхъ именъ и словъ, которыя могутъ показаться не вполнѣ понятными русскому читателю. Для тѣхъ же, кто пожелалъ бы нѣсколько ближе и подробнѣе ознакомиться съ русскою литературою о характеризуемыхъ настоящимъ сборникомъ поэтахъ,—приложенъ библіографическій указатель. Не претендуя на исчерпывающую полноту, онъ однако содержитъ въ себѣ указанія на важнѣйшее въ литературѣ предмета.

Переходя затѣмъ къ оправданію появленія настоящей книги, нужно отмѣтить, что намъ русскимъ весьма нерѣдко приходится слышать отъ нашихъ славянскихъ братьевъ упреки въ нашемъ безучастіи

къ ихъ современной культурной жизни и въ незнакомствѣ съ ихъ историческими судьбами: какъ ни грустно, а слѣдуетъ сознаться, что укоры эти вполнѣ нами заслужены. Поистинѣ, «мы лѣнивы и нелюбопытны»... И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, было бы полезно брать примѣръ все съ того же, вѣчнаго и великаго учителя, Пушкина: ему незнанье славянскихъ языковъ не помѣшало личнымъ своимъ примѣромъ положить начало литературному изученію славянства и по французской передѣлкѣ Мериме переложить на русскіе стихи, оказавшіяся впослѣдствіи подложными, «Пѣсни западныхъ славянъ».

А мы, равнодушные, несправедливо чуждые кровно близкимъ намъ славянамъ, не пытаемся пополнить свои до нельзя примитивныя и сбивчивыя свѣдѣнія о нихъ, объ ихъ прошломъ и настоящемъ. Русская научно-популярная литература по многимъ отраслямъ славяновѣдѣнія бѣдна и отрывочна, а между тѣмъ вѣдь наше старшинство въ семьѣ славянскихъ племенъ насъ очень обязываетъ: оно требуетъ внимательнаго и объективнаго отношенія къ такимъ проявленіямъ культурнаго духа нашихъ младшихъ братьевъ, какъ ихъ литература и, въ частности, ихъ поэзія.

Намъ не мѣшаетъ помнить, что и мы недавно были молоды. Теперь поэтическое творчество нѣкоторыхъ славянскихъ народностей—для насъ пройденная ступень, которую мы оставили за собою. Но лѣтъ сто тому назадъ и у насъ эпосъ преобладалъ надъ лирикой, и мы блѣдно отражали наши психологическія настроенія въ поэзіи, но все это не помѣшало намъ достичь нынѣ такихъ вершинъ творческаго генія, какими являются Толстой, Достоевскій или

Тютчевъ. Въ современныхъ славянскихъ писателяхъ—много чертъ, очень напоминающихъ нашу литературную юность.

Есть и еще сторона въ поэзіи славянъ, которую часто упускаютъ изъ виду. Въ творчествѣ славянскихъ писателей находится вѣрный ключъ къ уразумѣнію и степени культурности, и своеобразныхъ отличительныхъ чертъ національнаго ихъ характера. Природа, бытъ, исторія, духовные запросы и стремленія—все это ярко и выпукло отражается въ ихъ безыскусственныхъ и порою вдохновенныхъ стихахъ.

Эта способность наглядно и живо отражать въ поэзіи себя и все свое объясняется большою непосредственностью славянской натуры и ея врожденною сердечностью. Въ славянскихъ поэтахъ много почвеннаго, стихійнаго и нерѣдко словно снопъ солнечныхъ лучей пронизываетъ въ ихъ произведеніяхъ пыльную тоску блѣдныхъ стиховъ и вырывается наружу таившійся подъ ихъ корою потокъ истиннаго вдохновенія, который часто одинъ стоитъ безукоризненной вылощенности многихъ современныхъ стихотвореній: поэты, таящіе его,—поэты порыва, недаромъ зовутся Божьею милостью пѣвцами, и ими богаты славянскія племена.

Въ славянской поэзіи замѣчается одно характерное явленіе, присущее ей болѣе, нежели литературамъ другихъ странъ, а именно замѣчательно гармоничный симбіозъ патріотизма и свободолюбія, который славянство воспитало въ себѣ за время своего многовѣковаго и многотруднаго историческаго пути. Дѣйствительно, какъ бы ни было разорено и угнетено славянское племя, какъ бы ни давило его иноземное иго,—всегда оно бережетъ въ груди своей жгучій огонь протеста, питаемый любовью къ родинѣ

и любовью къ свободѣ,—и трудно сказать приэтомъ, которое изъ двухъ этихъ началъ проявляется дѣятельнѣе, сильнѣе и ярче.

Указанныя черты славянской поэзіи достаточно убѣдительно говорятъ въ пользу ея изученія, цѣлямъ котораго и посвящена эта книга. Но существуетъ еще доводъ за ознакомленіе со славянской поэзіей— и передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ остальные, ибо его одного вполнѣ уже достаточно. Это—наша родственная близость ко всѣмъ славянскимъ народностямъ. Кому, какъ не намъ, надлежитъ живо интересоваться ихъ интересами, радоваться ихъ радостями и скорбѣть ихъ горемъ? Пора намъ сознать эту истину также ясно, какъ сознаютъ наши младшіе братья необходимость духовнаго единенія съ нами. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить слѣдующій поучительный фактъ: когда академикъ Ѳ. Е. Коршъ перевелъ сочиненія словенскаго поэта Франца Прешерна на русскій языкъ, словенскіе писатели Антонъ Ашкерцъ и Иванъ Веселъ поспѣшили отвѣтить на это изданіемъ «Русской антологіи» и подчеркнули въ предисловіи къ ней свое желаніе отплатить этимъ трудомъ русской литературѣ за ея вниманіе къ ихъ знаменитому соотечественнику. Чѣмъ чаще будутъ подобныя проявленія духовной солидарности съ нашей стороны, тѣмъ скорѣе наступитъ желанная минута всеславянскаго единенія.

Не увлекаясь мечтами политическаго панславизма, авторъ этой книги горячо вѣритъ въ полную возможность и близкое осуществленіе духовнаго объединенія славянъ, которое наступитъ не подъ давленіемъ грубой физической силы штыковъ и пулеметовъ, а какъ естественное послѣдствіе взаимнаго познанія и мирнаго культурнаго сближенія всѣхъ славянскихъ народностей между собою.

* * *

Николай I Черногорскій

Николай I Черногорскій родился 7 октября 1841 года въ деревнѣ Нѣгошъ. Онъ былъ сыномъ великаго воеводы Мирко Петровича и Стояны Мартиновичъ. Родные его, да и самъ онъ, долгое время были очень далеки отъ мысли, что впослѣдствіи ему придется стать властителемъ Черногоріи, такъ какъ въ родѣ Петровичей, управлявшихъ страною, онъ не былъ ближайшимъ кандидатомъ на княжескій престолъ. Дѣтство свое князь Николай провелъ въ полной свободѣ, на деревенскомъ просторѣ. «Эта жизнь среди дикой и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозной природы, наряду со страстною любовью къ родинѣ»,—читаемъ мы въ одной его біографіи,—«пробудила въ немъ и поэтическое дарованіе, которое постоянно поддерживалось разсказами о военныхъ подвигахъ и народными пѣснями, слышанными у семейнаго очага».

Грамотѣ князь Николай учился подъ руководствомъ своего отца, а первоначальное образованіе получилъ въ народной школѣ Цетинья, но уже десятилѣтнимъ мальчикомъ отправленъ былъ въ Тріестъ, гдѣ съ перерывами прожилъ около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ основательно изучилъ итальянскій и нѣмецкій языки, а также и нѣкоторые общеобразовательные предметы, причемъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался исторіей Сербіи. Въ этотъ періодъ времени ему удалось побывать и въ Венеціи, которая произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Родной дядя князя Николая, тогдашній правитель Черногоріи Даніилъ I, очень увлекался идеей дружескаго союза съ Франціей и императоромъ Напо-

леономъ III, который, пользуясь послѣднимъ обстоятельствомъ, стремился влiять на внутреннiя дѣла Черногорiи. Желая упрочить это влiянiе и въ будущемъ, французскiй императоръ учредилъ въ парижскомъ лицѣ Людовика Великаго нѣсколько вакансiй для черногорской молодежи—и вотъ, повинуясь волѣ своего дяди, князь Николай долженъ былъ въ 1856 году отправиться съ двумя товарищами для довершенiя своего образованiя въ столицу Францiи.

Однако будущему владыкѣ Черногорiи не суждено было окончить здѣсь курсъ. 11 августа 1860 года случилось событiе, круто измѣнившее его судьбу и повлiявшее на всю дальнѣйшую исторiю его родины.

Въ этотъ роковой день князь Даниилъ, прибывшiй незадолго передъ тѣмъ въ Каттаро на морскiя купанья, во время вечерней прогулки по набережной, былъ смертельно раненъ Кадичемъ, высланнымъ ранѣе по его приказанiю изъ предѣловъ Черногорiи. Послѣ двухдневныхъ и жестокихъ физическихъ страданiй, князь черногорскiй скончался, успѣвъ завѣщать престолъ своему юному племяннику Николаю, такъ какъ отецъ его Мирко отказался отъ княжеской власти въ пользу сына.

Первые годы правленiя князя Николая нельзя назвать легкими и счастливыми. Молодой монархъ оказался между двухъ противоположныхъ и взаимно исключавшихъ другъ друга влiянiй. Съ одной стороны возможности воздѣйствовать на государственныя дѣла добивалась вдова Даниила I, тетка князя Николая, красавица Даринка, съ другой стороны стоялъ его отецъ, великiй воевода Мирко. Княгиня Даринка унаслѣдовала отъ своего покойнаго супруга его восторженное увлеченiе Францiей и всѣмъ французскимъ. Она настаивала на сближенiи князя Ни-

колая съ Наполеономъ III и на введеніи въ Черногоріи государственныхъ учрежденій по образу и подобію существующихъ во Франціи. Отецъ князя Николая, закаленный и посѣдѣвшій въ бояхъ воинъ, наоборотъ былъ убѣжденнымъ патріотомъ своего отечества, не чуждымъ нѣкотораго консерватизма, и притомъ весьма послѣдовательнымъ руссофиломъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта борьба вліяній, а съ ними и придворныхъ партій, если бы княгиня Даринка не скомпрометировала себя одной неудачной и рискованной интригой противъ молодого князя; по его настоянію, она должна была навсегда покинуть Цетинье.

И въ это тяжелое для юнаго правителя время, и въ послѣдующіе долгіе годы его государственныхъ трудовъ и заботъ,—самымъ преданнымъ и вѣрнымъ помощникомъ-другомъ Николая I была жена его, княгиня Милена, дочь воеводы и сенатора Вукотича, съ которою князь черногорскій вступилъ въ бракъ 10 октября 1860 года, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія своего на престолъ.

Задачи и размѣры настоящаго очерка не позволяють останавливаться подробно на разсмотрѣніи государственной дѣятельности князя Николая, и потому мы ограничимся здѣсь самымъ краткимъ и сухимъ обзоромъ его управленія Черногоріей.

Дѣятельность князя Николая, какъ правителя, распадается на два, существенно отличныхъ другъ отъ друга, періода. Первый изъ нихъ обнимаетъ время съ 1860 по 1878 годъ и завершается принятіемъ постановленій международнаго Берлинскаго конгресса относительно Черногоріи; время это слѣдуетъ считать эпохою «собиранія» Черногоріи, какъ государства, ея объединенія и укрѣпленія. Второй

періодъ, продолжающійся съ 1878 года до нашихъ дней, долженъ быть названъ періодомъ реформаціоннымъ и,—несмотря на то, что въ декабрѣ 1905 года черногорцамъ дана была державнымъ ихъ повелителемъ конституція, наблюденіе текущихъ событій въ Черногоріи заставляетъ думать, что князю Николаю предстоитъ еще немало трудовъ и заботъ въ области преобразовательной дѣятельности и государственнаго строительства.

Вскорѣ по вступленіи Николая I на княжескій престолъ, партизанскія выступленія Черногоріи противъ турокъ вызвали войну съ Турціей: она продолжалась съ весны до конца августа 1862 года, сначала съ перемѣннымъ счастьемъ, а съ іюля мѣсяца крайне неблагопріятно для Черногоріи,—и завершилась взятіемъ Цетинья турецкими войсками. Миръ заключенъ былъ въ Скутари, причемъ, согласно договору, по всей Черногоріи поставлены были турецкіе гарнизоны. Окончательно избавиться отъ нихъ князю Николаю удалось только восемь лѣтъ спустя при содѣйствіи Россіи.

Вслѣдъ за неудачною войною въ Черногоріи начался сильный голодъ, народъ обнищалъ и умиралъ массами, частью отъ недоѣданія, частью же отъ занесенной съ Востока холеры. Благодаря щедрому матеріальному содѣйствію Россіи и Франціи угнетенной странѣ съ большимъ трудомъ удалось перенести всѣ эти удары судьбы, но долгіе годы неуклонной работы надъ собою потребовались Черногоріи для того, чтобы возстановить старыя силы и вернуть себѣ прежнее положеніе.

Для осуществленія послѣдняго предпринятъ былъ рядъ полезныхъ реформъ. Въ 1868 году собрана была «народная скупштина» со спеціальною цѣлью улуч-

шить управленіе государственными имуществами и урегулировать поступленіе и распредѣленіе государственныхъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено особенное вниманіе на усовершенствованіе путей сообщенія: по всей странѣ проложены были новыя шоссированныя дороги, заведены почта и телеграфъ. Немало трудовъ было потрачено и на народное образованіе: количество народныхъ школъ замѣтно возросло и организовались—въ 1868 году учительско-богословская семинарія, а въ 1870 году женскій институтъ на средства русскаго Вѣдомства Императрицы Маріи. Равнымъ образомъ улучшилось положеніе книгопечатанія въ столицѣ княжества Цетиньѣ.

Мирныя преобразованія, возродившія Черногорію къ новой жизни, вскорѣ надолго были прерваны надвинувшеюся войною. Весной 1875 года вспыхнуло геройское возстаніе герцеговинцевъ противъ турокъ, а со слѣдующаго года къ нимъ присоединились и черногорцы. Заботы князя Николая о своей арміи въ періодъ мира, направленныя къ улучшенію строевого состава, къ его обученію и усовершенствованію артиллеріи, дали самые благопріятные результаты. Войска, предводительствуемыя лично княземъ черногорскимъ, постоянно подвергавшимся смертельной опасности, одержали блистательную побѣду надъ турками на Вучьемъ Долѣ и послѣ продолжительной осады взяли городъ Баръ. Дальнѣйшее теченіе войны съ момента активнаго вмѣшательства въ нее Россіи—общеизвѣстно. Оно завершилось международнымъ Берлинскимъ конгрессомъ, собравшимся 13 іюня 1878 года, на которомъ участвовавшими державами подписанъ былъ договоръ, послужившій основаніемъ новаго порядка вещей на Бал-

канскомъ полуостровѣ. Согласно его постановленіямъ, Черногорія была признана независимымъ княжествомъ и владѣнія ея территоріально значительно увеличились, причемъ она получила выходъ къ Адріатическому морю присоединеніемъ порта Антивари и прилегающей морской полосы.

По словамъ Р—ца, въ его изслѣдованіи «Черногорская автократія и конституція,»—послѣ русско-турецкой войны «Черногорія нераздѣльно со своимъ княземъ выросла и, увѣнчанная ореоломъ военной славы, обратила на себя всеобщее вниманіе и пріобрѣла симпатіи цѣлаго свѣта»... При этомъ «фокусомъ, въ которомъ сосредоточивались лучи этой славы—былъ князь Николай. Это создало ему престижъ и предъ своимъ народомъ и подняло его на высоту, до какой до того онъ не поднимался, дало ему власть и силу, которыхъ онъ также прежде не имѣлъ.».

Однако ни усиленіе вліятельности и могущества, ни увеличеніе популярности не соблазнили князя Николая почить на лаврахъ: онъ съ прежнимъ неутомимымъ упорствомъ продолжалъ свои работы по внутреннему преобразованію подвластнаго ему государства. Такъ въ 1888 году закончилась предпринятая ранѣе кодификація мѣстнаго гражданскаго права и профессоромъ В. В. Богишичемъ изданъ былъ «Имущественный законникъ». Приблизительно въ то же время стали дѣйствовать и вновь учрежденныя судебныя установленія: введеніе судовъ четырехъ инстанцій гарантировало болѣе правильное отправленіе правосудія и большую осмотрительность при опредѣленіи судебныхъ рѣшеній.

Необходимость усовершенствованія администраціи заставило издать «Законъ о княжескомъ прави-

тельствѣ», установившій порядокъ прохожденія государственной службы, а также опредѣлившій точно права и обязанности черногорскихъ чиновниковъ. При этомъ издано было положеніе о сельской и городской общинахъ, регулировавшее ихъ автономныя права. Не было позабыто и государственное хозяйство: съ введеніемъ табачной монополіи и съ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ казенные доходы значительно возросли.

Наконецъ, съ середины 1905 года, князь Николай сталъ дѣятельно готовиться ко введенію въ Черногоріи конституціоннаго образа правленія. Въ половинѣ октября изданъ былъ указъ о выборахъ въ народную скупштину и обнародованъ избирательный законъ, впослѣдствіи же появились законы о свободѣ печати и отвѣтственности министровъ, а также новый уголовный кодексъ. Послѣ того, какъ по всей странѣ произведены были выборы народныхъ представителей и они съѣхались въ Цетинье, князь Николай въ день своихъ имянинъ 6 декабря, въ торжественномъ собраніи членовъ народной скупштины и дипломатическаго корпуса, произнесъ привѣтственную рѣчь и присягнулъ на вѣрность конституціи.

«Я даю моему народу конституцію,»—говорилъ въ своей рѣчи князь Николай,—«чтобы народъ пользовался ею разумно и честно, чтобы онъ гордился ею, какъ мирнымъ и Богомъ благословеннымъ пріобрѣтеніемъ, о которомъ въ моемъ государствѣ никто и не помышлялъ,—а это самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ, что самодержавіе никому не было тяжело кромѣ меня, вслѣдствіе своей слишкомъ большой отвѣтственности. И тутъ каждый повѣритъ, что конституція эта не есть дѣло одной

ночи или уступки современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, какъ могли бы подумать непосвященные въ это; она—исключительно дѣтище моего сердца, дѣтище моего личнаго убѣжденія, предметъ моего давнишняго желанія и наслѣдіе либеральныхъ понятій моихъ, въ Бозѣ почившихъ, предковъ, потому что никому свобода не была дороже чѣмъ имъ и никто больше нихъ не разжигалъ ее въ сербскихъ сердцахъ. Отнынѣ наша родина становится конституціонной монархіей и мы счастливо вступаемъ въ новую политическую жизнь.»

Во всей государственной дѣятельности князя Николая красной нитью проходитъ и всюду чувствуется неизмѣнная и горячая любовь къ родинѣ. Правда, и у него очень нерѣдки крупныя ошибки и увлеченія, но въ своемъ горячемъ патріотизмѣ онъ глубоко послѣдователенъ—и эта черта князя Николая-правителя не могла не сказаться въ князѣ Николаѣ-поэтѣ.

Нельзя не отмѣтить здѣсь же русскихъ симпатій князя Николая. Связанный узами искренней дружбы съ тремя русскими монархами, онъ въ 1889 году породнился съ нашимъ царствующимъ домомъ, когда дочь его княжна Милица Николаевна вышла замужъ за великаго князя Петра Николаевича. И не безъ серьезныхъ основаній императоръ Александръ III превозгласилъ тогда свой знаменитый тостъ за единственнаго вѣрнаго и искренняго друга Россіи въ лицѣ черногорскаго князя. Николай I много разъ бывалъ въ Россіи и успѣлъ хорошо познакомиться съ нашею жизнью и дѣйствительностью, что подтверждаютъ нѣкоторыя страницы его сочиненій. Прекрасно владѣя русскимъ языкомъ, черногорскій князь съ теплымъ радушіемъ и сердечностью встрѣчаетъ въ

своей столицѣ русскихъ путешественниковъ, пришельцевъ изъ далекой, но родной его сердцу страны.

Одинъ изъ нихъ, извѣстный писатель Евгеній Марковъ, посѣтившій Цетинье лѣтомъ 1902 года, такъ рисуетъ портретъ маститаго правителя Черногоріи. «Сильная плечистая фигура князя въ бѣлой гунѣ и бѣлыхъ доколѣнницахъ, въ богато расшитомъ золотомъ красномъ джамаданѣ и красной капицѣ, такъ давно знакомая намъ по портретамъ и иллюстраціямъ, сразу привлекаетъ къ себѣ своею патріархальною простотою и вмѣстѣ величіемъ... Несмотря на мягкія цивилизованныя манеры князя и на его европейскую рѣчь, въ этой богатырской груди, широкой, какъ стѣна, въ этихъ изъ бронзы отлитыхъ плечахъ и смѣло глядящихъ очахъ сидитъ еще безстрашный черногорскій юнакъ, лично водившій свои побѣдоносныя четы на турецкіе батальоны. Но этотъ юнакъ и вождь еще и народный поэтъ, какъ его предокъ, владыка Раде; горы и ущелья его пустынной родины вдохновляютъ его не только громомъ битвъ, но и тихими радостями творчества. Князь Николай—одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ поэтовъ своего народа; красоты черногорской природы, какъ и красота черногорской души, умирающей за свою бѣдную родину, нашли въ князѣ Николаѣ своего нѣжнаго и страстнаго пѣвца».

Литературная дѣятельность князя Николая началась ровно полвѣка тому назадъ, въ 1858 году, небольшими лирическими стихотвореніями патріотическаго содержанія.

Съ тѣхъ поръ маститый поэтъ не выпускаетъ пера изъ своихъ рукъ и не проходитъ года безъ того, чтобы онъ не обогатилъ родную поэзію новыми талантливыми произведеніями, которыя составили

теперь многотомное собраніе сочиненій, изданное въ 1894 году. «Зная сложныя занятія высокаго автора дѣлами народными и государственными, и вообще его образъ жизни, не дающій ему отдыха»,—замѣчаетъ Р-ч-цъ,—«нельзя не удивляться, когда онъ успѣваетъ писать. Въ этомъ однако именно и сказывается истинно поэтическая натура автора: онъ не можетъ жить безъ поэзіи; ею онъ отдыхаетъ, отрѣшаясь по временамъ отъ суровой дѣйствительности, въ ней ищетъ отвѣта на мучащіе его вопросы и частью изъ нея же почерпаетъ силу, чтобы легче нести тяжелое бремя правителя народа».

У князя Николая, вообще говоря, замѣчается любовь къ разработкѣ сильныхъ и грандіозныхъ сюжетовъ. Именно такова уже первая его трагедія «Вукашинъ», написанная въ 1865 году. Она дышетъ неутѣшною печалью о паденіи сербскаго царства и возсоздаетъ яркія картины роковой эпохи Косовской битвы. Впервые эта трагедія была напечатана въ отрывкахъ въ черногорскомъ альманахѣ «Орличъ» за 1866 и 1867 годы.

Въ 1888 году въ Цетиньѣ вышла трехактная драма князя Николая «Балканская царица», очень характерная для его творчества. Сюжетъ ея, заимствованный изъ черногорской исторіи XV вѣка, разработанъ авторомъ съ большимъ увлеченіемъ. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе.—У Ивана Черноевича, правящаго страною,—два сына: старшій Георгій — наслѣдникъ княжескаго престола и младшій-Станко, который чувствуетъ себя несправедливо обдѣленнымъ судьбою. Но внезапно вспыхиваетъ война съ турками и Станко, къ великой его радости, избранъ предводителемъ черногорскаго войска. Зная честолюбіе молодого военачальника, турки присылаютъ

ему обѣщаніе, если онъ предастъ свое войско въ ихъ руки, сдѣлать его повелителемъ надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Увлеченный гордыми мечтами, Станко соглашается, но его невѣста, красавица Даница, всѣми силами стремится помѣшать его коварному замыслу. Ее не прельщаетъ цѣною измѣны стать повелительницей обширной страны: она предпочитаетъ остаться вѣрной своему народу черногоркою. Видя ея несокрушимую твердость и боясь ее, потому что ей извѣстны теперь всѣ его планы, ренегатъ Станко покушается убить Даницу, а затѣмъ скрывается въ турецкій лагерь. Въ послѣдовавшемъ вслѣдъ за этимъ бою войско Станко разбито на голову, а Даница, сраженная предательствомъ любимаго человѣка, бросается въ рѣку Морачу.

Основная идея произведенія—торжество патріотической вѣрности надъ измѣною. Преданная своему долгу Даница — величіемъ своей души — истинная «Балканская царица». Эта трагедія князя Николая нашла себѣ большое распространеніе: она была переведена на мадьярскій, итальянскій, нѣмецкій, чешскій и русскій (Жераичемъ въ 1894 году) языки и съ успѣхомъ исполнялась на берлинской сценѣ.

Значительно слабѣе и гораздо менѣе непосредственна поэма «Послѣдній изъ абенсераговъ», напечатанная въ 1887 году и проникнутая вліяніемъ Шатобріана. Описывая любовь послѣдняго гренадскаго калифа къ красавицѣ-испанкѣ доннѣ Бланкѣ, она исполнена запоздалаго романтизма и сожалѣнія о погибшемъ рыцарствѣ былыхъ временъ. Появившаяся почти одновременно съ нею, поэма «Хайдана» оставляетъ ее далеко позади себя,—и своей колоритностью, и лиризмомъ, и знаніемъ описываемаго быта босняковъ XVII столѣтія. Героиня «Хайданы»,

взятая въ плѣнъ черногорка, отвергаетъ любовь своего властелина—турецкаго визиря, но когда ему угрожаетъ смертельная опасность, то защищаетъ своего вчерашняго угнетателя съ рискомъ для собственной жизни. Задача поэмы—показать до какихъ вершинъ можетъ подняться величіе и всепрощеніе чистой женской души.

Мысль о братскомъ единеніи славянъ проходитъ красною нитью въ циклѣ «Поэтъ и вила», относящемся къ 1892 году. «Кромѣ высокой идеи, воодушевляющей это произведеніе»,—замѣчаетъ Р-ч-цъ,—«оно представляетъ собою столько бьющихъ въ глаза поэтическихъ достоинствъ, такъ художественно ясно, что каждый славянинъ, даже не учившійся сербскому языку, можетъ понимать его своимъ славянскимъ чутьемъ; безъ спеціальнаго знанія сербскаго языка можно любоваться, какъ на картинѣ, разбросанными по всему произведенію живыми и яркими сценами и наслаждаться гармоніею стиха». По словамъ профессора А. И. Александрова,—это популярная исторія сербства, доказывающая, что разрозненность и отсутствіе согласія и солидарности въ сербствѣ было дѣйствительною причиною его паденія. Подобная же мысль положена въ основу шестиактной драмы въ стихахъ изъ древне-черногорской, зетской исторіи «Князь Арванитъ» (1895).

Въ этой драмѣ яркими чертами описывается упорная и тяжелая осада города Скадра войскомъ, предводимымъ княземъ Арванитомъ, братомъ властителя Черногоріи Ивана Черноевича, основателя Цетинья. Арванитъ горячо любитъ брата, вѣрой и правдой служитъ ему и преданъ своему государю до послѣдней капли крови. Въ прошломъ Арванита—пылкая любовь къ дѣвушкѣ, которая, измѣнивъ вѣрѣ отцовъ,

перешла въ магометанство и стала женою знатнаго турецкаго паши, принявъ имя Фатимы. По роковому стеченію обстоятельствъ, она въ моментъ осады оказывается въ Скадрѣ и, узнавъ Арванита, присылаетъ сказать ему, что прежняя любовь опять вспыхнула въ ея сердцѣ и она готова отдаться князю и предать въ его руки осажденный городъ. Однако Арванитъ остается твердымъ передъ искушеніемъ до конца и благородно отвергаетъ ея предложеніе, но Фатима, тайно отравивъ колодцы въ городѣ, впускаетъ черногорцевъ въ его стѣны, а сама гибнетъ отъ турецкой руки, искупая мучительной смертью свое отпаденіе отъ православія.

По опредѣленію профессора Качановскаго,—цѣль этого произведенія чисто дидактическая. Сама драма посвящена княземъ Николаемъ своему младшему сыну Мирко съ яснымъ нравоученіемъ, что младшій братъ долженъ служить старшему, такъ какъ

«Сила царства—братское согласье,
«А вражда—разбитое оружье».

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ еще «Новое коло» (1896), обширный сборникъ хороводныхъ пѣсенъ, посвященный отдѣльнымъ черногорскимъ племенамъ и въ поэтической формѣ излагающій всю ихъ многовѣковую исторію. Обнаруживая превосходное знаніе прошлаго своей страны, авторъ неуклонно и доказательно проводитъ мысль, что Черногорія въ нѣдрахъ своихъ сберегла идею сербской свободы, несмотря на всѣ посягательства на нее турецкихъ владыкъ.

По мнѣнію профессора А. И. Александрова,—въ этомъ произведеніи поэзія автора проникнута духомъ черногорскаго аристократизма или, иными словами,

величавымъ сербскимъ демократизмомъ въ простой племенной жизни сербовъ-черногорцевъ.

Языкъ «Новаго коло» отличается чистотой и глубокой народностью, а стихъ изяществомъ и легкостью.

Таковы—крупнѣйшія произведенія князя Николая Онъ продолжаетъ и теперь неутомимо работать въ этой области. Еще недавно сербскія газеты сообщали, что княземъ приготовлена къ печати большая прозаическая повѣсть «Деспа», сюжетъ которой заимствованъ изъ временъ управленія Черногоріей последними Балшичами.

Обратимся въ заключеніе къ лирикѣ князя Николая.

Небольшая книжка его стихотвореній издана была два раза: сначала въ 1889 году Симо Матавулемъ, а затѣмъ въ видѣ болѣе полнаго сборника въ 1894 году. Въ нее вошли лучшіе образцы лирики державнаго поэта, но многое, по свидѣтельству издателя, затерялось на страницахъ періодическихъ изданій и пропало въ рукописи. Однако того, чѣмъ мы располагаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы сказать, что главная сила князя Николая несомнѣнно въ лирикѣ.

«Какъ лирикъ, князь Николай является представителемъ не исключительно собственныхъ индивидуальныхъ чувствъ, но думъ и желаній цѣлаго поколѣнія»,—читаемъ мы въ очеркѣ Драгутина Илича о поэзіи князя Николая.—«Въ его пѣсняхъ не видно отдѣльной личности, но виденъ поэтъ, въ чувствахъ котораго сливаются мысли и стремленія черногорскаго народа его вѣка. Народная мысль объ освобожденіи, старое геройство временъ Неманичей,—а этимъ духомъ и въ настоящее время дышетъ Черногорія отъ княжескаго дворца до послѣдней хижины пастуха,—вотъ излюбленныя идеи, которыми всегда

настраивалась и до настоящаго времени вдохновляется его муза». При этомъ, «патріотическая пѣснь князя Николая никогда не переходитъ въ клевету на своего противника или въ недостойное преувеличеніе собственныхъ добродѣтелей. Подобно народному поэту, онъ выдвигаетъ высокія качества сербскаго геройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умалчиваетъ о добродѣтеляхъ своего противника».

Семнадцатилѣтнимъ юношей поэтъ записываетъ свое первое стихотвореніе. Молодой воспитанникъ парижскаго лицея Людовика Великаго, только что вернувшійся изъ шумной столицы Франціи, онъ посвящаетъ первое свое вдохновеніе,—и это знаменательно,—не блеску двора Второй Имперіи, не живописной пестротѣ парижскихъ бульваровъ, не улыбающимся пейзажамъ и свѣжей зелени Булонскаго лѣса; не увлекаютъ его и воспоминанія о недавно видѣнной царицѣ Адріатики, красавицѣ Венеціи,—онъ поетъ про гору Ловченъ, дорогую ему по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Царственно высокая, она видна далеко съ моря и при возвращеніи изъ пыльныхъ и скучныхъ классовъ лицея, ея показавшаяся вершина—первый привѣтъ родины князю-поэту. И онъ благодаренъ ей, напоминающей его бодрую и безоблачную юность съ руками полными розъ, съ беззаботнымъ сномъ на сочной, изумрудной травѣ, въ густой тѣни старыхъ, вѣтвистыхъ буковъ («Прогулка на Ловченъ»).

Здѣсь все для него близкое и родное. На вершинѣ Ловченъ часовня надъ прахомъ безвременно угасшаго дѣда князя Николая. Онъ хорошо помнитъ Петра II Раде и съ первыхъ дней своей сознательной жизни уже слушалъ долгіе и восторженные разсказы объ этомъ великомъ владыкѣ Черногоріи, такъ

горячо любившемъ свою родину и отмѣченномъ даромъ Божьимъ. И у его гробницы князю Николаю кажется, что его мольба дойдетъ до царственнаго предка и онъ вмѣстѣ съ княжеской властью пошлетъ внуку лучшій и благороднѣйшій даръ,—даръ поэтическаго творчества, вдохновившій ему въ свое время знаменитую поэму «Лучъ микрокосма» («На гробницѣ Петра II Петровича Нѣгоша»).

Слышитъ ли князь Николай издалека колокольный звонъ, доносящійся изъ Цетинскаго монастыря, рождающій въ груди невольную молитву, сидитъ ли онъ на пиру среди друзей и сверстниковъ, празднуя праздникъ силы и молодости, онъ неизмѣненъ: передъ его умственными очами стоитъ проклятое турецкое иго, сломившее могущество братьевъ-сербовъ, онъ видитъ героя Косовской битвы королевича Марко, мечтаетъ вернуть святыню и колыбель сербства—далекій и плѣненый турками Призренъ, войти въ него побѣдителемъ, освободителемъ угнетенныхъ...

Проходятъ годы, тревожные кровопролитные годы... Много братьевъ полегло въ борьбѣ съ вѣчными врагами турками и тяжелыя послѣдствія неудачной войны чувствуются во всемъ и на каждомъ шагу. Но развѣ ратныя невзгоды смутятъ геройскій духъ истаго юнака, развѣ онѣ способны обезсилить его могучія руки? Ему рисуется страдающая въ турецкихъ оковахъ, измученная и окровавленная райя-христіанство, онъ видитъ сраженнаго, изрубленнаго ятаганами невѣрныхъ старца-героя Богдана Юга, сложившаго свою голову на злополучномъ Косовомъ полѣ... И его мечта, завѣтная мечта — отмщеніе. («Туда...»).

«Пѣсни князя Николая давно стали бы въ исторіи сербской изящной литературы лишь ординар-

нымъ памятникомъ»,—замѣчаетъ Драгутинъ Иличъ, самъ извѣстный сербскій поэтъ,—«если бы въ минуту поэтическаго экстаза онъ не далъ бы сербскому народу сербской марсельезы. Руже де Лиль могъ написать еще сотни прекрасныхъ стихотвореній, но безъ своей «Марсельезы» былъ бы не полонъ. Стихотвореніе князя Николая «Туда...» сдѣлалось для сербской молодежи тѣмъ, чѣмъ созданіе Руже де Лиля—«Марсельеза» для французовъ во дни великой французской революціи.

Не напрасны были призывы къ отмщенію, ставшіе народнымъ гимномъ. То, что было еще такъ недавно невозможнымъ для князя Николая,—«чего всегда душа его желала, въ чемъ самъ себѣ признаться онъ не смѣлъ»—свершилось. Пала темная турецкая сила, облегченно вздохнула освобожденная райя и его родина Черногорія получила доступъ къ желанному морю... Поэтъ на его берегу, онъ пришелъ на первое свиданіе съ Адріатикой, впервые онъ можетъ назвать ее своею. Свѣтлая минута, когда забываются прошедшія испытанія, когда въ груди поднимается волна всепрощенія и страшно, чтобы кто нибудь не отнялъ долго жданнаго счастья и уста, повторяя безъ конца, шепчутъ со страстью: «Будь моимъ, о сине-море...» («Къ морю...»).

Наступили тихіе и солнечные осенніе дни, когда отрадно бросить взглядъ на прожитое. Поэтъ—въ кругу семьи у домашняго очага, окруженный дружной и любящей семьею. Ему тепло и свѣтло,—и въ этихъ юныхъ головкахъ, въ этихъ честныхъ взглядахъ подростающаго поколѣнія онъ видитъ залогъ счастья для своей родины, завѣщаетъ своимъ дѣтямъ любить ее и Бога. Ему вспоминаются спѣтыя имъ пѣсни («Пѣлъ я пѣсни...») и опять надо всѣмъ

царитъ его мать-отчизна Черногорія и онъ имѣетъ полное право сказать, что—

«Всюду пѣлъ ее—и въ Вѣнѣ,
«И въ Кремлѣ и надъ Невою,—
«За нее молился Богу
«Съ вѣрой жаркой и святою...»

«Рядъ поэтическихъ произведеній князя Николая»,—говоритъ профессоръ А. И. Александровъ,— «произведеній, въ которыхъ его высокая душа широкимъ откликомъ отозвалась на завѣтныя стремленія южнаго славянства и его политическіе идеалы, своимъ увлекательнымъ патріотическимъ содержаніемъ, точнымъ взглядомъ на жизнь и время и высокопоэтической формой дѣлаетъ вѣнценоснаго автора достойнымъ названія первостепеннаго народнаго поэта. Князь въ нихъ прежде всего вѣрный сербъ, а затѣмъ великій учитель и воспитатель своего народа, чутко оберегающій жизнь и счастье своихъ подданныхъ, а боль и страданія сербства и всего славянства чувствующій, какъ свою личную боль. Для сербской молодежи эти пѣсни и произведенія являются лирическимъ воззваніемъ, исходящимъ изъ устъ самого князя, призывомъ братьевъ къ любви и единенію, говорящимъ имъ о славномъ прошломъ, источникомъ самыхъ возвышенныхъ стремленій, источникомъ, изъ котораго молодое поколѣніе можетъ черпать бодрость и силу въ дѣлѣ борьбы за свободу и самостоятельность своего малаго, но милаго для всѣхъ отечества.»

Въ поэзіи князя Николая нѣтъ захватывающей лирики страстной и жгучей любви къ женщинѣ, нѣтъ и ажурной тонкости психологическаго анализа. Въ ней нельзя найти красивыхъ картинъ чужеземной природы, эффектныхъ положеній, оригинальныхъ

формъ стиха. Онъ однообразенъ, но въ самомъ этомъ однообразіи—большая заслуга поэта: онъ не тратитъ силъ въ тѣхъ областяхъ творчества и человѣческой мысли, которыя не шевелятъ отзывныхъ струнъ его души. Пламенно любитъ онъ родину, ея прошедшее, созданное его руками ея настоящее и славное будущее, въ которое почти религіозно вѣритъ. Образъ пѣвца-патріота, готоваго на всѣ жертвы за свободу и счастье отечества, художественно воплотился въ князѣ Николаѣ и ни малѣйшій штрихъ, ни малѣйшая черточка не нарушаютъ законченности этой яркой и лѣпкой фигуры. Его поэзія отразила его трудовую, посвященную служенію родинѣ, жизнь и онъ можетъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія оглянуться на пройденный имъ долгій и тернистый путь монарха, ибо никакія житейскія удачи и никакія испытанія не угасили въ немъ искры Божіей.

Онъ—средневѣковый палладинъ, высоко поднявшій стягъ, увѣнчанный крестомъ, и всегда готовый ринуться въ кровавый бой съ невѣрными, врагами Христова имени и отчизны. На устахъ его—неизмѣнная «пѣсня во славу любезной»,—но не Прекрасной Дамы Сердца, а свободной и возрожденной Черногоріи.

Туда

Туда, за мною,—за эти горы,—
Туда, гдѣ пали съ далекихъ поръ
Царей палаты и гдѣ, волнуясь,
Шумѣлъ когда то юнацкій сборъ.

Туда, за мною! Увижу Призренъ,—
Домой стремится душа давно!
Манитъ былое... Въ страну родную
Войти съ оружьемъ мнѣ суждено.

Туда! Съ развалинъ чертоговъ царскихъ
Врагу съ проклятьемъ хочу сказать:—
«Бѣги отсюда... Теперь за все я
«Могу сторицей тебѣ воздать!»

Туда, за мною, за эти горы...
Тамъ зеленѣетъ цвѣтущій край
И въ бѣлыхъ стѣнахъ Дечанъ высокихъ
Молитва въ души низводитъ рай.

Туда, за мною, за эти горы,
Гдѣ голубѣетъ небесный сводъ,
На поле сербовъ, на поле брани
Готовьтесь, братья, опять въ походъ!

Туда, за мною... Тамъ за горами,
Конемъ растоптанъ, насъ Югъ зоветъ:—
«Скорѣй на помощь! Отмстить за старца
«Вашъ долгъ священный... Друзья, впе-
редъ!» —

Туда, за мною... Объ кости турокъ
За старца сабли мы иступимъ,
Расторгнемъ злыя оковы райи
И вновь свободу добудемъ имъ.

Туда... Къ могилѣ святой Милòша...
Лишь только горы мы перейдемъ,—
Познаютъ души покой желанный
И сербъ не будетъ уже рабомъ.

* * *

Къ морю

Здравствуй, водная равнина!
Мы давно мечтаемъ, море,
О волнахъ твоихъ свободныхъ,
О привольи и просторѣ!

Здравствуй... Снова очарованъ
Я твоею красотою.
Ахъ, зачѣмъ лихіе люди
Въ старину—между собою

Разлучили васъ коварно,
Двѣ стихіи, двѣ свободы—
Цѣпи горъ моихъ могучихъ
И твои, о море, воды!

Но хулить людей не стану:
Ихъ за все Господь разсудитъ...
Кровь героевъ, нашихъ братьевъ,
Грознымъ моремъ вѣкъ пребудетъ.

Слава Богу и юнакамъ,
Красотѣ родного края!
Ты жъ на пѣснь мою, стихія,
Отзовись, валы вздымая...

Въ пѣснѣ той тебя молю я:
Море, будь моимъ отнынѣ,
Съ царствомъ рыбъ и жемчугами,
Затаенными въ пучинѣ...

Будь моимъ, о сине море,
Безмятежно голубое,
Возмущенное вѣтрами,—
Въ буйномъ гнѣвѣ и покоѣ...

Будь моимъ—и съ парусами,
Что проносятся стрѣлою,—
И съ дарованною небомъ,
Свѣтозарной синевою...

Будь моимъ, покуда люди—
На землѣ, пока свѣтило
Волнъ твоихъ, что камни пѣнятъ,
Навсегда не изсушило.

* * *

Прогулка на Ловченъ

Какъ позабыться порой отрадно
На склонахъ Ловченъ, въ травѣ прохладной!
Какъ дивно близокъ душѣ мятежной
Цвѣтовъ прекрасныхъ покой безбрежный!

Не зная горя и чуждъ сомнѣнья,
Лѣсъ полонъ счастьемъ уединенья;
Но соловьиной обвѣянъ пѣсней,
Онъ дышетъ миромъ еще чудеснѣй.

Вершины Ловченъ, молю, пошлите
Мнѣ счастье въ жизни и сѣнь храните
Свою при зноѣ и непогодѣ,
Всегда даруя пріютъ свободѣ!

Пусть вѣтви бука оберегаютъ
Отъ снѣга розы, пусть расцвѣтаютъ
И тѣ долины, гдѣ ихъ сбирая,
Такъ сладко спалъ я, заботъ не зная.

Родникъ Корита, волной бурливой
Не погуби мой цвѣтокъ счастливый;
Онъ въ леденящихъ струяхъ увянетъ,
А съ нимъ и счастья на вѣкъ не станетъ!

* * *

На гробницѣ Петра II Петровича Нѣгоша

Полонъ гордостью святою,
Я, съ почтеньемъ безконечнымъ,
Оросилъ нѣмой слезою
Прахъ родной въ пріютѣ вѣчномъ.

Одинокое молчанье
Крестъ могильный осѣняло,
И завѣтное желанье
Снова сердце взволновало...

О скажи, какая вила
Вѣщій «Лучъ» тебѣ слагала,
Пѣсни неба вдохновила
И полетъ твой окрыляла?

Давъ народу столько счастья
Ты почилъ—и отдалъ въ руки
Мнѣ страну и принялъ власть я,
Тяжесть власти, полной муки...

Но въ загробныя селенья
Взялъ ты тайну грезъ высокихъ,—
Дай же силу пѣснопѣнья
Мнѣ съ небесъ твоихъ далекихъ!

* * *

* * *

Пѣлъ я пѣсни одиноко
Надъ пучиною бездонной,—
Пѣлъ и плакалъ, заглушая
Ропотъ моря монотонный.

Въ городахъ, дворцахъ и селахъ
Этимъ пѣснямъ всѣ внимали
И нерѣдко сердце дѣвы
Ихъ созвучья волновали.

Пѣлъ я радостныя зори,
Краски алыя заката,
Юность, волю, милый Призренъ,
Край покинутый когда то.

Воспѣвалъ свои скитанья,
Брань героевъ, свѣтъ лазури,
Шумъ грозы глухою ночью,
Стоны вѣтра, вопли бури.

Про вино и быстрыхъ коней,
Про цвѣты—я пѣлъ не мало;
И не разъ любовь струнами
Полновластно управляла.

Обо всемъ слагалъ я пѣсни...
Стану пѣть тѣ пѣсни снова,
Если Богъ продлитъ мнѣ годы
Въ тишинѣ гнѣзда родного

У меня въ гнѣздѣ уютно...
Слава Богу, все въ немъ мило:—
Для меня его голубка
И свила, и сохранила.

Вамъ привѣтъ, касатки-дочки,
Другъ-жена, сыны-орлята,
Вся семья моя родная
И любимая такъ свято!

Здравствуй, свѣтъ мой—кругъ семейный,
Міръ надеждъ моихъ лучистыхъ,
Рай безгрѣшныхъ наслажденій,
Вѣчно новыхъ, вѣчно чистыхъ!

Угождайте Богу, дѣти!
Онъ, храня вамъ жизнь земную,
Осчастливитъ вмѣстѣ съ вами
Черногорію родную.

* * *

Іованъ Іовановичъ Змай

Іованъ Іовановичъ Змай родился 24 ноября 1833 года въ Новомъ Садѣ, въ родовитой и зажиточной семьѣ. Отецъ его, бывшій сначала совѣтникомъ городского управленія, а позднѣе Новосадскимъ городскимъ головою, отличался большою вліятельностью въ городѣ и пользовался всеобщими симпатіями. Раннее дѣтство Іовановича протекало на привольѣ и въ полномъ довольствѣ. Когда мальчика рѣшили посадить за азбуку, то первымъ его учителемъ былъ отецъ, и только десяти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ основную школу своего родного города, по окончаніи которой перешелъ въ гимназію въ Халашѣ.

Новый Садъ, гдѣ прошли дѣтскіе годы Іовановича, находится въ Венгріи недалеко отъ сербской границы, почему въ городѣ этомъ языки сербскій и мадьярскій фактически пользуются почти одинаковыми правами гражданства. Послѣднее обстоятельство дало Іовановичу возможность еще ребенкомъ усвоить оба эти языка, причемъ основательное знаніе венгерскаго—впослѣдствіи очень помогло Іовановичу въ его образцовыхъ переводахъ изъ Петефи и Арани.

Съ тѣхъ поръ, какъ Іовановичъ сталъ помнить себя, ему уже были знакомы юнацкія пѣсни, народныя сказки и преданія: старуха Мика, тетка Іовановича, жившая въ домѣ его отца, своими безконечными разсказами въ долгіе зимніе вечера открывала передъ своимъ племянникомъ одну за другою яркія картины прошлаго многострадальной Сербіи, и будущій поэтъ учился страстно любить свою родину и ненавидѣть ея угнетателей.

По свидѣтельству біографовъ Іовановича, въ дѣтствѣ на него имѣли вліяніе Гавріилъ Ползовичъ, впослѣдствіи Новосадскій городской голова, и священникъ Георгій Вуковичъ—большіе знатоки сербской литературы и горячіе ея поклонники. Впрочемъ, вся атмосфера въ родительскомъ домѣ была вполнѣ интеллигентной; здѣсь часто бывали мѣстные литераторы, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что маленькій Іованъ, сначала изъ подражанія старшимъ, сталъ сочинять стихи. Обстоятельство это, видимо, очень тѣшило самолюбіе родителей и отецъ поспѣшилъ даже подарить сыну въ поощреніе особый альбомъ для записыванія стиховъ, озаглавивъ его: «Старыя пѣсни юнаго стихотворца». Кажется, первыя попытки нельзя было назвать неудачными: другъ семьи Іовановичей, знаменитый сербскій поэтъ Симо Милутиновичъ, гостя въ Новомъ Садѣ, выслушалъ нѣсколько стихотвореній малютки-писателя и пришелъ отъ нихъ въ восторгъ. Уѣзжая, онъ благословилъ мальчика пророческими словами: „Дай Богъ, чтобы онъ былъ поэтомъ!»

Такъ, подъ вліяніемъ народной поэзіи и литературныхъ образцовъ съ одной стороны и жизненныхъ примѣровъ съ другой, постепенно росло и крѣпло дарованіе Іовановича. Продолжительные годы школьной выучки не заглушили въ немъ любви къ творчеству, которому онъ отдавался и въ Пожунской гимназіи, гдѣ получилъ свидѣтельство зрѣлости, и на юридическомъ факультетѣ въ Будапештѣ, Прагѣ и Вѣнѣ. Впослѣдствіи поэтъ и самъ признавался что на школьной скамьѣ онъ учился гораздо менѣе, чѣмъ писалъ и, въ особенности, читалъ. «Даровитость Іовановича»,—замѣчаетъ П. А. Заболотскій,—«обратила на себя вниманіе его отца, который шелъ на-

встрѣчу любознательности сына, давая ему возможность покупать книги, и сынъ въ свои учебные годы обыкновенно возвращался домой съ пріобрѣтенными имъ произведеніями преимущественно нѣмецкой, сербской и мадьярской литературы».

Дѣтскія мечты о писательствѣ, которыя Іовановичъ, по словамъ его сербскаго біографа Хаджича, лелѣялъ съ семилѣтняго возраста, стали понемногу сбываться. Въ 1849 году Іовановичемъ было написано первое, появившееся въ печати, стихотвореніе «Весеннее утро» (оно было помѣщено въ «Сербскомъ Лѣтописцѣ» за 1852 годъ, кн. 86) и съ этого именно момента начинается литературная дѣятельность Іовановича; вскорѣ мы встрѣчаемъ его имя на страницахъ «Денницы» и «Недѣли», а немного спустя онъ числится среди сотрудниковъ юмористическаго журнала «Лунатикъ», издававшагося Дмитріемъ Михайло̀вичемъ. Въ эту пору на Іовановича имѣютъ особенно сильное литературное вліяніе Бранко Радичевичъ и Павелъ Поповичъ Шапчанинъ.

По окончаніи университета Іовановичъ съ 1861 по 1862 годъ исполнялъ обязанности секретаря въ Новосадскомъ городскомъ магистратѣ, но канцелярская служба пришлась ему не по душѣ и онъ постоянно отвлекался отъ нея занятіями журналистикой, сначала сотрудничая въ юмористическомъ журналѣ Райковича «Комаръ», а затѣмъ издавая свой собственный журналъ «Яворъ» (1862).

Покинувъ Новосадскій магистратъ, Іовановичъ при помощи Сербской Школьной Матицы устроился воспитателемъ въ «Текеліанумѣ», Будапештской гимназіи, основанной Текели, причемъ одновременно посѣщалъ лекціи медицинскаго факультета въ мѣстномъ университетѣ. Уже тогда извѣстность

и популярность Іовановича среди сербовъ была значительной и сербское студенчество Будапештскаго университета внимательно прислушивалось къ его мнѣніямъ и высоко ставило его авторитетъ, что однажды признало формально, единогласно избравъ его предсѣдателемъ своего общества «Путеводная звѣзда». Однако ни кружковая жизнь, ни педагогическая дѣятельность, ни научныя занятія не могли парализовать въ Іовановичѣ его публицистической жилки: въ 1864 году онъ основалъ въ Будапештѣ сатирическій журналъ «Змай» («Змѣй»), отъ котораго заимствовалъ свой литературный псевдонимъ, ставшій впослѣдствіи болѣе громкимъ и распространеннымъ, чѣмъ собственная фамилія поэта.

Получивъ званіе врача, Іовановичъ началъ медицинскую практику, причемъ опять-таки старался вести ее, не сокращая своихъ литературныхъ трудовъ. Тогда же онъ написалъ веселую одноактную комедію-шутку «Карпъ», въ которой осмѣивалъ невѣжество и суевѣріе самодура-крестьянина, обманутаго своей женой. Пьеса эта, переведенная въ 1893 году В. Глумовой на русскій языкъ («Благовѣстъ», № 48), обнаруживаетъ большую наблюдательность автора въ области народнаго быта; въ свое время она понравилась публикѣ и на сценѣ имѣла успѣхъ.

Затѣмъ для Іовановича наступаютъ годы скитаній. Онъ живетъ попеременно: въ Новомъ Садѣ, Карловцахъ, откуда уѣзжаетъ вслѣдствіе преслѣдованій на политической почвѣ австрійскихъ административныхъ властей, въ Панчевѣ на Дунаѣ, издавая съ 1872 по 1874 годъ юмористическій журналъ «Огонь», и въ Вѣнѣ, гдѣ усиленно занимается довершеніемъ своего медицинскаго образованія. Памят-

никомъ вѣнской жизни Іовановича остался цѣлый рядъ его научныхъ работъ въ области гигіены и естественныхъ наукъ. Затѣмъ онъ переѣзжаетъ въ Футогъ, а оттуда въ Загребъ, наконецъ долго живетъ въ Бѣлградѣ, гдѣ, занимая мѣсто драматурга народнаго театра, трудится надъ созданіемъ и редактированіемъ пьесъ для народной сцены. Отсутствіе осѣдлости въ жизни Іовановича біографы склонны объяснять его стремленіемъ возможно ближе и лучше познакомиться со всѣми доступными ему славянскими племенами и землями; объясненіе это, повидимому, совершенно правильно. Если же принять во вниманіе спеціальныя врачебныя познанія поэта, то легко понять, что Іовановичъ всюду бывалъ желаннымъ гостемъ.

Семейную жизнь Іовановича нельзя назвать вполнѣ удачной. Горячо полюбивъ Ефросинію Ружицъ Личанинову, онъ въ 1861 году женился на ней и привязался къ ней со всею страстью своей юной души. Отъ этого брака у поэта родилась дочь Смилья, но недолго суждено ему было наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Въ 1872 году скончалась жена Іовановича, а вскорѣ вслѣдъ за нею сошла въ могилу его маленькая дочка. Къ этому времени относится періодъ расцвѣта его лирики: подъ впечатлѣніемъ любви и свѣтлой жизни у домашняго очага создаются «Розы», циклъ тонкихъ лирическихъ стихотвореній, посвященныхъ женѣ и дочери, дышащихъ нѣжной и благоухающей поэзіей. «Увядшія розы» (1887) были грустнымъ и позднимъ вѣнкомъ на безвременную могилу любимыхъ и близкихъ осиротѣвшаго поэта.

Между тѣмъ публицистическая дѣятельность Іовановича шла своимъ чередомъ и создавала ему, равно какъ и его поэзія, все больше и больше поклонни-

ковъ среди современниковъ. Освободительная война 1877—1878 годовъ вызвала къ жизни циклъ вдохновенныхъ произведеній Іовановича, среди которыхъ однимъ изъ лучшихъ справедливо считается его задушевное стихотвореніе «Памятникъ близъ Алексинца», посвященное памяти русскихъ воиновъ, павшихъ за братьевъ-славянъ. Въ то же время Іовановичъ издаетъ «Иллюстрированную военную хронику», которая нашла себѣ обширный кругъ усердныхъ читателей на Балканскомъ полуостровѣ.

Когда затихли послѣдніе раскаты военной грозы и стало возможнымъ вновь возвратиться къ правильнымъ и мирнымъ литературнымъ занятіямъ, Іовановичъ основалъ юмористическую газету «Карликъ», а два года спустя образцовый дѣтскій журналъ «Иммортели», впослѣдствіи издававшійся въ Загребѣ, и выпустилъ литературный сборникъ для юношества «Рождественскій гость». Между тѣмъ спросъ книжнаго рынка на произведенія Іовановича настолько возросъ, что въ 1882 году понадобилось издать первое дешевое собраніе его сочиненій для народа, которое и вышло въ свѣтъ въ Новомъ Садѣ.

Въ 1889 году Іовановичъ имѣлъ возможность убѣдиться насколько полно и справедливо оцѣнена его неустанная и безкорыстная работа на пользу славянства: было торжественно отпраздновано сорокалѣтіе его литературной дѣятельности, причемъ въ дружномъ и сердечномъ чествованіи престарѣлаго поэта наряду съ сербами Австріи, Черногоріи, Старой Сербіи и Королевства приняли участіе представители мадьярской литературы и интеллигенціи.

Десять лѣтъ спустя, полувѣковой юбилей Іовановича вызвалъ цѣлую литературу о немъ и его произведеніяхъ на страницахъ почти всѣхъ выдающихся

европейскихъ повременныхъ изданій. Въ торжествѣ участвовали: Бѣлградская Королевская Академія Наукъ, Новосадская Сербская Матица, Венгерская Академія Наукъ и Будапештскій университетъ. Со своей стороны и наша Академія Наукъ привѣтствовала старца-поэта прочувствованнымъ адресомъ.

Послѣ этого знаменательнаго для писателя праздника онъ прожилъ еще пять лѣтъ. Большую часть этого времени онъ провелъ въ Каменицѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ, живо интересуясь современностью и изрѣдка принимая активное участіе въ дѣлахъ любимой имъ сербской литературы. Скончался онъ 2 іюня 1904 года, причемъ всѣ безъ различія направленій партіи сошлись на согласномъ признаніи его крупныхъ литературныхъ и гражданскихъ заслугъ передъ Сербіей. Похороны его отличались всенароднымъ характеромъ, и свыше ста депутацій отъ всевозможныхъ слоевъ общества и различныхъ общественныхъ организацій шли за его гробомъ.

Память о Іовановичѣ прочно живетъ въ сердцахъ сербовъ и свято чтится ими. Еще недавно газеты сообщали, что въ Карловцѣ, гдѣ жилъ когда то поэтъ, общество сербскихъ публицистовъ и литераторовъ «Змай» рѣшило соорудить Іовановичу памятникъ на добровольныя пожертвованія, открывъ для этого всенародную подписку въ Сербіи и другихъ славянскихъ странахъ.

Іовановичъ—одинъ изъ самыхъ многостороннихъ и плодовитыхъ сербскихъ писателей. За свою болѣе чѣмъ полувѣковую творческую дѣятельность онъ оставилъ обширное и очень разнообразное литературное наслѣдіе, къ краткому разсмотрѣнію котораго мы теперь и перейдемъ.

Хорошее знакомство съ иностранными языками, усвоенное еще въ дѣтствѣ, помогло Іовановичу воспитаться на лучшихъ образцахъ западно-европейской литературы и многіе изъ нихъ передать на свой родной языкъ. Первымъ по времени его переводомъ является переводъ поэмы венгерскаго писателя Ивана Арани (1817—1882) «Тольди», посвященной подвигамъ мадьярскаго героя, жившаго во времена короля Матвѣя Корвина. Въ оригиналѣ поэма эта вызвала въ свое время общій восторгъ,—переводъ ея также принятъ былъ сербами весьма радушно. По словамъ одного изъ сербскихъ критиковъ въ журналѣ «Сербскій лѣтописецъ»,—поэма Арани «Тольди» въ переводѣ Іовановича производитъ впечатлѣніе не перевода, а второго оригинала. Когда читаешь его, то кажется, что слушаешь самого Арани, но говорящаго на сербскомъ языкѣ. И это относится не только къ тѣмъ страницамъ, которыя переведены съ дословною точностью, но еще въ большей степени къ тѣмъ, гдѣ Іовановичъ отступаетъ отъ мадьярскаго подлинника,—настолько все въ нихъ до мельчайшихъ подробностей передано въ духѣ Арани, и это—большая заслуга переводчика. Вслѣдъ за «Тольди» послѣдовали съ мадьярскаго же переводы поэмъ того же автора «Старость Тольди» и «Взятіе Мурань-града», изъ Александра Петефи (1822—1849)—поэмы «Витязь Іоаннъ» и знаменитаго монолога «Сумасшедшій», а также многихъ стихотвореній Коломана Тота (1830—1881) и Мавра Іокая. Съ французскаго Іовановичъ переводилъ «Пѣсни» Беранже, съ англійскаго Лонгфелло и въ 1880 году Теннисона («Енохъ Арденъ»), съ нѣмецкаго—Лессинга, Гете, Уланда, Ленау, Рюккерта, Грильпарцера, Анастасія Грюна (Ауэрсперга), Гервега, Гамерлинга, Фрейлиграта, Боден-

штедта и наконецъ Генриха Гейне, съ которымъ имѣлъ нѣкоторыя общія черты таланта. Въ 1861 году вышелъ сборникъ Іовановича «Восточный жемчугъ», въ первой части котораго помѣщены переводы изъ Гафиза, а во второй «Пѣсни Мирзы Шаффи» Боденштедта. Свободно и легко овладѣвъ русскимъ языкомъ, Іовановичъ въ 1863 году далъ сербамъ хорошій переводъ Лермонтовскаго «Демона», а затѣмъ сталъ переводить стихотворенія Пушкина, Майкова, Полонскаго, Добролюбова, Некрасова и Минаева. Незадолго передъ смертью Іовановичъ, по свидѣтельству доктора Максимовича, очень увлекался «Кларой Миличъ» и «Senilia» («Стихотвореніями въ прозѣ») Тургенева. Собирался онъ также перевести избранныя стихотворенія К. Р., но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе. Почти во всѣхъ своихъ переводахъ Іовановичъ очень близокъ къ подлиннику, въ то же время умѣя чутко уловить общій духъ и стиль произведенія, что, конечно, составляетъ немалую его заслугу передъ сербской литературой. «Въ поэтѣ-переводчикѣ, вдохновлявшемся своими оригиналами, словно дѣйствительностью, а иногда дѣлавшемъ свои переводы много выше подлинниковъ»,—читаемъ мы у А. И. Яцимирскаго,—«уживалась та доля поэта оригинальнаго, которая дѣлаетъ такое произведеніе безсмертнымъ, создаетъ ему извѣстность и громкую славу».

Замѣчателенъ Іовановичъ и какъ способный, свободолюбивый публицистъ. Демократъ до мозга костей, онъ уже съ юныхъ лѣтъ питалъ отвращеніе къ сословнымъ и классовымъ отличіямъ, несмотря на свое аристократическое происхожденіе и родственныя связи съ покойнымъ сербскимъ королемъ Александромъ Обреновичемъ. «Еще мальчикомъ»,—со-

общаетъ А. Н. Сиротининъ,—«маленькій Змай плакалъ и сердился, когда его называли «немеш» или «ифіур» (по мадьярски—«барчукъ») и ни за что не хотѣлъ носить соломенной шляпы и перчатокъ, потому что не видѣлъ ихъ на другихъ дѣтяхъ. Эта демократическая жилка сохранилась у него навсегда и, можетъ быть, никто изъ сербскихъ писателей не нанесъ болѣе тонкихъ и ѣдкихъ сатирическихъ стрѣлъ Милану, какъ его родственникъ.»—Особенно ѣдки насмѣшки Іовановича надъ королемъ Миланомъ въ «Національномъ гимнѣ для Сербіи». Не менѣе удачны и находчивы были его остроты въ злободневномъ «Абуказемовомъ календарѣ» и юмористическія выступленія противъ нашихъ дипломатовъ за ихъ неудачи на Берлинскомъ конгрессѣ («Русской дипломатіи»). Но вообще насмѣшка Іовановича не отличалась рѣзкостью и злобностью: юмористъ замѣтно преобладалъ въ немъ надъ сатирикомъ. Будучи убѣжденнымъ прогрессистомъ, онъ съ постоянною стойкостью боролся за осуществленіе принциповъ свободы личности, за религіозную и національную свободу сербовъ. Въ этомъ отношеніи характерны его стихотворенія «Обскурантамъ» и «Желѣзо», переведенныя на русскій языкъ А. Н. Колтоновскимъ. Съ горячимъ одушевленіемъ проповѣдывалъ онъ также до конца дней своихъ необходимость сближенія двухъ родственныхъ племенъ — сербовъ и хорватовъ и прекращеніе ихъ розни. Какъ дань уваженія Іовановичу за эту сторону его литературной дѣятельности, явилось изданіе избранныхъ его стихотвореній для хорватовъ, напечатанное латиницей и вышедшее въ Загребѣ подъ редакціей извѣстнаго хорватскаго слависта доктора Миливоя Шрепеля. Вообще, хорваты относились съ исключительнымъ

сочувствіемъ къ знаменитому сербскому поэту, что свидѣтельствуетъ участіе хорватскихъ литераторовъ въ торжественномъ праздновaнiи семидесятилѣтія со дня рожденія Іовановича, состоявшемся зимою 1903 года.

Но особеннаго вниманія въ творчествѣ Іовановича заслуживаютъ его лирическія произведенія. До 1861 года его стихотворенія проникнуты анакреонтическимъ духомъ,—онъ воспѣваетъ вино, любовь и женщину, какъ источникъ чувственнаго наслажденія. Начало шестидесятыхъ годовъ, ознаменованное возрожденіемъ славянской патріотической идеи и оживленіемъ славянской поэзіи, оказало замѣтное вліяніе и на Іовановича. Теперь стихотворенія его, исполненныя изящества и граціи, звучатъ глубокою задушевностью и отличаются цѣломудренной чистотою. Самъ онъ усваиваетъ взглядъ на поэзію, какъ на утѣшительницу въ житейскихъ скорбяхъ, какъ на великую цѣлительницу душевныхъ ранъ, и часто обращается мыслью къ патріотическимъ сюжетамъ въ прошломъ своего отечества. Таковы его—трогательная баллада «Горемычная мать», и небольшая поэма «Три гайдука»,—изящно переданныя на русскій языкъ В. В. Умановымъ Каплуновскимъ и стихотвореніе «Дѣва-воинъ», извѣстное въ переводѣ В. Г. Бенедиктова. Среди чисто лирическихъ стихотвореній первое мѣсто занимаютъ «Розы», циклъ стихотвореній, имѣющихъ глубокое общечеловѣческое значеніе. По словамъ Хаджича,—«это—образцовыя лирическія произведенія, выраженіе самыхъ нѣжныхъ чувствъ и ощущеній, настоящее евангеліе чистой, счастливой, блаженной сербской любви». «Ихъ можно сравнить»,—справедливо замѣчаетъ А. Тальвинскій,—«съ пѣсней соловья которую поэтъ пропѣлъ весною, наступившею для

его сердца съ тѣмъ, чтобы въ остальное время пѣсни эти не повторялись». Напоминая лучшія страницы изъ «Книги пѣсенъ» Гейне, онѣ лишены элемента Гейневскихъ рефлекса и насмѣшки: всё въ нихъ дышетъ цѣломудренной чистотою, глубокимъ пониманіемъ и чувствомъ природы. Склонный въ другіе моменты къ веселому, заражающему читателя юмору,— въ «Розахъ» и особенно въ позднѣйшихъ «Увядшихъ розахъ» Іовановичъ стремится сохранить свою грустную лирику во всей дѣвственной прелести ея простоты и непосредственности.

Меньшее значеніе имѣютъ попытки Іовановича въ области эпическаго творчества, но и онѣ цѣнны по тѣмъ элементамъ народной поэзіи, которые заключаются въ нихъ и разработаны поэтомъ. Къ нихъ числу принадлежатъ небольшіе разсказы «Нашъ Любоміръ» (1858), «Соловьиная долина» (1859) и поэма въ прозѣ «Видосава Бранковичъ» (1860), впервые напечатанная въ сербскомъ журналѣ «Недѣля»; она переведена и на русскій языкъ («Вѣстникъ Иностранной Литературы» за 1892 годъ; кн. 2). Это произведеніе, вообще удавшееся автору, оставляетъ сильное впечатлѣніе и проникнуто патріотической идеей. Основная его мысль — фатальное несчастіе тому роду, въ которомъ хотя бы одинъ его представитель измѣнитъ родинѣ или предастъ соотечественниковъ.

У Іовановича есть одна большая заслуга, которую признаютъ всѣ его критики до самыхъ придирчивыхъ и строгихъ включительно: онъ сумѣлъ глубоко проникнуться дѣтской психологіей, познать душу ребенка и едва ли не единолично возвелъ въ Сербіи дѣтскую поэзію на значительную высоту. Его произведенія постоянно помѣщаются въ дѣтскихъ альма-

нахахъ и сербскій ребенокъ съ малыхъ лѣтъ учится любить и уважать имя «чика Іована»—дяди Іована. Въ дѣтскихъ стихотвореніяхъ, нашедшихъ себѣ широкій доступъ въ народныя массы, Іовановичъ, какъ умѣетъ, учитъ своихъ читателей горячей любви къ родинѣ, проповѣдуетъ распространеніе по всему лицу ея просвѣщенія и ея мирное культурное обновленіе. Среди произведеній этой категоріи назовемъ стихотворенія: «Крестъ», полное сочувствія къ Черногоріи, начавшей героическую борьбу противъ турецкаго гнета (оно переведено на русскій языкъ Н. В. Бергомъ), «Раненые»—посвященное павшимъ въ борьбѣ за свободу юнакамъ, «О чемъ молится сербъ», веселую «Пѣсню о Максимѣ», осмѣивающую безграмотность и невѣжество (есть русскій переводъ пр. А. І. Степовича) и стихотвореніе «Не далеко...», въ которомъ поэтъ провидитъ радостный мигъ сліянія двухъ свободъ—Черногоріи и отторженнаго отъ нея Адріатическаго моря. Стихотвореніе это, какъ кажется, навѣяно вдохновеннымъ обращеніемъ «Къ морю» Николая I Черногорскаго. По мнѣнію Хаджича, — «о дѣтскихъ стихотвореніяхъ Іовановича можно сказать, что они являются истиннымъ наслажденіемъ для дѣтскаго ума и сердца, неподдѣльными жемчугами и драгоцѣнными камнями. Молодежь сербская читаетъ ихъ съ упоеніемъ, будучи не въ силахъ ими начитаться, и, быть можетъ, нѣтъ ни одной пѣсни чика Іована, которую сербскіе дѣти не знали бы наизусть».

По словамъ проф. А. І. Степовича,—«Іовановичъ—поэтъ, глубоко вѣрящій въ лучшія чувства и возвышеннѣйшіе идеалы человѣчества. Вѣчно юныя идеи истины, добра и красоты являются обычными возбудителями его поэзіи, какъ положительной, такъ и

сатирической. Онъ пѣвецъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы, какъ равно и даровитый отразитель ея уклоненій и извращеній, и въ то же время искренній, глубоко убѣжденный сынъ своего сербскаго народа и отечества». Такую же восторженную характеристику Іовановича даетъ извѣстный біографъ и критикъ поэта—Хаджичъ.«Всё то, что таится и кипитъ въ человѣческомъ сердцѣ»,—пишетъ онъ,—«все, что сербъ любитъ и почитаетъ, всё о чемъ народъ нашъ тоскуетъ, чего жаждетъ и къ чему стремится,—всё это сумѣлъ поэтическій геній Змая воспринять въ глубину своей души, переработать и очистить въ огнѣ своей мечты и влить съ неодолимымъ очарованіемъ во всѣ сердца, которыя могутъ чувствовать прекрасное, доброе, благородное, возвышенное, а особенно сербское».

Не такъ давно Лазарь Костичъ издалъ въ Сомборѣ монографію, посвященную Іовановичу. Въ ней Костичъ доказываетъ, что всё творчество Іовановича есть непрерывная и упорная борьба двухъ началъ—змѣя («змай»), т. е. начала рефлекса, разочарованія и пессимистической насмѣшки, и соловья, т. е. начала творческаго, поэтическаго порыва и простодушнаго оптимизма. Книга имѣла успѣхъ, но принять мнѣніе ея автора безъ серьезныхъ оговорокъ нельзя. Если въ Іовановичѣ и дѣйствительно совершалась борьба двухъ указанныхъ началъ, то во всякомъ случаѣ едва ли она была интенсивнѣе или острѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ писателѣ. Борьба эта, по всѣмъ даннымъ, составляла лишь извѣстный періодъ въ процессѣ духовнаго развитія поэта, но никакъ не вопросъ всей его жизни. Въ душѣ Іовановича изначала была предопредѣлена побѣда свѣтлаго, оптимистическаго элемента надъ пес-

симистическимъ и мрачнымъ. Иначе, какъ человѣкъ, угнетенный рефлексомъ, могъ бы быть учителемъ цѣлыхъ поколѣній, являться примиряющимъ средоточіемъ литературной жизни сербовъ и вліять на нихъ силою своего нравственнаго чувства? Сродниться съ дѣтской душою, проникнуть въ сокровеннѣйшіе ея тайники и, главное, создать въ ней себѣ довѣрчивый откликъ—могутъ только чистые сердцемъ,—тѣ, которымъ по евангельскому обѣщанію, дано видѣть Бога. И однимъ изъ такихъ былъ покойный сербскій поэтъ Іованъ Іовановичъ Змай.

Стихотворенія «Проснись, голубка...», «Пѣснь моя разуберись цвѣтами...», «Погляди, какъ звѣзды ясны...» и «На молитвѣ предъ Всевышнимъ...»—принадлежатъ къ знаменитому, охарактеризованному выше, циклу «Розы»; «Кто лучше» относится къ числу «Дѣтскихъ пѣсенъ», а «Вила»—образецъ патріотическихъ стихотвореній Іовановича.

* * *

Проснись, голубка,
Съ зарей румяной,
Когда въ росинкахъ
Дрожатъ огни,
И въ ароматахъ
Душевный трепетъ
Цвѣтовъ безгрѣшныхъ
Въ себя вдохни.

Молись, родная,
Когда ликуетъ
Сведенный чудомъ
На землю рай
И дышетъ мирно
Свободной грудью
Творенье Бога—
Цвѣтущій край...

Смотри,—денница
Блеститъ улыбкой,
Сверкаютъ силой
Ея лучи,
И Богу любо,
Что тайна неба
Опять свершилась
Въ нѣмой ночи.

* * *

* * *

Погляди, какъ звѣзды ясны,
Ночь тиха, не шелохнется..
О, склони свою головку
Мнѣ на сердце, что такъ бьется.

Почему ты такъ печальна,
Такъ блѣдна, глядишь устало?
Что тебѣ, скажи-повѣдай,
Мое сердце разсказало...

Сны-ли, радостные вздохи
Или сладкія печали,
Иль надежды золотыя,
Что желанья взволновали?

Вижу, все тебѣ знакомо:
Выдаютъ тебя и очи,
И румянецъ щекъ, и слезы,
Пролитыя въ часъ полночи.

* * *

* * *

Пѣснь моя, разуберись цвѣтами,
Озарись весенними лучами;
Не всѣ души холодомъ объяты
И твои оцѣнятъ ароматы!

Міръ узнаетъ юную пѣвунью
И любви безгрѣшной мать-пѣстунью...
Ты мечты счастливыя разбудишь:
Въ нихъ поймутъ, что ты сказать забудешь.

Пролетая тихо бѣлымъ свѣтомъ,
Всѣхъ порадуй, пѣснь моя, привѣтомъ;
И того, кто гордо торжествуетъ,
И чье сердце любитъ и тоскуетъ.

* * *

* * *

На молитвѣ предъ Всевышнимъ
Не молись подолгу, много:
Богъ вѣдь добръ,—и безъ моленій
Къ намъ нисходитъ помощь Бога.

Но желая счастья въ жизни
Мнѣ, себѣ, сынамъ любимымъ,
Молви сердцемъ кратко: «Боже,
Помоги моимъ родимымъ!»

* * *

Кто лучше

Жилъ на свѣтѣ мальчикъ,
Скучный и угрюмый;
Онъ всему дурному
Поддавался думой.

Спрашивалъ онъ часто
Среди мыслей жгучихъ:
«Почему нѣтъ розы
«Безъ шиповъ колючихъ?»

Другъ былъ у малютки
Рѣзвый и веселый,
Вовсе не знакомый
Съ горестью тяжелой.

Оттого, повѣрьте,
Съ грустью онъ не знался,
Что повсюду видѣть
Доброе старался.

Такъ и здѣсь онъ молвилъ:
«Брось пустыя слезы,
Радуйся, что въ тернѣ
Можно встрѣтить розы!»

* * *

Вила

Истомясь въ борьбѣ кровавой, пало
Войско сербовъ на Косóвомъ полѣ.
Мертвецовъ свобода проводила,
Бѣдняковъ оставила живыми:
Пусть рабами будутъ тѣ, что могутъ
Жизнь влачить въ цѣпяхъ позорныхъ рабства.
Кровь алѣетъ отъ печали черной,
Въ той крови корона утонула...
Видѣлъ битву день святого Вита,
Видѣлъ онъ и славу, и героевъ,
И по сто сердецъ въ единой груди,
И одну отвагу многихъ сотенъ.
Видѣлъ онъ, какъ съ міромъ разставалось
Солнце сербовъ, словно умирая,
Какъ оно блеснуло и погасло,
Какъ оно взошло и закатилось.
Пала тьма, скрывая трупы мертвыхъ,
Черный стягъ надъ полемъ распустила,
И кровавый полумѣсяцъ выплылъ,
Дорогую празднуя побѣду.

Ночь пришла темна и безотрадна,
Дремлетъ лѣсъ бездушенъ и безмолвенъ.
Лишь въ тѣни вѣтвей краса-дѣвица,
Словно голосъ соловьиный скорбна,

Словно птица-горлинка воздушна,
И стройна, какъ стебелекъ цвѣточный,
Грустной рѣчью чащу оглашаетъ:
«Горе мнѣ, несчастной сиротинкѣ,
«Горе-жизни юной и пустынной:
«Я одной покинута на свѣтѣ!
«Полегли костьми, сражаясь, мужи,
«Вѣрны имъ въ слезахъ зачахли жены!
«Нѣтъ мнѣ близкихъ, нѣтъ мнѣ и отчизны
«Сгибло счастье на Косовомъ полѣ.
«Край плѣненный—Сербія родная,
«Наша гордость—храбрые юнаки
«Цвѣтъ полей потоптанныхъ, свобода,
«Имя серба, попранная церковь,—
«Какъ мнѣ васъ оплакать бѣдной дѣвѣ?»
Такъ томилась дни и ночи сербка,
Такъ она рыдала, сокрушаясь:
Вѣдь въ неволѣ, какъ вездѣ на свѣтѣ,
Глухо все и слѣпо, кромѣ Бога.

Дни за днями дѣва горевала,
И блѣдна, въ одеждѣ бѣлоснѣжной,
Словно токомъ горькихъ слезъ омытой,
Въ знакъ печали косу распустила...
Вотъ, поникнувъ бѣлыми крылами,
Въ чащѣ лѣса вила появилась.

Слава Богу и тогда, и вѣчно...
Умирать отъ ранъ въ бою не страшно,
Тяжки раны въ день святого Вита.
Вила Богу жарко помолилась

И пустили по̀ лѣсу побѣги
Стебли травъ и разныя коренья.
Зная, гдѣ какой отростокъ нуженъ,
Вила въ чащѣ крѣпость возводила
И рукою мстительной ковала
Злыя цѣпи и мечи на турокъ.
Горе намъ и нашимъ плѣннымъ силамъ,
Если сербы сербами не станутъ!
Вотъ ужъ скоро пять вѣковъ напрасно
Плачемъ мы кровавыми слезами.
Лѣсъ дремучій намъ родилъ юнаковъ,
Закалила груди имъ неволя,
А мечи имъ вила поточила,
Чтобы славно жили и сражались.
Если мать рожаетъ сына, нѣжно
Любитъ вила каждаго малютку
И поетъ надъ дѣтской колыбелью
Пѣсни сербовъ, полныя отваги.
А когда бойцовъ измучатъ раны,
Вила сербамъ очи закрываетъ,
Облегчая муку лютой смерти.

Веселили душу звономъ гусли,
Что наладила слѣпому вила,
Вспоминали честь и славу мертвыхъ,
Храбрецовъ живущихъ восхваляли...
Вотъ моя простая пѣсня, братья!
Какъ доселѣ было, я повѣдалъ,
Что же впредь случится—Божья воля...
Благо тѣмъ, въ которыхъ есть надежда.

* * *

Іованъ Иличъ

Іованъ Иличъ родился 15 августа 1823 года въ Бѣлградѣ. Поступивъ въ начальное училище въ Крагуевцѣ, онъ вскорѣ перешелъ въ Бѣлградскую гимназію, закончилъ же свое образованіе въ Видинской высшей школѣ. Иличъ началъ свою литературную дѣятельность въ половинѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Первый его опытъ, сонетъ мистически-религіознаго содержанія «Единому», напечатанный въ одномъ изъ бѣлградскихъ журналовъ, былъ замѣченъ критикой. За первымъ удачнымъ стихотвореніемъ послѣдовало второе и третье,—и понемногу молодой писатель завоевалъ себѣ почетное и видное мѣсто въ семьѣ сербскихъ поэтовъ.

«Событія 1848 года»,— замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ въ своей «Исторіи славянскихъ литературъ», — «дали сильное возбужденіе сербскому народному сознанію, какъ это всегда бываетъ въ рѣзкихъ столкновеніяхъ историческихъ элементовъ. Борьба съ венграми вызвала упорное сопротивленіе сербовъ; они заявили свои старыя права и возстаніе оживило національныя стремленія къ свободѣ; несмотря на домашній раздоръ съ хорватами, сербы Австріи стали ихъ союзниками противъ общаго иноплеменнаго врага; сербы княжества отозвались также и послали отрядъ волонтеровъ за Дунай. Извѣстно, какъ результатъ обманулъ ожиданія сербо-хорватовъ или какъ обмануло ихъ австрійское правительство; но патріотическое одушевленіе за эти годы оставило свое вліяніе. Литература вообще оживляется съ этого времени: за Нѣгошемъ и Бранкомъ Радичевичемъ является рядъ

такихъ поэтовъ какъ Іованъ Іовановичъ (Змай), Якшичъ, Любоміръ Ненадовичъ, Стефанъ Качанскій, Новичъ, Сундечичъ и Павлиновичъ». Не послѣднее мѣсто среди нихъ занимаетъ Иличъ, совершившій походъ 1848 года въ качествѣ добровольца.

Пробывъ затѣмъ недолгое время преподавателемъ гимназіи въ Нѣготинѣ, Иличъ занималъ различныя должности на государственной службѣ и въ 1858 году былъ назначенъ членомъ Великаго Суда. Съ 1869 по 1873 годъ онъ находился на отвѣтственномъ и трудномъ посту министра юстиціи, а затѣмъ былъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта и сохранилъ это званіе до конца своихъ дней. Въ политикѣ Иличъ былъ убѣжденнымъ и неизмѣннымъ руссофиломъ. Ему же принадлежитъ честь основанія и организаціи либеральной партіи въ Сербіи.

«Замѣчательна семья Иличей»,—говоритъ К. Поповъ. «Это люди, о которыхъ можно дѣйствительно сказать, что наврядъ ли найдется сербъ, который не любилъ бы «поэтической семьи» Иличей. Ихъ широкое славянское гостепріимство граничило съ баснословностью; въ Бѣлградѣ не было голоднаго, котораго «семья сербскихъ поэтовъ» не накормила, не согрѣла бы. Ворота ихъ дома днемъ и ночью были открыты настежь — въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—и сербская трапеза, настланная прямо на полу, была спасительнымъ убѣжищемъ бѣлградскихъ бѣдняковъ.

«И все это дѣлалось по евангельски: сами хозяева-поэты, отецъ съ сыновьями, служили и подавали блюда оскорбленнымъ и униженнымъ судьбою. Источниковъ богатства въ этой замѣчательной семьѣ никакихъ не было; она сама матеріально почти бѣдствовала. Широкое милосердіе сербскихъ народныхъ

поэтовъ происходило отъ чистой братской души. Усиленнымъ, тяжелымъ и вдобавокъ плохо оплачиваемымъ трудомъ добываемый заработокъ поэтовъ съ истинной евангельской радостью приносился въ жертву «братской трапезѣ».

Іованъ Иличъ скончался глубокимъ старцемъ 12 марта 1901 года въ Бѣлградѣ. Смерть его была поистинѣ сербскимъ народнымъ горемъ. Въ печальный день его кончины столица Сербіи облеклась въ глубокій трауръ и огромныя толпы народа стеклись со всѣхъ ея концовъ отдать послѣдній долгъ своему пѣвцу и государственному дѣятелю.

Первоначально Иличъ печаталъ свои стихотворенія въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ. Въ 1854 году онъ выпустилъ въ свѣтъ свой первый сборникъ, состоявшій изъ сорока произведеній, а четыре года спустя въ Новомъ Садѣ была уже издана вторая книга пѣсенъ Илича. Съ тѣхъ поръ Иличъ сталъ печатать свои произведенія, выпуская ихъ отдѣльными изданіями. Изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣли, изданныя въ 1891 году, «Вздохи» и въ 1868 году «Пастухи»—большая поэма въ десяти пѣсняхъ, полная талантливыхъ описаній природы и быта сербскихъ пастуховъ. Литературный матеріалъ, заключавшійся въ различныхъ сборникахъ, былъ отчасти объединенъ изданіемъ «Пѣсенъ» Илича, предпринятымъ товариществомъ «Сербская книжная задруга» въ 1894 году, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности поэта. Изъ этого сборника переведены печатаемыя далѣе стихотворенія Илича.

Въ творчествѣ Илича формы искусственной поэзіи почти совсѣмъ сливаются съ національнымъ содержаніемъ. Многія стихотворенія трогаютъ своею

наивною безыскусственностью, а произведенія, написанныя на патріотическія темы, подкупаютъ читателя пылкимъ одушевленіемъ ихъ автора и его пламенною любовью къ родинѣ. Богатый фантазіей и глубокой сердечностью, Иличъ—сербъ по духу и Божьею милостью поэтъ. И, касаясь сербскихъ мотивовъ, онъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ своихъ переработкахъ историческихъ или миѳологическихъ преданій чуждыхъ ему временъ и народовъ.

Среди произведеній Илича заслуживаетъ особеннаго вниманія, написанная бѣлыми стихами, поэма «Мейрима дѣва и Драгиша сердарь», первоисточникъ которой народная пѣснь «Юный Омеръ и Мейрима дѣва», извѣстна каждому сербу, — но только знакомый съ боснійско-магометанскимъ бытомъ способенъ справедливо оцѣнить достоинства поэмы Илича. Не менѣе замѣчательны его стихотворенія изъ жизни турецкаго востока. По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ критиковъ Илича,—они стоятъ выше «Пѣсенъ Мирзы Шаффи» Боденштедта. «Уже самъ по себѣ языкъ поэта, изобилующій турецкими словами и выраженіями, способенъ гораздо лучше сохранить восточный колоритъ, чѣмъ языкъ нѣмецкій. Житейская философія, лѣнивый покой и покорность судьбѣ, возсоздаваемыя Иличемъ, вполнѣ отвѣчаютъ восточному міровоззрѣнію, а герои его пѣсенъ—не костюмированные манекены, а плотью и кровью жители востока. Читая Илича, дѣйствительно переносишься на востокъ, чувствуешь себя въ турецкомъ духанѣ, за кофе и кальяномъ...»

«Въ стихотвореніяхъ Іована Илича», — пишетъ профессоръ А. І. Степовичъ, — «всѣхъ поражало то искусство, съ какимъ поэтъ сочеталъ свое личное творчество съ творчествомъ народа, отъ котораго онъ

заимствовалъ порою не только отдѣльные образы, картины, сравненія, но нерѣдко и цѣлые стихи. У иныхъ поэтовъ подражаніе народной пѣснѣ бываетъ часто натянуто, неестественно вымучено: напротивъ у Илича это подражаніе выходило безъ всякихъ особенныхъ усилій съ его стороны, словно онъ самъ былъ пѣвцомъ, вышедшимъ изъ народа: въ его пѣсняхъ въ самомъ дѣлѣ живо чувствуется не только внѣшность, но самый духъ безыскусственной народной поэзіи, и въ этомъ обстоятельствѣ заключается все значеніе Илича въ исторіи сербской словесности и объясненіе значительнаго успѣха его произведеній въ читающемъ обществѣ».

- - -

Стихотвореніе «Соловей» — довольно показательный образецъ лирики Илича, пѣсня «Ловъ», по словамъ профессора Степовича, чрезвычайно удачно сложена въ народномъ духѣ и вкусѣ, а стихотворенія: «Ты скажи, коль можешь предо мной открыться...» и «Взялъ я гусли, пѣть желая...» заслуживаютъ вниманія своеобразнымъ соединеніемъ искусственной формы сонета съ простонародными сербскими образами и оборотами рѣчи.

Соловей

Снова оглашаетъ
Трелью лѣсъ дремучій
Звонкій соловей,
Сердце отвѣчаетъ
На привѣтъ пѣвучій
Радостью своей...

Но цвѣты увянутъ,
Затрещатъ морозы,
Грустны будутъ сны;
Пѣсни перестанутъ,
Ихъ замѣнятъ слезы
До другой весны!

* * *

Ловъ

Незадачливо дѣвица
День деньской ловила рыбу
Въ тихомъ озерѣ, покуда
Не поймала ненарокомъ
Утки дивной, златокрылой,
Что сказала ей печально
Человѣческою рѣчью:
«Для тебя бы лучше было
«Ожерелье дорогое
«Потерять во время лова,
«Но ко мнѣ не прикасаться:
«Я не утка золотая,
«А погибшая невѣста...
«Обманулъ меня мой милый,
«Обманулъ и обезчестилъ,
«Укатилъ за сине море,
«На далекую сторонку.
«Я звала его напрасно:
«Приходи, мой ненаглядный!
«Передъ хатою твоею
«Распустилась пышно роза;
«Никому ея не нужно»...
«Онъ въ отвѣтъ мнѣ слово молвитъ:
«Не кручинься, дорогая!
«Я сорву ту розу скоро,

«Только годъ еще помедлю»...
«Цѣлый годъ его ждала я,
«Прождала еще полгода
«И опять его позвала:
«Приходи, мой ненаглядный!
«Передъ хатою твоею
«Гіацинтъ цвѣтетъ душистый:
«Насладись благоуханьемъ»...
«Онъ въ отвѣтъ мнѣ молвитъ снова:
«Не могу его сорвать я:
«Годъ пожди; теперь не время!»
«Я ждала еще три года
«И ему сказала грустно:
«Приходи скорѣе, милый!
«Роза тихо отцвѣтаетъ,
«Гіацинтъ готовъ увянуть»...
«Онъ въ отвѣтъ мнѣ, бѣдной, молвитъ:
«Пусть цвѣты цвѣтутъ и вянутъ...
«Я сорвалъ другую розу,
«Не вернусь домой, голубка»...
«И остался другъ за моремъ,
«Навсегда меня покинувъ.
«Съ той поры и дни и ночи
«Я тужила и вздыхала,
«Доцвѣтая безнадежно,
«Заглушая слезы горя,
«Что далеко разливались,
«Ширясь озеромъ зеленымъ,
«И средь водъ его глубокихъ

«Дикой уткой обернулась
«Отъ кручины неутѣшной!»
Рѣчи жалобной внимая,
Пригорюнилась дѣвица,
Утку въ озеро пустила
И домой пошла тихонько.

* * *

* * *

Ты скажи, коль можешь предо мной открыться:
Какъ зовешься, кто ты, изъ какого края
И куда улыбкой манишь вновь, играя
Такъ жестоко мною, красная дѣвица?

И во всѣхъ ли сердце заставляетъ биться
О тебѣ, родная, грусть-печаль нѣмая,
Или, одному мнѣ горе навѣвая,
Ты, дитя, безпечнѣй, чѣмъ пѣвунья-птица?

Взорами и ликомъ, станомъ гибкимъ, право,
Ты—наяда-рыбка, что шалитъ лукаво,
Ласточку-летунью ночью пробуждая...

Черными очами ты меня сгубила,
Сердце увлекая, волю полонила,
И въ тоскѣ я плачу, по землѣ блуждая.

* * *

* * *

Взялъ я гусли, пѣть желая
Золотого вѣка дали,
Но порвалъ струну—и тая
Звуки долго умирали.

Чтобы пѣснь моя простая
Уняла въ душѣ печали,
Цитру взялъ я,—но рыдая
Струны снова замолчали.

И смѣясь сказала вила:
«Для чего орленку крылья
«Цѣпью спутать нужно было?

«Почему ты юность губишь?
«Видишь самъ свое безсилье,—
«Запоешь, когда полюбишь!»

* * *

Воиславъ Иличъ

Воиславъ Иличъ родился въ 1862 году въ Бѣлградѣ. Онъ выросъ въ интеллигентной семьѣ, проникнутой литературными традиціями. Отецъ его, Іованъ, какъ сказано уже ранѣе, былъ выдающимся писателемъ своего времени и виднымъ государственнымъ дѣятелемъ. Братъ его, Милутинъ, пользовался извѣстностью въ качествѣ талантливаго поэта, а другой братъ, Драгутинъ, завоевалъ себѣ популярность своими историческими драмами. Литературная дѣятельность Воислава Илича была плодотворной, но, къ сожалѣнію, слишкомъ непродолжительной; онъ угасъ, едва достигнувъ тридцати лѣтъ.

Жизнь Воислава Илича, небогатая внѣшними событіями, прошла въ непрерывномъ литературномъ трудѣ. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ почти всѣхъ сербскихъ повременныхъ изданій, существовавшихъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, причемъ весьма цѣнился, какъ прекрасно образованный журнальный работникъ. Въ концѣ жизни Воиславъ Иличъ поступилъ на службу и занималъ должность секретаря консульства въ Призренѣ въ Старой Сербіи. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ на Косово поле онъ сильно простудился и не могъ уже оправиться. Его слабый организмъ, давно подтачиваемый наслѣдственною чахоткою, не въ силахъ былъ бороться съ запущенною болѣзнью—и всѣ старанія врачей спасти молодую жизнь поэта были напрасными. Крайне ослабѣвшаго, въ полубезсознательномъ состояніи Воислава Илича перевезли въ Бѣлградъ, гдѣ онъ тихо скончался 21 января

1894 года. Въ литературныхъ кружкахъ Воиславъ Иличъ оставилъ по себѣ свѣтлыя воспоминанія, какъ добрый товарищъ и какъ кристальной души человѣкъ. Вскорѣ послѣ его кончины сербскіе писатели посвятили его памяти сборникъ своихъ произведеній, изданный подъ редакціей д-ра Джорджевича.

Воиславъ Иличъ всецѣло принадлежитъ къ новому поколѣнію сербскихъ поэтовъ. Въ его стихотвореніяхъ уже рѣдко и слабо слышны національные мотивы: все его литературное наслѣдіе заключаетъ въ себѣ лишь два-три стихотворенія, касающихся славянскихъ народностей,—и то не сербовъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а поморскихъ славянъ, угасшихъ въ упорной борьбѣ съ нѣмцами. Выбирая сюжеты, Воиславъ Иличъ обнаруживаетъ полный космополитизмъ, но при разработкѣ темъ въ немъ сказывается славянинъ, склонный къ нѣсколько расплывчатымъ, но искреннимъ лирическимъ отступленіямъ, согрѣтымъ широкимъ гуманнымъ чувствомъ, на религіозной, иногда даже мистической, подкладкѣ («Молитва»). Поэтическое творчество Воислава Илича ярко отражаетъ его непосредственную натуру, мягкую и отзывчивую, почти женственную и потому бѣдную энергіей и силой. По словамъ профессора А. I. Степовича, Воиславъ Иличъ «по преимуществу поэтъ—художникъ, довольно чутко чувствующій прекрасное, въ чемъ бы оно ни встрѣтилось, —и чутко его отмѣчающій. Въ описаніяхъ природы онъ очень живописенъ,»—что въ полной мѣрѣ подтверждается его стихотвореніями: «Первый снѣгъ», «Тихо... Только звуки трелей соловьиныхъ...» и многими другими.

Творчество Воислава Илича въ цѣломъ носитъ печальный, безотрадный колоритъ. Всего скорѣе это объясняется вліяніемъ его неизлѣчимаго недуга.

Предчувствіе безвременнаго конца никогда не покидаетъ поэта и омрачаетъ всякую его радость, заволакиваетъ траурнымъ крепомъ всякій солнечный день его жизни. Яркими иллюстраціями его пессимистическихъ настроеній являются стихотворенія: «Мнѣ вчера она явилась...» и, въ особенности,—«Прерывисто желтые листья шуршали...»

Современная Воиславу Иличу критика обвиняла поэта въ нѣкоторомъ однообразіи темъ его стихотвореній, монотонности настроеній, застылости эпитетовъ и образовъ. Упрекъ этотъ до извѣстной степени справедливъ. Но нужно замѣтить, что творчество Воислава Илича въ своихъ предѣлахъ очень закончено и къ нему можетъ быть приложено извѣстное французское выраженіе—«Mon verre n'est pas grand, mais je bois de mon verre». Дѣйствительно, излюбленные Воиславомъ Иличемъ образы и созвучія въ большинствѣ случаевъ созданы,— выношены и рождены, имъ самимъ; если же они иногда и навѣяны извнѣ, то глубоко прочувствованы и заново переработаны поэтомъ, являясь вѣрнымъ отраженіемъ его душевнаго настроенія въ данную минуту.

Воиславъ Иличъ любилъ и хорошо зналъ русскую литературу,—въ частности же русскую поэзію. Кое-гдѣ въ его стихотвореніяхъ замѣтно вліяніе Жуковскаго, Пушкина и въ особенности Лермонтова,— рѣже Некрасова и Алексѣя Толстого. Изъ новѣйшихъ поэтовъ на Воиславѣ Иличѣ отразились грустныя настроенія Надсона, съ которымъ покойный сербскій писатель имѣлъ такъ много общаго въ судьбѣ.

Стихотворенія «Первый снѣгъ», «Звѣзда», «Молитва», «Тихо... Только звуки трелей соловьиныхъ...» «Прерывисто желтые листья шуршали...» и «Мнѣ вчера она явилась...» — переведены изъ сборника стихотвореній Воислава Илича, вышедшаго въ Бѣлградѣ въ 1890 году.

Первый снѣгъ

Снова снѣговою ризою одѣта.
Мирно спитъ равнина въ сумеркахъ разсвѣта.

Лишь студеный вѣтеръ пролетитъ порою,
Покрывая нивы ледяной корою,

И застонутъ грустно сѣрыя избушки,
Занесенной снѣгомъ, бѣдной деревушки...

Здѣсь надъ ветхимъ кровомъ полусгнившихъ
хижинъ
Ночи черный пологъ кажется недвиженъ.

Куръ подстерегая, изъ лѣсу несмѣло
Крадется лисица по порошѣ бѣлой, --

Слѣдъ ея, чуть видный глазу, остается
И тропинкой смутной по равнинѣ вьется...

* * *

Звѣзда

Ночь свѣтла... Сіяетъ
Блѣдная луна.
Вновь заворожила
Землю тишина.

Звѣзды разсыпаютъ
Яркіе лучи.
Вотъ одна упала...
Сердце, замолчи!

Чья звѣзда погасла,
Знаетъ Богъ одинъ.
Миръ—во всей вселенной,
Кротокъ сонъ долинъ.

* * *

Молитва

Подъ звонъ призывный изъ церкви старой,
Когда забрезжитъ нѣмой разсвѣтъ
И вѣтви вяза зашепчутъ робко
Лучамъ грядущей зари привѣтъ,

Душа съ молитвой туда стремится,
Гдѣ обитаетъ всевышній Богъ,
И проситъ тихо:—Да снидетъ ангелъ,
Покинувъ горній, святой чертогъ!

Пускай отнынѣ, блуждая ночью,
Онъ сновъ угрюмыхъ свѣваетъ тѣнь,
Усталой мысли даруетъ силу
На новый, полный печали день...

И, осѣняя крыломъ могучимъ,
Онъ въ жизни бурной меня спасетъ,
А въ часъ кончины со мной незримо
Опять направитъ въ лазурь полетъ!

* * *

* * *

Тихо... Только звуки трелей соловьиныхъ
Нарушаютъ лѣса темнаго покой.
Полночь опустила пологъ свой, въ долинахъ
Говоръ смолкъ людской.

Въ сумракѣ пустынномъ слышенъ шумъ Дуная,
Да порою чьи-то голоса съ рѣки
Къ намъ несутся, рѣзкимъ гуломъ долетая:
То перекликаясь ѣдутъ рыбаки...

Мы идемъ съ тобою берегомъ—и нѣжно
Пожимаю руку я твою своей,
И ловлю волнуясь вздохъ груди мятежной
И стыдливый шепотъ любящихъ рѣчей.

* * *

* * *

Прерывисто желтые листья шуршали...
Предчувствіемъ близкаго зла смущены,
Мы оба невольно и горько молчали,
Намъ снились обоимъ тоскливые сны.

Какъ вѣстники смерти, сѣдые туманы
Легли на твое молодое чело,
И волны печали, и жгучія раны
Томили усталую грудь тяжело.

И чуяло сердце, что скоро придется
Извѣдать прощанья нерадостный часъ,
Что счастье, какъ дымъ, улетитъ, унесется,
И небо измучитъ разлукою насъ...

Сраженный судьбою, въ тревогѣ моленій
Изъ гроба напрасно зову я тебя.
Въ лицо мнѣ ликуя бьетъ вѣтеръ осенній,
Природа молчитъ, никого не любя,

Природа, что властвуетъ жизнью земною,
Не видитъ страданій, не знаетъ скорбей,
Ни слезъ безутѣшныхъ и пролитыхъ мною,
Ни сумерокъ душныхъ надежды твоей.

* * *

* * *

Мнѣ вчера она явилась,
Давъ отраду снамъ печальнымъ;
На челѣ вѣнокъ виднѣлся
Украшеньемъ погребальнымъ.

Неподвижны были очи,
Красотою не сверкали,
Вѣдь душа ея далеко,
Въ той странѣ, гдѣ нѣтъ печали...

Такъ порою тѣни милыхъ
Посѣщаютъ сновидѣнья,
Чтобы намъ больнѣй казалась
Горечь слезъ и пробужденья!

* * *

Іованъ Дучичъ

Іованъ Дучичъ принадлежитъ къ семьѣ молодыхъ герцеговино-боснійскихъ поэтовъ. Онъ родился въ 1873 году въ старомъ Требиньѣ и рано посвятилъ себя литературной дѣятельности. Съ 1896 по 1901 годъ онъ, въ сотрудничествѣ съ писателями Шантичемъ, Чоровичемъ и Шолой, редактировалъ журналъ «Заря» помѣщая въ немъ между прочимъ свои переводы изъ русскихъ классиковъ. Первая книжка стихотвореній Дучича вышла въ 1901 году въ Мостарѣ; по ней уже можно судить о характерѣ дарованія молодого поэта. За послѣдніе два года Дучичъ издалъ три новыхъ сборника: «Тѣни на водѣ», «Душа» и «Голубыя легенды».

Дучичъ—изящный и мягкій лирикъ. Слова Лермонтова:

> «Прими, прими мой грустный трудъ
> «И, если можешь, плачь надъ нимъ—
> «Я много плакалъ»,—

избранныя Дучичемъ въ качествѣ эпиграфа къ первому сборнику его стиховъ, удачно характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ его симпатичнаго дарованія. Его пѣсни, по преимуществу—грустныя пѣсни: меланхолическія настроенія особенно сродны его душѣ, а рѣдкія проявленія юмора не отличаются непосредственной искренностью. Многія стихотворенія Дучича, съ ихъ истинно-художественными картинами природы, отмѣчены неподдѣльною свѣжестью чувства.

Въ творчествѣ Дучича замѣтно значительное вліяніе западно-европейской поэзіи и нѣкоторыхъ рус-

* * *

Подъ горячимъ небомъ юга,
Средь пустыни одинокой
Разцвѣтала тихо пальма.
День и ночь, въ тоскѣ глубокой,
Смущена дурными снами,
Пальма бѣдная страдала
И листы свои все ниже,
Все печальнѣй наклоняла.
И не разъ самумъ, сжигая
Все вокругъ огнемъ мятежнымъ,
Ей въ лицо дышалъ любовно,
Колыхая листья нѣжно.
Но однажды, чуть къ закату
День безоблачный склонился,
Съ нимъ самумъ изчезъ,—а къ пальмѣ
Вѣтерокъ съ небесъ спустился....
И когда самумъ свободный
Прилетѣлъ изъ ясной дали,
Отъ измѣны и обмана
Листья пальмы увядали.
И самумъ надъ нею плакалъ...
Все живое обратится
Въ мертвый тлѣнъ — и, ставши прахомъ,
Никогда не возродится.

* * *

* * *

Звѣзды тихо блещутъ
Въ поднебесной шири,
Въ дымкѣ золотистой
Ponte dei Sospiri.

Воды неподвижны,
Мертвенная тишь....
Здѣсь за мною, ревность,
Ты не услѣдишь!

Пусто на Пьяцеттѣ,
Сонъ ее объемлетъ,
Скрылись гондольеры
И Ріальто дремлетъ.

Музыкантъ-гуляка
Пѣлъ и замолчалъ,—
И покой безбрежный
Все зачаровалъ.

Ночь во многозвѣздномъ
Небѣ проплываетъ,
По водѣ и камнямъ
Искры разсыпаетъ.

Я иду поспѣшно
Площадью глухой,

Подъ плащемъ сжимая
Мечъ толедскій свой.

Въ спальнѣ одинокой
Ты, полунагая,
Ждешь меня тревожно
Снова, дорогая!

Пламенемъ палящимъ
Страсть томитъ тебя,
Поцѣлуемъ жаркимъ
Обожжешь любя.

Тороплюсь — и вижу:
Всталъ передо мною
Незнакомецъ въ маскѣ
Тѣнью роковою.

Острый мечъ, за дѣло...
Часъ твой пробилъ, знай!
Иль умри, иль сдайся —
Что же? Выбирай!

* * *

* * *

Пустыня знойная лежитъ широко,
Горитъ закатъ. Ни облачка, ни тучи....
Сіяетъ даль. Но чуть клубясь заноситъ
Скелеты желтые песокъ сыпучій.

Въ душѣ людской чаруютъ насъ порою
Блестящихъ думъ высокія стремленья,—
Но лучъ сверкнетъ —и озаритъ печально
Одни гробы и мерзость запустѣнья.

* * *

* * *

Опустился съ неба вечеръ молчаливый
Въ дымкѣ серебристой, тихо вѣя снами.
Словно бурей чайка, брошенъ надъ волнами
Одинокій островъ... Не шумятъ оливы,

Лишь прибой лобзаетъ, жадный и бурливый.
Хмурыхъ скалъ подножья влажными устами;
Зеленѣя скрыли крестъ на бѣдномъ храмѣ
Тополя, маслины и густыя ивы.....

Нѣтъ покоя сердцу!.. Звонъ изъ церкви
дальной
Съ острова несется,—онъ въ душѣ печальной
Воскрешаетъ память о тебѣ, родная.

И стою я блѣдный, полонъ скрытой муки,
Съ набожной молитвой,—и рыдаютъ звуки,
И несутся снова, снова, несмолкая.

* * *

Антонъ Ашкерцъ

Антонъ Ашкерцъ — центральное лицо въ современной словенской литературѣ. При этомъ онъ пользуется признаніемъ не только у себя на родинѣ, гдѣ является любимѣйшимъ писателемъ, но и далеко за ея предѣлами. Произведенія Ашкерца переведены на шведскій и нѣмецкій языки и повсюду имѣютъ большой успѣхъ.

Въ мартѣ прошлаго года Ашкерцъ написалъ для настоящаго изданія небольшую, но очень содержательную автобіографическую замѣтку. Въ ней онъ отмѣчаетъ главнѣйшіе моменты своей жизни и, что особенно цѣнно, даетъ краткую автохарактеристику.

«Я родился», — пишетъ Ашкерцъ, — «9 января 1856 года въ Римскихъ Топлицахъ въ южной Штиріи и тамъ же учился въ народной школѣ. Окончивъ въ 1877 году гимназію въ ближнемъ Цельѣ, я прошелъ въ Мариборѣ богословскій факультетъ и въ 1881 году сдѣлался священникомъ. Затѣмъ много лѣтъ мнѣ пришлось жить въ разныхъ мѣстностяхъ словенской южной Штиріи. Въ 1898 году я окончательно покинулъ службу и сложилъ съ себя свое духовное званіе, такъ какъ стихотворенія мои своими идеями противорѣчили многимъ принципамъ ученія католической церкви и мнѣ постоянно приходилось выдерживать столкновенія съ духовными властями. Переселившись въ Любляну, я тогда же получилъ мѣсто городского архиваріуса, — должность, которую занимаю и въ настоящее время.

«Мнѣ довелось много постранствовать на своемъ вѣку. Я объѣздилъ почти всю Австрію и Венгрію.

Былъ въ Италіи, видѣлъ Помпею и Капри; живалъ въ Парижѣ, на Ривьерѣ и въ Швейцаріи. Я путешествовалъ по Балканскому полуострову, именно: по Босніи, Сербіи и Болгаріи. Побывалъ въ Царьградѣ и Малой Азіи.

«Два раза, въ 1901 и 1902 году пріѣзжалъ я въ Россію, причемъ изъ Петербурга черезъ Москву проѣхалъ въ Крымъ и на Кавказъ, а обратно вернулся по Черному морю черезъ Одессу. Въ прошломъ году мнѣ удалось побывать въ Египтѣ и я привезъ оттуда циклъ стихотвореній о странѣ фараоновъ, пока не напечатанныхъ.

«Еще будучи священникомъ, я много занимался западно-европейскими и славянскими литературами и съ особеннымъ интересомъ изучалъ русскую поэзію. Результатомъ этихъ занятій было появленіе въ 1901 году «Русской антологіи», сборника стихотвореній русскихъ поэтовъ въ словенскихъ переводахъ, сдѣланныхъ мною и другими писателями.

«Какъ поэтъ, я прежде всего эпикъ. Особенно люблю я баллады, романсы и эпическіе разсказы въ стихахъ. Меня живо интересуютъ — жизнь и исторія, та же жизнь давно минувшихъ временъ.

«Какъ словенцу, славянину, — мнѣ всегда были особенно близки — исторія моего народа и прошлое славянъ съ ихъ глубоко трагичными сценами и событіями. Направленіе моей поэзіи было неизмѣнно свободомыслящимъ. Я глубоко вѣрю, что истиннымъ поэтомъ можетъ быть лишь тотъ, кто стремится къ солнцу, свѣту свободы и прогрессу. И мое перо всегда боролось противъ реакціи и тьмы.

«Вотъ и вся моя біографія».

Къ этимъ даннымъ приходится прибавить очень немногое.

Ашкерцъ началъ свою литературную дѣятельность подъ псевдонимомъ Горазда и этимъ именемъ и именемъ Ивана де Гранада долгое время скрывалъ свою настоящую фамилію. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ по выходѣ изъ духовнаго званія онъ редактировалъ лучшій словенскій журналъ «Люблянскій звонъ», одинъ изъ немногихъ органовъ всеславянства, къ которому привлекъ выдающіяся литературныя силы страны.

Ашкерцъ самый плодовитый изъ современныхъ словенскихъ поэтовъ. За послѣднее время года не проходитъ безъ того, чтобы онъ не обогатилъ рядомъ новыхъ произведеній свою родную литературу. Въ 1890 году онъ издалъ свой первый сборникъ, озаглавивъ его «Баллады и романсы»; вскорѣ за нимъ послѣдовали «Лирическія и эпическія стихотворенія» (1896), а въ 1900 году вышли его «Новыя стихотворенія». Затѣмъ появился его полуэпическій, полудраматическій разсказъ въ стихахъ «Златорогъ» (1904), навѣянный поэту скитаніями въ словенскихъ альпахъ. Выходъ въ свѣтъ въ 1904 году «Четвертаго сборника стихотвореній» Ашкерца сопровождался большимъ успѣхомъ въ словенской читающей публикѣ. Не менѣе радушно встрѣчены были «Приможъ Трубаръ» (1905)—поэма, посвященная дѣятельности извѣстнаго борца за словенскую реформацію и картины словенской контръ-реформаціи «Мученики» (1906). Наконецъ въ текущемъ году напечатана книга поэмъ Ашкерца «Юнаки», сюжеты которыхъ заимствованы изъ исторіи словенскаго народа.

Гораздо меньшей извѣстностью пользуются по справедливости драматическіе опыты Ашкерца («Три драматическихъ этюда» 1900). Самыми слабыми изъ нихъ приходится признать «Измайлова» и «Орденъ

святого Георгія»—комедіи изъ русской жизни, съ которою Ашкерцъ, работая надъ этими произведеніями, былъ знакомъ очень поверхностно и лишь по наслышкѣ. Зато его очерки, вызванные путешествіями по Россіи («Двѣ поѣздки въ Россію» 1903), были раскуплены въ самое короткое время и въ продажѣ болѣе не существуютъ,

При первомъ, даже самомъ бѣгломъ, взглядѣ на творчество Ашкерца останавливаетъ вниманіе его многогранность. Обладая большимъ запасомъ опыта, знаній и исключительнымъ творческимъ воображеніемъ. Ашкерцъ свободно беретъ сюжеты изъ настоящаго и прошлаго почти всѣхъ племенъ и народовъ. всюду чувствуя себя одинаково дома. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ полное право сказать о себѣ французской пословицей: «Je prends mon bien où je le trouve».

Ашкерцъ — поэтъ жизни и, главнымъ образомъ, жизни радостной и бодрой. Онъ давно пережилъ пору юношескаго пессимизма и теперь даже грустныя темы его стихотвореній не носятъ характера безнадежности, и въ самый фактъ смерти онъ умѣетъ привносить нѣчто успокаивающее и примиряющее съ печальной дѣйствительностью.

У Ашкерца это происходитъ потому, что онъ безконечно близокъ къ природѣ. Истый сынъ матери—земли, онъ, какъ былинный богатырь, черпаетъ новую мощь черезъ соприкосновеніе съ нею. Она то и спасаетъ его отъ затягивающей мірской суеты, отъ людской пошлости и грязи.

Дѣйствительно, на страницахъ сочиненій Ашкерца невозможно встрѣтить ни одного скользкаго слова, ни одного раздражающаго чувственность положенія. ни одного проявленія болѣзненной страстности. Онъ—

олицетвореніе уравновѣшенности, душевнаго здоровья и неизмѣнной свѣтлой свѣжести.

Отъ картинъ, возсоздаваемыхъ Ашкерцомъ, всегда остается яркое красочное впечатлѣніе, вѣроятно, оттого, что поэтъ является реалистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ немъ очень развито чувство мѣры и онъ органически не переноситъ утрировки, которая не уживается съ врожденной художественностью его натуры.

Гуманизмъ Ашкерца былъ уже неоднократно отмѣчаемъ критикой. Онъ любитъ людей со всѣми положительными и отрицательными чертами ихъ характеровъ и въ концѣ концовъ, по справедливому замѣчанію А. Н. Сиротинина, онъ «вѣритъ въ человѣка, въ его свѣтлую и благородную природу, въ неистощимость его силъ, въ мощь его воли. Но всего дороже и цѣннѣе для него въ человѣкѣ—это святое чувство любви брата къ братьямъ людямъ. Безъ этого чувства ничто — всѣ сокровища отвлеченнаго теоретическаго знанія. Наука безплодна, если подрѣзанъ корень, связывающій ее съ жизнью, и Ашкерцъ бичуетъ своей сатирой мертвенный холодъ лишенной жизненнаго свѣта, учености».

Проникнутый любовью къ людскому роду, Ашкерцъ въ то же время — поэтъ всеславянства, энтузіастъ славянской идеи. «Онъ горячо стоитъ за уничтоженіе историческихъ привиллегій»,—говоритъ Ив. Пріятель,—«борется за общее равенство народовъ и отдѣльныхъ лицъ и не менѣе также за ту силу, которая скрывается въ соединенныхъ славянахъ. Ашкерцъ, какъ современный культурный человѣкъ, строитъ будущее славянства исключительно на свѣжей, жизнеспособной и жизнерадостной культурѣ, но не потому что культура дѣлаетъ человѣка гуманнѣе

и благороднѣе, а потому что въ культурной обстановкѣ лучше и легче живется и безпрепятственнѣй работается». Въ сущности говоря, трудъ, культура и любовь къ ближнему—это три кита, на которыхъ покоится міровоззрѣніе Ашкерца.

Еще заслуживаетъ вниманія любовь Ашкерца къ Россіи. Но онъ симпатизируетъ не русской государственности въ идеѣ или во внѣшнихъ ея проявленіяхъ, не особенностямъ нашего быта, а той мощи русскаго національнаго характера, его потенціальной энергіи, которая глубоко затаена въ безформенныхъ народныхъ массахъ и лишь повременамъ выноситъ на поверхность исторіи такихъ титановъ человѣческаго генія, какъ Пушкинъ, Достоевскій и, столь излюбленный Ашкерцомъ, Левъ Толстой. «Русскіе писатели»,—замѣчаетъ Ашкерцъ,— «всегда были неустрашимыми борцами за великую идею свободы и гуманности. И, кто хочетъ правильно судить о русскомъ народѣ, — тотъ не долженъ слушать, что говорятъ русскіе реакціонные бюрократы: они говорятъ не отъ его имени. Настоящіе представители русскаго народа и его цвѣтъ—это его поэты въ стихахъ и прозѣ, — поэты, которые всѣ почти являются мучениками за свои идеалы и убѣжденія». Имъ, пѣвцамъ, и великому русскому народу данъ великій, сильный, свободный и звучный языкъ».

«Тебѣ ли служить покоряясь тиранамъ?»—говоритъ о немъ Ашкерцъ,—

«Могучій,—ты созданъ надъ міромъ царить!
«Глашатай свободы и правды,—ты долженъ
«Намъ къ солнцу изъ мрака пути проложить».

Стихотвореніе «Въ равнинѣ пустынной...» имѣетъ аллегорическое значеніе. Подъ яворомъ Ашкерцъ ра-

зумѣетъ свою родину, подъ липою—славянство, какъ единое цѣлое. «Полетъ», по мнѣнію А. Н. Сиротинина, отличается большою законченностью и яркостью, какъ отблескъ минутнаго настроенія и сознанья своего ничтожества, сравнительно съ величіемъ созданнаго Богомъ міра. «Будда и Ананда» и «Будда и Сарипутта» принадлежатъ къ циклу стихотвореній Ашкерца, которыми онъ иллюстрируетъ буддійское вѣроученіе. По замѣчанію Ив. Пріятеля, «изъ философовъ Ашкерцъ любитъ болѣе всего индійскихъ, но не за ихъ квіетизмъ, къ которому онъ чувствуетъ отвращеніе, а потому что индійская религіозная философія была единственной, къ которой онъ могъ принадлежать, какъ духовное лицо».

«Страница изъ лѣтописи Юрьева монастыря» является въ высшей степени характерной для Ашкерца. По мѣткому наблюденію А. Н. Сиротинина, герой этого стихотворенія, братъ Куно — самъ Ашкерцъ. «Онъ любитъ мать землю сырую со всѣми ея дарами, утѣхами и наслажденіями; а больше всего любитъ онъ «сына земли»—человѣка и человѣческое счастье. Онъ такой же настоящій гуманистъ, какъ Петрарка или Боккачіо. Въ Цѣльской гимназіи, въ Мариборской семинаріи изъ за разрозненныхъ латинскихъ текстовъ и кусочковъ, изъ за пестрой ткани словъ, въ которой ученикъ обыкновенно ищетъ мысль отдѣльной фразы, не думая о связи и общемъ смыслѣ читаемаго, Ашкерцъ уловилъ чуткимъ поэтическимъ слухомъ, связующій эти нити мыслей въ одну цѣлую и живую ткань, самый духъ античнаго міра... Какъ гуманистъ XVI вѣка, онъ послѣ долгаго, тяжелаго и мрачнаго сна, точно вновь прозрѣлъ и увидѣлъ красу природы и жизни и наслаждается ею, забывъ обо всемъ иномъ».

«Королевичъ Марко», написанная въ стилѣ сербскихъ народныхъ пѣсень, талантливая литературная переработка сербскаго національнаго преданія о героѣ Косовской битвы Маркѣ-королевичѣ. «Фирдуси и дервишъ» — проникнутая юморомъ антитеза мрачнаго аскетизма, основаннаго на буквѣ религіознаго ученія, и свѣтлаго поэтическаго одушевленія. «Изъ путевого дневника» — остроумный укоръ намъ, русскимъ, за наше равнодушіе къ славянству и славянской идеѣ.

Произведенія Ашкерца переведены изо всѣхъ четырехъ сборниковъ его стихотвореній, обнимающихъ пятнадцатилѣтній періодъ (1890—1905) творчества поэта.

---

* * *

Въ равнинѣ пустынной, залитый
Сіяніемъ блѣднымъ луны,
Качается яворъ забытый,
Шумя средь ночной тишины.

Онъ темнозеленой листвою
Такъ странно и грустно гудитъ,
Что кажется, страстной мечтою
Въ тоскѣ одинокой горитъ!

Есть липа вблизи; расцвѣтаетъ
Она каждый день все пышнѣй,
И яворъ безумно желаетъ
Объятій сосѣдки своей.

О яворъ! О липѣ цвѣтущей
Не думай: тебѣ суждены
Печали разлуки гнетущей
Да страсти безплодные сны.

* * *

* * *

Дымится черное, распаханное поле...
Проходитъ селянинъ по свѣжей бороздѣ
И сѣмена рукою неустанной
Бросаетъ въ землю, словно мимоходомъ.
И мудрая кормилица-земля
Встрѣчаетъ радостно весенніе посѣвы,
Скрывая ихъ въ таинственныя нѣдра,
Откуда золотомъ они заколосятся.

Дымится черное, распаханное поле,
Проходитъ сѣятель по свѣжей бороздѣ,
Бросая сѣмена... Не такъ ли ты, поэтъ,
Въ сердца людей свои роняешь мысли?

* * *

Влюбленная

Со всякимъ днемъ она милѣй и краше!
Фіалки нѣжныя и звѣзды маргаритокъ
Пестрѣютъ вновь межъ раннихъ первоцвѣтовъ
На бархатѣ одеждъ ея зеленыхъ.

Чело вѣнчаетъ ей вѣнокъ изъ незабудокъ,
Трепещетъ грудь подъ бѣлыми цвѣтами.
Она дрожитъ отъ радостныхъ предчувствій,
Ее томятъ неясныя надежды...

Деревья шепчутъ ей таинственныя рѣчи
О томъ, кто ищетъ ласки ароматной,
Зовутъ ее, влюбленную глубоко,
Избранницей, счастливою невѣстой.

Краса земли плѣнила взоры солнца!
Оно полно къ ней страсти безконечной,
И все теплѣй лучи его сіяютъ,
И шлютъ съ небесъ живительную силу.

* * *

Романсъ о розѣ

Бѣлѣе снѣга розу
Я подобралъ съ земли,
Среди дороги людной,
Поблекшую, въ пыли...

Бѣлѣе снѣга роза
На грядкѣ расцвѣла,
Благоухала нѣжно
И горя не ждала...

Замѣтилъ кто-то розу,
Тропинкой проходя,
Сорвалъ ее безпечно
И бросилъ, не щадя...

Слеза туманитъ очи,
Томитъ меня печаль:
Покинутую розу
Душѣ унылой жаль!

* * *

Полетъ

Сквозь эфиръ безконечный
Плылъ я дальше и дальше
Мимо солнцъ необъятныхъ,
Пламенѣвшихъ и жгучихъ,
Мимо звѣздъ безучастныхъ,
Что въ круженіи мѣрномъ
Мнѣ навстрѣчу катились
По предвѣчному слѣду,
На просторѣ безгранномъ.
Плылъ я дальше и дальше
Сквозь таинственный сумракъ,
Порождавшій свѣтила
Всякій мигъ предо мною;
Мнѣ встрѣчались порою
Золотыя кометы,
По вселенной скитальцы;
Рдѣли яркія искры
Изъ невѣдомой бездны,
И мелькнувъ исчезали,
Словно блестки ракеты.
И въ пути своемъ чудномъ
Я глядѣлъ и дивился
Милліардамъ твореній
Никому неизвѣстныхъ!

Я стою одиноко
На полянѣ пустынной
Незнакомаго края.
Что за ночь воцарилась
Въ тишинѣ величавой!
Ни единаго звука.
По лазурному небу
Тихо блещутъ планеты
Безъ числа и названья...
И ко мнѣ приникая,
Шепчетъ кто-то незримый:
«Посмотри предъ собою
«На звѣзду, что трепещетъ
«Въ бѣлоснѣжномъ сіяньи:
«То земная обитель,
«Гдѣ попрежнему люди
«Неустанно трудятся.
«Видишь окомъ спокойнымъ
«Ихъ усилья и скорби,
«Ихъ тоску и надежды,
«Ихъ борьбу и ошибки?
«Видишь взоромъ холоднымъ
«И любовь человѣка,
«И лукавую зависть,
«И неправду и злобу?
«И рабовъ и тирановъ,
«И святыхъ непорочныхъ
«Среди грѣшниковъ—видишь?»

Я глядѣлъ изумленный
И, стремясь по простору,
Видѣлъ свѣтлую точку,
Что одна мнѣ сіяла,
Чуть блистая въ туманѣ.

* * *

Будда и Ананда

Ближе сядь ко мнѣ, Ананда,
Подъ развѣсистую пальму!
Отдохни въ тѣни прохладной
Послѣ тягостной дороги.

Гангъ струится передъ нами
Безпокойною волною
И живетъ свободной жизнью,
Мой возлюбленный Ананда.
Въ несмолкаемомъ журчаньи
Онъ течетъ и дни и ночи,
И минуты и мгновенья.
Что же властно управляетъ
Многоводною рѣкою?
Тяжесть собственная гонитъ
Волны съ горъ до синя моря.
Наша жизнь во всемъ загадка:
Сокровенная причина
Ею движетъ незамѣтно,—
То любви къ существованью
Вѣчно страстныя стремленья
Въ безпокойствѣ ненасытномъ.
Погляди на Гангъ, Ананда,
Въ мѣстѣ тихаго рожденья
У предгорій гималайскихъ,—
Погляди и здѣсь въ равнинѣ,

Гдѣ, могучей силы полный,
Онъ течетъ во всемъ величьи,—
Погляди и тамъ, гдѣ море
Заключить его готово
Въ равнодушныя объятья...
Не вездѣ-ли Гангъ священный,
Не повсюду-ль Ганга воды?

Погляди на жизнь, Ананда,
Въ пестротѣ ея случайной;—
Вѣдь она ни что иное,
Какъ тяжелое страданье.
Наблюдай ее, гдѣ хочешь:
Въ зарожденьи, въ серединѣ
Иль въ конечномъ завершеньи!

Ты рожденъ въ страданьи лютомъ.
Полюби: въ часы разлуки
Съ близкимъ суетному сердцу
Станешь ты страдать безмѣрно,—
Станешь ты страдать въ союзѣ
Съ человѣкомъ, о Ананда,
Если онъ тебя не любитъ,
А насильно милъ не будешь...
Суждено рабамъ страданье,
Суждено оно владыкамъ.
И не мучатся-ли также
Тѣ, что носятъ кривды бремя
Повсемѣстно за собою?
Драма жизни въ этомъ мірѣ

Завершается страданьемъ,—
Смерть—его послѣдній проблескъ.
Все, какъ видишь самъ, Ананда,
На землѣ живетъ, страдая.

* * *

Будда и Сарипутта

«Нынче ярмарка открылась
Въ Урувелѣ тихой, Будда,
Продавцы кричатъ,—веселье,
Словно въ городѣ обширномъ,
И тебя не будутъ слушать,
Если ты сегодня станешь
Толковать свою премудрость!»

«Сядемъ къ пагодѣ и мирно
Отдохнемъ въ тѣни прохладной.
Храмъ обманщиковъ-браминовъ
Лишь для этой цѣли годенъ!
Только ярмарка... Да развѣ
Ты не видишь, Сарипутта,
Въ этой ярмаркѣ другого?»

«Ничего, почтенный Будда,
Я не вижу въ ней иного:
Предо мной она пестрѣетъ
Безпокойною толпою!»

«Видишь, милый Сарипутта,
Это —вѣчная сансара,
Бѣлый свѣтъ, или, что то же,
Жизнь, которая всечасно
Нарождается и гибнетъ.

Въ ней ничто не остается
Ни минуты безъ движенья.
Посмотри, спѣшатъ куда-то
Люди въ разныхъ направленьяхъ,
Разбѣгаясь по базару,
Какъ потокъ воды журчащей!
Обливаясь липкимъ потомъ,
Въ суетѣ едва минуютъ
Пѣшеходы пѣшеходовъ.
Верховые на верблюдахъ,
На слонахъ и рѣзвыхъ коняхъ,
Также странно торопливы...
То любви къ существованью
Ненасытное стремленье
И слѣпая жажда счастья.
Вѣрь, великое различье
Между ними и межъ нами
Въ томъ, что мы въ тѣни прохладной
Созерцаемъ безпристрастно
Цѣль ихъ шумнаго собранья.
А познаніе житейскихъ
Дѣлъ, которымъ занятъ мудрый,
Называется нирваной!
Развѣ знаютъ эти люди,
Будь то конный или пѣшій,
Что за путь имъ уготованъ
Неподкупно строгой кармой?»

* * *

* * *

Скажи, краса-дѣвица,—
Душа моя спросила,—
Откуда звѣзды-очи
Ты для себя добыла?

Ихъ свѣтъ лазурно-чистый
Владѣетъ чудной силой.
Глядѣлъ бы дни и ночи
На образъ дѣвы милой,

Ловилъ бы эти взоры
И днемъ и ночью темной,
Волшебной красотою,
Какъ хмѣлемъ, опьяненный.

* * *

Карменъ

Донна Карменъ, донна Карменъ,
Черноокая смуглянка!
Погляди, къ тебѣ пришелъ я
Въ часъ полночный подъ балконъ

Съ быстротою небывалой,
Я спѣшилъ къ тебѣ чрезъ горы,
Черезъ долы и овраги,
Буйный вихорь несъ меня.

Безконечная дорога
Темной вѣчностью казалась,
Но теперь достигъ я свѣта:
Это солнце—образъ твой!

Помнишь старую легенду?
Намъ монахъ ее повѣдалъ
За Севильею, гдѣ шумно
Вдаль бѣжитъ Гвадалквивиръ.

Кто на свѣтѣ сердцемъ пылкимъ
Дѣву чистую полюбитъ
И, въ любви ей не признавшись,
Будетъ смертью унесенъ,

Тотъ покоя не дождется:
Станетъ сердце непрерывно

Подъ сырой землею биться
Дни и ночи въ мертвецѣ.

Для него пробьетъ часъ мира
Лишь тогда, когда откроетъ
Душу той, кого любилъ онъ,
На землѣ еще живя.

Я любилъ тебя безумно
И люблю понынѣ, Карменъ,
Но сказать тебѣ не смѣлъ я
И признаньемъ не смутилъ.

И любя пошелъ я въ битву
За тебя, о донна Карменъ!
Ты жива, а я въ могилѣ...
Возврати же мнѣ покой!

* * *

* * *

Кружится снѣгъ,
На землю упадая..
Какъ день хорошъ,
Сосѣдка молодая!

Ты вновь въ окно
Глядишь на вихорь снѣжный.
Задумчивъ сталъ
Твой образъ блѣдный, нѣжный.

Кружится снѣгъ,
Межъ нами упадая...
Я полнъ тобой,
О дѣва молодая!

* * *

* * *

Buona sera, o Везувій!
Вновь меня, старикъ горбатый,
Изъ своей гигантской трубки
Ты встрѣчаешь ѣдкимъ дымомъ,
Что валитъ и дни и ночи,
Чернымъ облакомъ свиваясь,
Поднимаясь къ небосклону.

И ты куришь, lazzarone,
Трубку славную—вѣками...
Мнѣ мила она не слишкомъ:
Черезчуръ она набита
Табакомъ прескверныъ, старче,
Не такимъ теперь конечно, —
Какъ тогда, давно... Чай помнишь,
Какъ изъ этой самой трубки
Гнѣвно, пепломъ раскаленнымъ
Ты три города засыпалъ
Подъ ногами,—тамъ вотъ, видишь?
Что ты думалъ, безсердечный,
Плутоватый lazzarone?
Посмотри, куда ни глянешь,
Дорогой коверъ пестрѣетъ,
Садъ зеленый разослался...
А по саду, на привольи,
Города бѣлѣютъ ярко,

И блестятъ на солнцѣ стѣны,
Словно бисеромъ сверкая...
И надъ всѣмъ единый сторожъ —
Ты горбунъ, Везувій славный!

* * *

* * *

И снова ты передо мной,
Гляжу на образъ дорогой...
О, не смущай своимъ приходомъ
Души торжественный покой!

Но знай: въ тотъ день, когда любя
Вернешься ты ко мнѣ, скрипя
Падутъ ревнивые затворы,
Встрѣчая радостно тебя.

* * *

Страница изъ лѣтописи Юрьева монастыря

Спи мирнымъ сномъ!..
Сегодня рано утромъ
Мы брата Куно съ честью схоронили.

Откуда былъ покойный инокъ родомъ,
О томъ никто рѣчей его не слышалъ;
Должно быть, онъ и самъ того не зналъ.
Пришелъ же онъ къ намъ въ Юрьевъ монастырь
Семь лѣтъ тому назадъ пасхальной ночью.

Чудакъ былъ нашъ почившій братъ. Порою,
На цѣлый день обитель покидая,
Скитался онъ по доламъ и холмамъ.
Не разъ видалъ охотникъ запоздалый,
Какъ онъ мечталъ подъ пѣсни вольной птицы
Въ тѣни густой развѣсистаго бука...
Но никогда съ порожними руками
Не возвращался Куно изъ отлучекъ!
Онъ приносилъ съ собою то цвѣтовъ,
То травъ и злаковъ полную кошницу,
То камнями набивъ свои карманы
Иль наловивъ жуковъ, большихъ и малыхъ.
Зеленыхъ гадовъ, пестрыхъ мотыльковъ,
Улитокъ, змѣй, ужей и жабъ поганыхъ, —
Спѣшилъ домой, добычею довольный...

И все въ душѣ живой рождало откликъ!
Потомъ подолгу этотъ пестрый хламъ
Лежалъ въ пыли, разбросанный по кельѣ,
И здѣсь, и тамъ, валяясь подъ ногами,
Въ хаосѣ страшномъ,—Богъ ему прости!
Нечаянно зашедшій въ келью Куно
Замѣтить могъ, что онъ, въ грязи копаясь,
Задумчиво разсматривалъ собранье
Растеній, тварей и предметовъ разныхъ.
Читалъ собратъ покойный очень много!
У насъ легко застать его бывало
За чтеніемъ... И грудой на полу,
По темнымъ полкамъ и шкапамъ высокимъ,
Лежало въ кельѣ всякихъ книгъ не мало.—
Встрѣчались здѣсь Платонъ, Гомеръ, Горацій,
Ѳома Кемпійскій, Плиній, Аристотель,
Священное писанье и, забытый
Открытымъ среди травъ и шишекъ ели
На подоконникѣ, служебникъ—и такъ
дальше!
Немудрено, что Куно очень часто,
Въ свои занятья думой погруженный,
Къ намъ въ хоръ опаздывалъ то на вечерню,
То къ утренѣ или къ обѣднѣ ранней.—
Когда же зиму вновь смѣняло лѣто,
Онъ ночи цѣлыя бродилъ одинъ по саду.
И если небосводъ былъ тихъ и ясенъ,
А хоры звѣздъ мерцали въ вышинѣ,
На нихъ до свѣта любовался инокъ

И могъ назвать по имени любую,
Какъ членовъ братьи нашей монастырской.
Передавали мнѣ, что Куно пѣсни
Любилъ слагать на языкѣ чужомъ.
Онъ полонъ былъ всегда одной природой,
И ею жилъ и свято чтилъ ее.
Богъ вѣсть, насколько истинно онъ вѣрилъ;
Его судить я права не имѣю.
Ты, Боже, нашъ единый судія!
Твоимъ очамъ открыты наши мысли:
Ты знаешь, кто Тебя не ложно любитъ,
И по дѣяньямъ судишь человѣка,
Цѣня его по жизни справедливой,
А не за то, какъ часто онъ пріемлетъ
Въ теченье дня Твое святое имя!
Не станемъ же судить сердца людскія,
Хвалясь въ душѣ, быть можетъ, лицемѣрно
Другъ предъ другомъ вѣрою своею,—
Не станемъ же мы ссориться и спорить,
Преслѣдовать, и клясть, и ненавидѣть,
Но ближняго возлюбимъ больше брата...
То заповѣдь великая Твоя!

Хоть и чудакъ былъ Куно, но по правдѣ
Душа жила въ немъ добрая на рѣдкость.
Онъ никого и словомъ не обидѣлъ
И въ жизни зла не сдѣлалъ никому.

Теперь я долженъ въ лѣтопись внести

Разсказъ о томъ, что среди насъ случилось.
Съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ монастырь основанъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ живутъ картезіанцы
И лѣтопись подробная ведется,
Подобнаго событья не бывало!
По крайней мѣрѣ, я о немъ не знаю.

Въ урочный часъ, въ столовой монастырской
Собрались мы для трапезы обычной
Въ Ивановъ вечеръ прошлою субботой
И ожидали тщетно брата Куно...
Но Куно нашъ какъ будто въ воду канулъ!
Мы кончили вечернюю молитву,
«Аминь» въ тиши глубокой прозвучало,
На отдыхъ насъ благословилъ игуменъ,
И встали мы толпой изъ-за стола,
Когда открылись шумно настежь двери,
И къ намъ вбѣжалъ взволнованный и блѣдный,—
Его очей во вѣкъ я не забуду,—
Братъ Куно!
«Все, о други, чисто,—все!»
Такъ началъ онъ таинственную рѣчь;
Но мысль его была намъ непонятна.
Онъ подошелъ, отеръ ладонью потъ,
Что по лицу его ручьемъ катился,

[illegible] въ зыбравѣ,
[illegible]ъ...
[illegible] и журчанье.

И гулъ ручья, и голоса животныхъ—
Всѣ звуки говоровъ, извѣстныхъ на землѣ,
Слагали хоромъ чуднымъ и единымъ
Симфонію, дышавшую величьемъ...
И слушалъ я, завороженный ею.
Но что же въ томъ стихійно-мощномъ гимнѣ
Припѣвомъ вѣщимъ было?

«Чисто все!»
«Все чисто,—все, что видишь ты и слышишь,
«Что ощущаешь вкругъ себя, о Куно!»
Чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже забываясь,
Я созерцалъ природы чудеса,
Открытыя рукой Творца премудрой,
И внятенъ былъ мнѣ голосъ твари каждой:
«Изъ Божьихъ рукъ я вышла непорочной,
«И я чиста!» А я все грезилъ, грезилъ...

Вдругъ стихло все,—и ничего теперь
Я различить не могъ въ нѣмомъ покоѣ
Природы спящей... Смолкли шумъ и пѣнье,
Исчезли изъ очей, куда не знаю,
Цвѣты и лѣсъ, животныя и птицы.

Гигантскою, могучею статуей
Жена живая встала предо мной!
Она была такъ дивно высока,
Что безъ труда могла бъ рукой коснуться
И млечнаго пути, и огненнаго солнца.

Одежды бренной не было на ней,
Безгрѣшный образъ красоты тѣлесной
Я созерцалъ въ священной наготѣ,
Но описать его не въ силахъ, братья.
Какъ червь, во прахъ я передъ ней склонился,
Въ боязни трепетно заклявъ ее,
Глядѣвшую мнѣ въ очи величаво:
«Скажи, кто ты,—прекрасная, святая?»—
«Я дочь Творца,—вселенная, природа,
«Живущаго праматерь, вѣчный сфинксъ.
«Ты жъ, человѣкъ, мой лучшій сынъ,—а я
«Чиста, какъ Богъ, чиста и непорочна!»

И рѣчь ея гремѣла, словно громъ...

Очнулся я отъ грезъ и чаръ купальныхъ,
Когда беззвучно ночь плыла надъ боромъ,
Свой черный плащъ развѣявъ надо мною,
Я къ вамъ бѣжалъ—и вотъ я съ вами снова!»

Такъ говорилъ намъ Куно поученье
Въ Ивановъ вечеръ, позднею порою.
Его рѣчей, загадочныхъ и странныхъ,
Никто изъ насъ тогда понять не могъ...
На утро онъ уже не всталъ съ постели.
Три дня потомъ томился онъ недугомъ
Въ убогой кельѣ, средь цвѣтовъ увядшихъ,
Каменьевъ пыльныхъ и сухихъ растеній,
Среди жуковъ и мертвыхъ мотыльковъ,

Старинныхъ книгъ, тяжелыхъ фоліантовъ
И средь своихъ неконченныхъ писаній:
Все бредилъ онъ о той женѣ чудесной,
Которую видалъ въ Ивановъ вечеръ,
И намъ твердилъ, безсильно угасая,
О дивной чистотѣ ея бѣдняга.
На третій день его призвалъ Всевышній...

Хоть не былъ ты ни пріоръ, ни игуменъ,
Я въ лѣтопись включилъ твою кончину.
На память тѣмъ, кого тепло любилъ ты,
Твоимъ потомкамъ и друзьямъ оставилъ
Про тихое житье твое разсказъ
Илларій братъ...

Миръ праху твоему!

* * *

Послѣдняя ночь

Цѣлуй меня въ послѣдній разъ—
Онъ наступилъ, разлуки часъ!

Подъ стоны вьюги, въ эту ночь
Я удалюсь навѣки прочь.

Лишь мѣсяцъ, вѣрный спутникъ мой,
Да звѣздъ небесныхъ блѣдный рой

Въ моемъ безрадостномъ пути
Свѣтить мнѣ будутъ и вести...

Вѣдь знаю я уже давно,
Что быть твоимъ мнѣ не дано.

И, погрузивъ въ слезахъ нѣмыхъ
Свой взоръ во мракъ очей твоихъ,

Я ухожу, тоску тая,
Въ чужіе дальніе края.

Цѣлуй еще—и руку дай!
Я не вернусь назадъ... Прощай!

* * *

Королевичъ Марко

Кто зоветъ меня изъ нѣдръ могилы,
Изъ могильной тьмы пятивѣкової?

«Это, Марко, мать твоя въ разлукѣ
По тебѣ душою стосковалась.
Встань, приди опять ко мнѣ, сыночекъ,
И вернемся мы въ родимый Прилѣпъ,
Гдѣ счастливо жили всей семьею,
Свой очагъ отъ бѣдъ оберегая».

Не встаютъ умершіе изъ гроба!
Не буди напрасно,—лучше дай мнѣ
Спать въ землѣ любимой свято-сербской,
Отдаваясь снамъ своимъ юнацкимъ...
Если-жъ ты меня, родная, любишь,
Горячѣй молись за душу сына
У сырой могилы на колѣняхъ!..

Кто зоветъ меня изъ нѣдръ могилы,
Изъ могильной тьмы пятивѣкової?

«Это я, твоя Елица, Марко!
Воротись къ своей подругѣ нѣжной
И ея объятіямъ отдайся...
Я тебя, мой соколъ, приголублю!

Зной любви, волнуя страстью, мучитъ
И влечетъ къ тебѣ неудержимо:
Я забыть любовь твою не въ силахъ!»

Дорогая, мертвый не проснется:
Онъ спокоенъ, холоденъ, какъ камень,
И тревогамъ страсти недоступенъ.
Если-жъ ты, краса моя Елица,
Пылкимъ сердцемъ снова оживаешь
И сгораешь знойною любовью,
Безъ которой дальше жить не можешь,—
Полюби юнака молодого,
А меня оставь лежать въ могилѣ!..

Кто опять зоветъ меня на волю
Изъ могильной тьмы пятивѣковой?

«Это я, твой вѣрный конь, о Марко!
Полно спать, живѣе встань изъ гроба:
Понесу тебя я вихремъ буйнымъ
На Косово поле, гдѣ нашъ ворогъ,
Дикій турокъ, тѣшась проливаетъ
Снова кровь твоихъ юнаковъ-братьевъ!»

Ты ли это, конь мой вѣрный? Ты ли,
Добрый другъ и боевой товарищъ,
Что леталъ скорѣй стрѣлы громовой?
Бейся, бейся на моей могилѣ

И разрой копытами темницу!
Изъ нея я встану. Какъ бывало,
На тебя вскочу быстрѣе вѣтра
И помчусь ликуя въ бой кровавый
На врага стариннаго—турчина!

* * *

Чаша безсмертія

„Когда душа въ смертный часъ покидаетъ тѣло человѣка, кто дастъ ему волшебное питье, чтобы спасти его?“

Коранъ. Сура 75.

На кудряхъ его тюрбанъ пестрѣетъ,
У бедра виситъ клинокъ дамасскій,
Передъ нимъ открыта книга жизни,—
То коранъ читаетъ Абдура́манъ,
Суру ту, что говоритъ о смерти
И о вѣчной жизни безпредѣльной.
Свѣтлый день сіяетъ въ стекла оконъ.
И глядитъ смѣясь въ покои утро,
Какъ дитя весны благоуханной,
Но не ясно на душѣ калифа:
Тяжкой мыслью занятъ Абдура̀манъ...
«Смерть... Опять душой овладѣваетъ
Злая дума, черная колдунья!
Умереть!.. Могу ли умереть я?
Ты, Аллахъ, любовь затеплилъ въ сердцѣ
И вдохнулъ духъ мудрости въ разсудокъ,
Силу власти мощной далъ мнѣ въ руки,—
Какъ же я съ людьми навѣкъ разстанусь,
Если съ ними я любовью связанъ?
Смерть... Да какъ же мнѣ не думать больше?

Вѣдь въ умѣ тебя, Аллахъ, мы носимъ!
И могу ль съ мечемъ я разлучиться,
Съ тѣмъ мечемъ, что былъ мнѣ вѣрнымъ
другомъ?...»
Мрачныхъ думъ калифъ кордовскій полонъ
И зоветъ къ себѣ онъ трехъ мудрѣйшихъ:
Онъ зоветъ къ себѣ врача Хакима,
Призываетъ чародѣя Софра,
Призываетъ дервиша Рашида.

Первымъ врачъ Хакимъ къ нему явился.

«Если нѣтъ лѣкарства противъ смерти,
Для чего, скажи, душа и знанье....
Нѣтъ ли средства жизнь продлить навѣки?»

«О эмиръ, земли испанской солнце!
Какъ я счастливъ, что меня призвалъ ты...
Наши знанья мощны и обширны,
Но не всякій вѣчности достоинъ.
Собери, калифъ премудрый, въ чашу
Ты росу на полѣ предъ восходомъ,
Распусти въ ней жемчугъ—и утрами
Пей его семь дней подрядъ—и станешь
Вѣчно жить, мой славный повелитель!»

Чуть забрезжилъ день на ясномъ небѣ,
Ужъ калифъ выходитъ изъ Кордовы
И спѣшитъ съ хрустальной чашей въ поле
Собирать росу передъ зарею.

Съ полной чашей въ городъ воротившись,
Погрузилъ въ нее онъ горсть жемчужинъ,
Долго ждалъ волшебнаго напитка,
Но въ росѣ не растворился жемчугъ...

И предсталъ передъ калифомъ Со́феръ.

«О эмиръ! На радость мусульманамъ
Дастъ тебѣ безсмертье Со́феръ вѣрный.
Хороша наука врачеванья,
Но всесильно только наше знанье
Тайныхъ чаръ—алхимія святая.
Для тебя безсмертье—въ этой чашѣ,
Если станешь пить мое лѣкарство.
Ты расплавь въ ней золото литое,
Пей его—и не умрешь вовѣки.»

«Прежде самъ попробуй свой напитокъ!
Можетъ быть, онъ слишкомъ крѣпокъ,
Со́феръ.»

«О эмиръ! Не для меня та чаша,—
Ты одинъ»...
«Отвѣдай, Со́феръ, первымъ,
Чтобъ я видѣлъ дѣйствіе напитка»...

И припалъ устами къ чашѣ Со́феръ,
А калифъ взмахнулъ мечемъ и, молвивъ:
«Каково питье, теперь увижу»,—
Обезглавилъ Со́фра-чародѣя.

И вошелъ къ калифу Али Рашидъ.

«Ты у насъ въ Кордовѣ самый мудрый!
Разъясни, повѣдай же мнѣ тайну:
Неужели средства нѣтъ отъ смерти,
И могу ли жизнь продлить навѣки?»

Но развелъ руками Али Рашидъ,
Старый дервишъ въ порванной одеждѣ,
Съ бородою длинной и сѣдою, —
Онъ развелъ руками и промолвилъ:

«Ты лѣкарства ищешь, Абдураманъ,
Что даетъ безсмертье слабымъ людямъ...
Но вѣдь пилъ же ты живую воду,
У врачей ее искалъ ты жадно,
Ты искалъ ее у чародѣевъ,
Всѣ тебя лукаво обманули.
Знай, въ тебѣ самомъ сокрыта чаша,
Самъ создать питье безсмертья можешь:
Эта чаша—жизнь твоя, владыка,
Наливай ее водою вѣчной.
Чашу эту, жизнь свою, отнынѣ
Ты, эмиръ, старайся ежедневно
Наполнять хорошими дѣлами.
И, на благо родины и ближнихъ,
Пусть дурного капли ни единой
Не падетъ въ ту радостную чашу.
Перестань творить добро не прежде,

Чѣмъ наполнишь чашу всю до края
И склонится жизнь твоя къ закату.
Прахъ истлѣетъ твой въ сырой могилѣ, -
Чаша добрыхъ дѣлъ твоихъ пребудетъ.
Станетъ пить народъ твой эту чашу,
Станетъ чашей тою напояться,
Будешь жить въ своихъ дѣяньяхъ вѣчно»...

Передъ нимъ лежитъ святая книга,
Но калифъ корана не читаетъ.
Старцу вслѣдъ глядитъ онъ долгимъ взоромъ,
Онъ глядитъ и тихо, тихо шепчетъ:
«Всѣхъ мудрѣе твой совѣтъ о чашѣ,
«Видно, правъ ты, мудрый Али Рашидъ».

* * *

Фирдуси и дервишъ

Тканью пестрою Фирдуси
Занятъ вновь на радость персамъ,
Не коверъ онъ ткетъ, но пѣсню
Вдохновенную слагаетъ,
Эпосъ «Шахъ Намé».

Посѣщаетъ пѣснопѣвца
Шумный рой друзей, знакомыхъ,
Почитателей усердныхъ,
И поетъ гостямъ Фирдуси
Пѣсню «Шахъ Намé».

И встаютъ, стиху послушны,
Изъ могилъ цари, герои,
Ратоборцы старыхъ сказокъ...
Бой кипитъ и за свободу
Льется кровь рѣкой.

Въ томъ бою непримиримы
Зло съ добромъ и правда съ ложью,
Тьма ночная съ яснымъ свѣтомъ
И съ Ормуздомъ лучезарнымъ
Демонъ Ариманъ.

У окна читаетъ громко
Эпосъ свой гостямъ Фридуси.
Много бродитъ тамъ прохожихъ
И, подчасъ остановившись,
Слушаетъ стихи.

Среди гражданъ Гашны—самый
Вѣрный слушатель поэта
Вновь стоитъ ему внимая.
Это всѣмъ извѣстный Махмудъ,
Дервишъ и пророкъ.

Каждый день приходитъ Махмудъ
И становится у оконъ;
Взоръ его горитъ безумьемъ,
А уста клеймятъ Фирдуси
Градомъ злыхъ клеветъ.

Понося и задирая,
Пляшетъ Махмудъ и вертится,
На челѣ тюрбанъ трепещетъ,
И по воздуху одежда
Рѣетъ, какъ крыло.

А Фирдуси все читаетъ...
Но, прервавъ поэта, гости
Молвятъ: «Развѣ ты не слышишь,
«Какъ бранитъ тебя безумецъ,
«Что же терпишь ты?

«Дикимъ воемъ вторя чтенью,
«Что ни скажешь, извращаетъ,
«Чернымъ бѣлое зоветъ онъ,
«Въ чистотѣ находитъ подлость...
«Ты отвѣть ему!»

Улыбнулся пѣснопѣвецъ,
Тихо бороду погладилъ,
Оглядѣлъ гостей спокойно
И сказалъ неторопливо:
«Иль не персы вы?

«Состраданіе къ больному
«Завѣщалъ намъ Заратустра.
«Только жалокъ дервишъ Махмудъ:
«Расхворался не на шутку
«Разумомъ бѣднякъ!..

«Спутанъ умъ его Кораномъ,
«Грѣхъ дразнить его словами:
«Заболѣть онъ можетъ пуще,
«И всему, что съ нимъ случится,
«Буду я виной.

«Онъ опять вопитъ... Ей, слуги,
«Протрезвите-ка пророка,
«Окативъ струей холодной,
«А остатокъ влаги дайте
«Выпить старику!»

* * *

Изъ путевого дневника

Въ вагонѣ между Петербургомъ и Москвою

На всѣхъ парахъ экспрессъ летитъ,
Въ купэ у насъ фонарь горитъ.

Проснулся спутникъ мой,—и вотъ,
Очки поправивъ, задаетъ

Онъ мнѣ вопросъ: «Вы до Москвы?»
Да, я туда... «Скажите, вы

«Ужъ не купецъ ли?» Нѣтъ, туристъ.
«А, можетъ быть, и журналистъ?»

Да, то и это... Въ первый разъ
Былъ въ Петербургѣ я у васъ,

А нынче дальше ѣду я;
Побыть въ Москвѣ—мечта моя.

Уже давно стремлюсь туда
И радъ теперь, какъ никогда!

«А вы не русскій?» Славянинъ!
«Чехъ, сербъ, болгаринъ иль русинъ?».

Словенецъ—я... «Позвольте, кто?..
«Не черногорецъ ли?» Не то...

«А знаю... Вы изъ тѣхъ же странъ,
Что тамъ лежатъ у ногъ Балканъ.

«И самый близкій вашъ сосѣдъ
Какъ будто Турція... Иль нѣтъ?»

Да, да, вы правы въ этотъ разъ:
Отъ турокъ два шага до насъ...

«Иной намъ, русскимъ, нуженъ край:
Россіи путь лежитъ въ Китай.

«Все на умѣ у насъ Амуръ,
Манчжурія и Портъ-Артуръ...

«Бухара, Хива, Мервъ, Гератъ
Намъ, право, ближе во сто кратъ

«Славянофильства, сударь мой:
Оно не въ модѣ,—духъ другой.

«Чего отъ васъ дождаться намъ?
А въ Азіи центральной, тамъ

«Наоборотъ, огромный сбытъ
Торговлѣ барыши сулитъ!

«Что дѣлать?.. Такъ устроенъ свѣтъ.
Возьмите жъ пару сигаретъ!»

* * *

Ночь на морѣ

Θеодосія—Ялта

Глухая полночь. Все молчитъ.
Въ глубокихъ грезахъ море дышетъ.
На небѣ звѣздный хоръ горитъ,
Волна ладью едва колышетъ...

Какъ ханъ властительный, луна
Въ морское зеркало глядится
И лучъ у нашего челна,
Блестя съ чалмы ея, дробится.

Спускаютъ звѣзды съ неба мнѣ
Свои серебрянныя струны;
Отъ нихъ въ лазурной тишинѣ
Звучитъ напѣвъ простой и юный.

О ночь ночей, морская ночь!
Всегда бы ею любоваться...
Мнѣ чаръ ея не превозмочь
И съ ней до свѣта не разстаться!

* * *

Отонъ Зупанчичъ

Отонъ Зупанчичъ родился 23-го января 1878 года въ Бѣлой Крайнѣ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ спеціализировался на изученіи философіи. Еще будучи совсѣмъ юнымъ студентомъ, Зупанчичъ выступилъ на литературное поприще, дебютируя въ печати стихотвореніями, подписанными псевдонимомъ Алексѣя Николаева. Двадцати лѣтъ отъ роду, онъ выпустилъ въ свѣтъ первую книгу своихъ произведеній, подъ заглавіемъ «Чаша упоенія», имѣвшую большой успѣхъ. За первымъ сборникомъ вскорѣ послѣдовалъ второй «Писанки», заключавшій въ себѣ изящныя и граціозныя стихотворенія для дѣтскаго возраста, а затѣмъ и третій, названный «Черезъ равнину».

По словамъ Ив. Пріятеля, большого поклонника поэзіи Зупанчича,—«онъ въ полномъ смыслѣ слова поэтъ жизни. Въ свои студенческіе годы онъ воспѣвалъ ту бродящую и кипучую, задрапированную въ великолѣпную символическую одежду, радость жизни, въ которой восторгъ пѣнится, какъ молодое вино, въ которой жажда жизни такъ могущественна, что для возстановленія жизненнаго равновѣсія должно обратить взоръ къ смерти. Въ послѣднее время Зупанчичъ становится болѣе спокойнымъ, сдержаннымъ, сосредоточеннымъ и, если можно такъ выразиться, болѣе философомъ. Только теперь онъ снисходитъ къ чистымъ началамъ, прославляетъ щедро разливающее свѣтъ солнце, мать сыру землю, женщину».

Зупанчичъ пользуется признаніемъ и значительною популярностью въ словенской литературѣ. Нѣ-

которые сравниваютъ его съ Ашкерцомъ. Вполнѣ согласиться съ этимъ однако довольно трудно. Въ творчествѣ Зупанчича до сихъ поръ еще мало объединяющей идейности и, воспитываемаго только жизнью, созерцательнаго отношенія къ окружающей поэта дѣйствительности. Несмотря на это, произведенія его, написанныя прекраснымъ и легкимъ языкомъ, звучными и гибкими стихами очень богаты колоритными и выпуклыми образами. Они усердно читаются словенской публикой и нерѣдко цитируются въ повременной печати.

По мнѣнію д-ра Караска, въ молодомъ поколѣніи словенскихъ поэтовъ Зупанчичъ особенно многообѣщающій талантъ. Это — поэтъ крупной творческой силы и блестящей формы. Еще недавно крайне увлекавшійся символизмомъ, теперь въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ открываетъ благороднымъ и вдохновеннымъ языкомъ всю свою душу. Въ своихъ дѣтскихъ пѣсняхъ Зупанчичъ до такой степени естественен и простодушенъ, что легко увлекаетъ читателей всѣхъ положеній и возрастовъ.

Стихотворенія «Вечеръ», «Безвременно погасъ надъ жизнью день» и, характерные образцы разнообразія и легкости ритмовъ въ бѣлыхъ стихахъ у Зупанчича, «Нынѣ, Мадонна...» и «Портретъ Эссери» переведены изъ перваго сборника произведеній Зупанчича «Чаша упоенія» (1899), а стихотвореніе «Вечеръ на морѣ» взято изъ цикла пѣсенъ для дѣтей—«Писанки» (1900), изданныхъ Швентнеромъ въ Люблянѣ.

***

Нынѣ, Мадонна,
Милость сулитъ мнѣ
Взоръ твой глубокій и ясный.
Святостью общей
Связаны души
Наши въ минуты молитвы.

Нѣтъ, о Мадонна,
Въ эти минуты
Мрака завѣсы тяжелой.
Дивная тайна
Ликъ свой лучистый
Грѣшному оку открыла.

Снова, Мадонна,
Въ тихомъ сіяньи
Чувство свое омываю;
Блещутъ невинной,
Чистой росою
Листья мистической розы.

***

Вечеръ

Цвѣты утомясь засыпаютъ,
И вновь мотыльки исчезаютъ,
Въ дремотѣ чуть зыблются травы,
Шумятъ въ отдаленьи дубравы...

Къ нимъ вѣтеръ доносится съ поля,
Въ нихъ дышетъ стихійная воля.
Въ природѣ покой все безмѣрнѣй
Съ восходомъ звѣзды предвечерней.

* *

Портретъ Эссери

Для своей Эссери создалъ
При волнахъ Гвадалквивира
Абдураманъ дивный замокъ,
Чудо изъ чудесъ.
Изъ Кордовы мусульмане
Къ замку толпами приходятъ
Погулять въ саду душистомъ
И потѣшить взоры.
Тамъ, какъ тѣни, кипарисы
Чуть колышатся, дрожатъ,
А предъ ними лавры, словно
Заколдованные принцы,
Наклонясь стоятъ...
И подъ сѣнью водомета
Полусонно шепчутъ воды,
Къ нимъ сходя съ лазури яркой,
Лучъ ихъ брызгами играетъ,
И зефиръ шалитъ.
Что за зданье, что за залы!
Стройно высятся колонны,
Своды подпирая;
Легкимъ очеркомъ аркады
Поднимаются, скрестившись,
Въ небо голубое.

А по стѣнамъ арабески
Опускаются, пестрѣя,
Фантастически сплетаясь,
Словно грезы въ юныхъ душахъ.
Души юныя въ мечтаньяхъ,
Всё стремятся вдаль и вдаль..
Что за гурія, взгляните,—
Черноока, черноброва,
Черноброва, бѣлолица,
Красота красотъ!
Посмотрите, тамъ у входа
Словно гурія.... Но нѣтъ же,
Это дѣва не живая,
А портретъ Эссери.

«Абдураманъ, Абдураманъ,
«Пусть Аллахъ свои чертоги
«Для тебя запретъ съ проклятьемъ,
«Ибо ты не чтишь корана.
«А коранъ насъ поучаетъ,
«Что Аллахъ одинъ на свѣтѣ.
«Вотъ его завѣтъ:
«Пусть портретами не смѣетъ
«Украшать жилищъ и храмовъ
«Вѣрный мусульманинъ:
«Часъ суда надъ нимъ пробьетъ.
«Ослѣпленъ ты буйной страстью
«И тщеславьемъ многогрѣшнымъ,
«Коль портретъ Эссери ставишь
«Людямъ на соблазнъ »

Такъ толкуютъ по Кордовѣ
Старцы-мусульмане,
Угрожаютъ казнью неба,
Жаждутъ кары для владыки.

И калифъ имъ отвѣчаетъ:
«Мусульмане, полно вамъ!
«Не страшитесь вы Эссери,
«Формъ ея округлыхъ, дивныхъ,
«Бѣлоснѣжной, нѣжной груди
«И рубиновъ алыхъ — устъ;
«Бойтесь вы другихъ портретовъ,
«Лицъ морщинистыхъ и вялыхъ,
«Глубоко изборожденныхъ
«Наслажденьемъ и грѣхомъ...
«Вы портретовъ вашихъ бойтесь!
«Вѣдь надъ ними всѣ смѣются,
«Ихъ не сохраните вы
«До потомковъ вашихъ позднихъ.»
«О позоръ и поношенье!
«Ты открой коранъ, безбожникъ,
«И прочти себѣ, властитель,
«Въ сурѣ пятой осужденье!»
«Правовѣрные, напрасно
«Въ гнѣвѣ злобно лжете вы.
«Все мѣняется на свѣтѣ:
«За погибшимъ возникаютъ
«Снова мысли и желанья,
«И старѣетъ самъ коранъ.

«Вы, честные мусульмане,
«За прогрессъ стоите тоже,
«Такъ подумайте надъ сурой
«Про окольные пути...»

Зло смѣется Абдураманъ,
И кусаютъ мусульмане
Губы до крови себѣ.

* * *

* * *

Безвременно погасъ надъ жизнью день.
Посѣвъ сгубили вьюги снѣжныя,
Мои цвѣты повяли нѣжные,
Надъ жизненной стезей сгустилась тѣнь

Душа моя, любимая, скажи,
Къ чему со мною ты лукавила?
Въ любовь увѣровать заставила
И, не любя, зачѣмъ лгала,—скажи!

За все бы я теперь прощенье далъ,
Коль ты надеждъ мнѣ не давала бы
И, если бъ все мнѣ разсказала бы,
Быть можетъ, за тебя бы самъ я лгалъ.

* * *

Вечеръ на морѣ

На небѣ высокомъ
Облако плыветъ,
Легокъ въ синемъ морѣ
Челнока полетъ.

Словно загорѣлся
Темный океанъ,
Заревомъ огнистымъ
Западъ осіянъ.

Уносись, челнокъ мой,
Къ солнечной странѣ...
Тамъ, въ лучахъ горячихъ,
Отдохнуть бы мнѣ!

* * *

Казиміръ Тетмайеръ

Казиміръ Тетмайеръ родился 12 февраля 1865 года въ Людзимірѣ Новотарскаго повѣта въ Галиціи. Семья его была глубоко проникнута національными историческими традиціями. Отецъ поэта, пламенный патріотъ, въ молодости служилъ въ уланахъ и въ 1831 году принималъ участіе въ первомъ польскомъ возстаніи. Впослѣдствіи онъ былъ маршалкомъ повѣта и посломъ въ сеймъ.

Первымъ литературнымъ вліяніемъ, отразившемся на Тетмайерѣ, оказалось его знакомство съ поэтомъ польско-украинской школы Севериномъ Гощинскимъ. Гощинскій, старинный другъ и товарищъ отца Тетмайера, подолгу живалъ у него въ Людзимірѣ; онъ то, повидимому, и заронилъ въ душу будущаго поэта первую искру любви къ Татрамъ и къ татранской природѣ, которую восторженно воспѣвалъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Пройдя гимназическій курсъ въ Краковѣ, Тетмайеръ поступилъ въ Краковскій же университетъ, но закончилъ высшее образованіе въ Гейдельбергѣ. Затѣмъ, послѣ многолѣтнихъ скитаній заграницею, онъ вернулся на родину и долгое время прожилъ въ мѣстечкѣ Закопаномъ въ Татрахъ. Суровая и величественная природа Татранскихъ горъ, красивая и образная рѣчь мѣстныхъ жителей и ихъ своеобразный бытъ, знакомый Тетмайеру еще съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, нашли отраженіе во многихъ его лирическихъ стихотвореніяхъ и въ разсказахъ изъ народнаго быта «На скалистомъ Подгорьѣ» (1903),

очень интересныхъ своими этнографическими і робностями.

Посвятивъ себя исключительно литературной д тельности, Тетмайеръ въ 1886 году напечаталъ по въ прозѣ «Илла», вскорѣ послѣ которой появил патріотическая «Аллегорія» (1887). За ними пос довали новелла «Ксендзъ Петръ» (1895), рома «Ангелъ смерти» (1895), сборникъ разсказовъ « ланхолія» (1899), психологическая фантазія «Безд (1900) и большая повѣсть «Панна Мери» (1901). 1902 году вышли его «Лѣтнія ночи» и книга] сказовъ «Впечатлѣнія», а въ 1905 году романъ « бель». На прозу Тетмайера сильное вліяніе оказ Сенкевичъ своими мелкими психологическими э дами и, въ особенности, романомъ «Безъ догма: причемъ герой его Плошовскій навсегда остался бимымъ литературнымъ типомъ Тетмайера.

Драматическія произведенія Тетмайера неод кратно и съ успѣхомъ исполнялись на краковс: и варшавской сценахъ. Изъ нихъ наиболып извѣстностью пользуются: «Мужъ-поэтъ» (18! «Сфинксъ» (1893), «Завиша Черный» (1901) и, пытка синтеза революціонной души, драматичес: фантазія «Революція» (1906). Кромѣ того, подъ вл ніемъ своего брата художника, Тетмайеръ много боталъ по исторіи искусствъ. Изъ трудовъ его въ э области лучшимъ считается «Этюдъ о Беклинѣ», мѣщенный въ «Иллюстрированномъ еженедѣльни за 1899 годъ.

Начало извѣстности Тетмайера, какъ выдаюі гося польскаго поэта, восходитъ ко второй полові восьмидесятыхъ годовъ, то-есть ко времени его с денчества. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ написа на конкурсъ стихотворенія въ честь Мицкевича Крашевскаго, получилъ за нихъ первую премік

создалъ себѣ имя. За восемнадцатилѣтній періодъ, съ 1891 по 1908 годы, Тетмайеръ выпустилъ шесть томовъ своихъ стихотвореній и окончательно упрочилъ свое литературное положеніе, удостоившись отъ современной польской критики громкаго титула «поэта поэтовъ». Творчество Тетмайера хорошо извѣстно въ Западной Европѣ: его произведенія переведены на французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій и чешскій языки.

Тетмайеръ является однимъ изъ наиболѣе видныхъ и популярныхъ представителей польскаго модернизма. По словамъ К. І. Храневича, «онъ — плоть отъ плоти и кость отъ кости современнаго нервнаго поколѣнія, болѣетъ его скорбями, облекаетъ въ острыя строфы его жгучія думы и также растерянно, какъ и все современное человѣчество, тоскуетъ и плачетъ по улетѣвшемъ куда то счастьи. Сердце сердцу вѣсть подаетъ—вотъ почему молодое поколѣніе такъ жадно прислушивается къ мрачнымъ напѣвамъ Тетмайера». Блестящая литературная форма, крайній индивидуализмъ, глубина психологическаго анализа, смѣлость образовъ и, наконецъ, яркое отраженіе пессимизма, столь свойственнаго современному человѣку, сдѣлали Тетмайера любимцемъ польской молодежи и создали ему толпы почитателей и немало вѣрныхъ послѣдователей и подражателей въ литературной средѣ.

«Уже самая форма стихотвореній Тетмайера свидѣтельствуетъ о горячей искренности ихъ автора»,— говоритъ въ своей «Современной польской литературѣ» Вильгельмъ Фельдманъ, очеркъ котораго о Тетмайерѣ положенъ въ основу настоящей характеристики. «Въ каждомъ отдѣльномъ стихотвореніи слышится иное, отличное отъ другихъ, біеніе крови,

иное напряженіе нервовъ писателя. Ритмъ у Тетмайера находится въ идеальной гармоніи съ настроеніемъ, тономъ и мыслью всего произведенія. Значительная часть художниковъ слова повторяетъ ошибку старыхъ творцовъ итальянской оперной музыки, у которыхъ между трагизмомъ словъ и мелодіей существовалъ огромный контрастъ. У Тетмайера, какъ и у Рихарда Вагнера, оба эти элемента полно и глубоко гармонируютъ другъ съ другомъ».

Тетмайеръ, какъ древній эллинъ, боготворитъ красоту, находя ее повсюду—и въ суровой природѣ татранскихъ ущелій, и въ щемящемъ душу дыханіи осени, и въ полетѣ альбатроса, и въ страстныхъ объятіяхъ женщины. Встрѣчаясь на жизненномъ пути съ пошлостью и подлостью людскою, опутывающею, какъ паутиной, юные и смѣлые порывы, съ безучастіемъ толпы, тупо взирающей на позорную гибель своихъ героевъ, поэтъ ясно сознаетъ свою безконечную оторванность отъ общей сутолоки жизни, а разбитыя иллюзіи создаютъ въ душѣ его отчаяніе и скуку, внушая ему невольное тяготѣніе къ нирванѣ.

Польская критика въ свое время отмѣтила разительный контрастъ между юношескими стихотвореніями Тетмайера, полными силы, энергіи и бодрости, и произведеніями позднѣйшаго времени. Хмурая осень и жгучая боль о невозвратномъ прошломъ, воспоминанія о любимой женщинѣ, ея тихій и неясный образъ, встающій подъ шелестъ желтыхъ, падающихъ листьевъ, смутная тоска — вотъ Тетмайеръ послѣдующаго періода. «Мрачный колоритъ, налагающій свою руку на большинство его произведеній», — замѣчаетъ А. И. Яцимирскій, — «вытекаетъ главнымъ образомъ изъ одной причины: роковой неудачи въ стремленіи человѣка къ индивидуаль-

ному счастью, не знающему ни государственныхъ, ни общественныхъ идеаловъ. Въ этомъ безплодномъ стремленіи къ счастью, человѣкъ разбивается о гранитную грудь того могучаго чудовища, которое называется смертью и которое, словно тѣнь, всюду слѣдуетъ за человѣкомъ».

Порою однако пробуждается страстность, таящаяся въ глубинѣ души поэта и онъ находитъ временное забвеніе въ чаду любви, пока новое столкновеніе съ обнаженной дѣйствительностью не приводитъ его къ новымъ разочарованіямъ. Но хотя жизнь и представляется Тетмайеру въ образѣ страшнаго призрака, который держитъ въ рукахъ своихъ судьбы людей,—все же въ своемъ пессимизмѣ онъ не доходитъ до безнадежности Шопенгауеровскаго отрицанія. Печальны условія бытія, но на свѣтѣ существуетъ два, нѣсколько примиряющихъ съ жизнью, элемента—красота и любовь. Онѣ то и являются для Тетмайера лучистыми божествами, въ честь нихъ онъ и слагаетъ свои гимны. Въ этомъ — настоящій культъ поэта. Яркія, сочныя краски, въ которыхъ онъ изображаетъ любовь, красоту и женщину, навлекли на Тетмайера строгія нареканія многихъ представителей польской литературной критики съ профессоромъ Брикнеромъ во главѣ. Правда, Тетмайеръ смотритъ на женщину, какъ на средство въ разгарѣ страстей забыть свою тоску и тягость жизни, часто иллюстрируя эту мысль въ своихъ стихотвореніяхъ, но все же для обвиненія Тетмайера въ эротизмѣ этого слишкомъ мало.

Душа современнаго человѣка жадно ищущая разнообразныхъ ощущеній ради нихъ самихъ, то поднимающаяся въ своихъ порывахъ къ безконечности то падающая въ водоворотъ людскихъ страстей, чтобы

вдосталь напиться изъ скорбной чаши тоски и разочарованій, какъ мы видимъ это у Тетмайера, такая душа не способна выработать въ себѣ недостающаго ей прочнаго нравственнаго идеала. Для этого нужно единство ощущеній и большая послѣдовательность стремленій, а при вѣчномъ ихъ разнообразіи такое единство неосуществимо. И страстная, потрясающая мощь въ жалобахъ Тетмайера, въ его тоскѣ по недостижимому идеалу, заставляетъ насъ не только сочувствовать Тетмайеру, но страдать его страданіями и плакать его слезами.

..юся въ душѣ прежде всего неутолимое стремленіе къ счастью, которое фантазія поэта воплощаетъ въ образахъ женщины и красоты, Тетмайеру,—по справедливому замѣчанію Вильгельма Фельдмана,—трудно проникнуться героизмомъ и отражать его въ своей поэзіи. Поэтому, составляя эпоху въ польской литературѣ, Тетмайеръ не можетъ быть ею въ исторіи развитія творческихъ идеаловъ. Онъ — сынъ и пѣвецъ разбитаго, изломаннаго поколѣнія, которое находитъ въ себѣ силы для поэзіи, экстаза и гашиша, умѣетъ страдать и, страдая, мечтать о величіи, но жить величіемъ оно не въ состояніи.

Стихотворенія Тетмайера «Тѣнь Шопена», «Изъ тѣла вырви душу, вихрь могучій», «Засохшая сосна», «Пускай не владѣетъ тобою ни страстность...» и «О нѣтъ не говори о счастьи схороненномъ...» переведены изъ первой книжки стихотвореній Тетмайера, вышедшей въ Варшавѣ въ 1900 году третьимъ изданіемъ.

Тѣнь Шопена

Въ поляхъ цвѣтущихъ, въ садахъ, подъ сѣнью
Лѣсовъ густыхъ
Онъ бродитъ блѣдной, ночною тѣнью,
Какъ греза, тихъ.

Онъ внемлетъ шуму дубравъ прибрежныхъ
Въ прозрачной мглѣ,
И звукамъ скрипокъ далекихъ, нѣжныхъ
Въ глухомъ селѣ.

Онъ ловитъ слухомъ осинъ дрожащихъ
Простой напѣвъ,
И слезы жалобъ, въ тоскѣ молящихъ,
Печальныхъ дѣвъ...

Въ сіяньи лунномъ, порой ночами
Изъ лона водъ
Русалка тихо слѣдить очами
За нимъ встаетъ;

За тѣмъ, кто слышитъ и погребальный,
Тоскливый хоръ,
И со звѣздою звѣзды хрустальной
Переговоръ,

Кто слышитъ сердце, что съ болью жуткой
Дрожитъ безъ силъ,
Кто внемлетъ жадно душою чуткой
Всему, чѣмъ жилъ.

* * *

* * *

Изъ тѣла вырви душу, вихрь могучій,
И увлеки ее въ воздушныя глубины!
Какъ коршунъ Татръ, повергнутый въ низины,
Я плачу и томлюсь, и рвусь въ родныя тучи...

Пусть твой порывъ бушующій, холодный
Умчитъ меня въ далекія пустыни,
Чтобъ о себѣ я самъ забылъ отнынѣ,
Что человѣкъ я, а не духъ свободный.

* * *

Засохшая сосна

Стою у пропасти глухой. Луны лампада
Блѣдна, какъ лилія, что, смущена кручиной,
Груститъ надъ заводью, подернутою тиной.
Въ тиши ночной гремятъ напѣвы водопада:

Надъ бурнымъ токомъ водъ скалистая громада,
На ней ростетъ сосна съ поникшею вершиной
И грезитъ сумрачно безвременной кончиной,—
А вѣтеръ гнетъ ее: чужда ему пощада.

Не ей одной упасть съ отчаянной борьбою:
Есть люди хилые, заранѣе судьбою
Они обречены на смерть и злыя бѣды.

Бороться стоитъ ли, не вѣруя въ побѣды?
Что значатъ—жизнь безъ воли и безъ силы
И слезы горькія надъ слабымъ, у могилы?

* * *

* * *

Пускай не владѣетъ тобою ни страстность,
Ни пылъ увлеченій! Будь въ жизни какъ воинъ,
Что въ битвѣ отваженъ, но трезвъ и спокоенъ.
Чтобъ дни торжества надъ тобой не настали,
Да будетъ покой тебѣ шлемомъ изъ стали,
Насмѣшка—мечомъ и щитомъ—безучастность.

* * *

* * *

О нѣтъ, не говори о счастьѣ схороненномъ!
Оно откликнется въ душѣ надгробнымъ звономъ
И кровью обольетъ ее безъ сожалѣнья,
Упавъ къ тебѣ на грудь въ порывѣ безнадежномъ.
Отрава — въ дѣтскихъ снахъ о счастьѣ невозможномъ.
Зачѣмъ опять будить прошедшія мгновенья?
Вспоминанія откроютъ предъ тобою
Глухія пропасти, зіяющія тьмою,
Необозримыя, унылыя пустыни
Съ нѣмыми трупами кустарниковъ истлѣвшихъ,
Погостъ безъ ангеловъ, навѣки отлетѣвшихъ
Отъ мертвыхъ грѣшниковъ, что прокляты отнынѣ.
И ты почувствуешь надъ скорбною могилой
Прошедшихъ радостей съ такою жгучей силой, —
Какой ты жалкій прахъ, какой ты червь тщедушный,
Какъ бѣденъ ты теперь, что воли жить не станетъ
Вѣдь мысли о быломъ усталыхъ на смерть ранятъ,
Такъ не зови же ихъ изъ памяти послушной.

* * *

Карлъ Гавличекъ Боровскій

Карлъ Гавличекъ Боровскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ чешскихъ писателей-борцовъ за независимость Чехіи. Проникнутый горячею любовью къ отчизнѣ, онъ познакомился со своеобразной культурой родственнаго чехамъ сѣвернаго народа— русскихъ, но не подпалъ ея вліянію, а сумѣлъ глубоко и творчески переработать его. Съ богатымъ кладомъ знаній и житейскаго опыта вернулся онъ изъ Россіи домой и вступилъ въ непримиримую борьбу съ гнетомъ австрійскаго политическаго деспотизма. Проявивъ свои выдающіяся дарованія, какъ публицистъ, поэтъ, беллетристъ и переводчикъ, Гавличекъ до конца не покидалъ своей трудной работы надъ развитіемъ чешскаго національнаго самосознанія и только вмѣшательство грубаго произвола заставило его смолкнуть. Неизлѣчимый недугъ сломилъ его силы и онъ безвременно угасъ въ неволѣ.

Жизнь Гавличка—неустанная идейная борьба, полная безкорыстнаго одушевленія и почти подвижнической стойкости.

Онъ родился 31 октября 1821 года въ небогатой купеческой семьѣ близь моравской границы. Первыя впечатлѣнія бытія у Гавличка были связаны съ церковной службою родного мѣстечка Борова и образомъ старика священника Бружка, обучавшаго его чешской грамотѣ. Гавличку рано пришлось разстаться съ родительскимъ домомъ и поступить въ Нормальную нѣмецкую школу въ Иглавѣ, гдѣ мальчику очень доставалось отъ педантичнаго учителя, нѣмца-шовиниста Оллера. Когда родители Гавличка

перебрались въ Нѣмецкій Бродъ, то Гавлич
также перешелъ въ мѣстную гимназію, котор
благополучно и окончилъ семнадцати лѣтъ.

Два года затѣмъ Гавличекъ провелъ въ Пра
проходя философскіе курсы, соотвѣтствующіе ст
шимъ классамъ теперешнихъ гимназій, а осен
1840 года поступилъ въ духовную семинарію.
боръ этотъ легко объяснить, если принять во в
маніе, что духовное сословіе являлось въ ту п
единственнымъ классомъ австрійскаго общест
пользовавшимся извѣстной долей свободы мысл
слова.

Однако Гавличекъ пришелся совсѣмъ не ко дв
въ духовной средѣ. Живой и остроумный, онъ
давалъ пощады своими насмѣшками тому, что ка
лось ему комичнымъ, осыпая эпиграммами вся
проявленіе обскурантизма у святыхъ отцовъ. Уд
ныя шутки Гавличка переходили изъ устъ въ ус
создавали ему большую популярность среди сото
рищей, но вскорѣ дальнѣйшее пребываніе въ се
наріи оказалось для него невозможнымъ, и онъ ос
вилъ богословскія науки, формально такъ и не
вершивъ своего образованія.

Ненадолго онъ сдѣлалъ попытку заняться слав
ской филологіей и чешской исторіей. Подъ вліяні
знаменитаго Шафарика, Гавличекъ сталъ работ
надъ славянскимъ фольклоромъ и дѣятельно го
виться къ профессурѣ. Но судьба не судила
стать кабинетнымъ ученымъ. Гавличекъ былъ сл
комъ тѣсно, органически связанъ съ обществен
жизнью родины, слишкомъ чутокъ къ запроса
народа, чтобы создать себѣ уединенный міръ, чуж
невзгодъ и треволненій. Занимаясь въ пражск
архивахъ, онъ черезъ Шафарика и Погодина по

чилъ приглашеніе въ Москву на должность гувернера въ семейство профессора Шевырева. Радуясь случаю повидать далекую и заманчивую Россію, онъ собрался и осенью 1842 года съ большими остановками по пути отправился въ древнюю русскую столицу черезъ Вѣну, Львовъ, Радзивиловъ и Кіевъ.

Двухлѣтнее пребываніе въ Россіи осталось навсегда однимъ изъ лучшихъ воспоминаній Гавличка Радушно принятый въ кругу славянофиловъ, онъ особенно сошелся со славистомъ Бодянскимъ. Въ домѣ Шевырева постоянно бывали: поэтъ Хомяковъ, журналистъ Павловъ, археологъ Снегиревъ, братья Кирѣевскіе и Аксаковы. Съ одной стороны ихъ историко-политическій символъ вѣры, съ другой же странствованія по русской землѣ значительно расширили умственный кругозоръ молодого чеха, но «оффиціальная народность» произвела на Гавличка отрицательное впечатлѣніе. «Ему не нравился»—говоритъ новѣйшій русскій критикъ Гавличка,—«антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ, его отталкивали кружки, гдѣ было много словъ и мало дѣла, гдѣ царила узкая исключительность,—и кажется, что біографы Гавличка имѣли въ виду именно эту сторону московской обстановки, когда писали, что жизнь въ Москвѣ оставила слѣдъ на развитіи Гавличка, что критическій и оппозиціонный характеръ его ума опредѣлился здѣсь еще больше, что онъ лучше привыкъ понимать между-славянскія отношенія и сильнѣе ненавидѣть насиліе и произволъ».

Уѣзжая весною 1844 года черезъ Вильну и Варшаву изъ Россіи, Гавличекъ провидѣлъ свое будущее. Онъ возвращался домой создавать публицистическую литературу. Въ разлукѣ съ родиной онъ понялъ основные недостатки ея общественной жизни.

Онъ постигъ, что чеховъ никогда еще нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ патріотизма, но чешскій патріотизмъ не былъ патріотизмомъ дѣла, его отличало пристрастіе къ фразѣ. Заставить соотечественниковъ сознательно относиться къ окружающей дѣйствительности и отрѣшиться отъ утопичныхъ политическихъ мечтаній —такова была задача Гавличка.

Первымъ литературнымъ дебютомъ Гавличка по возвращеніи на родину была рѣзкая рецензія на романъ Каэтана Тыля «Послѣдній Чехъ», проникнутый крайнимъ патріотическимъ сентиментализмомъ и совершенно отрѣшенный отъ реальной почвы.

«Намъ уже начинаютъ надоѣдать»,—писалъ Гавличекъ,—«эти нескончаемыя рѣчи о патріотизмѣ, патріотахъ и патріоткахъ, которыми много лѣтъ немилосердно преслѣдуютъ насъ въ стихахъ и прозѣ наши писатели... Пора бы этому патріотизму перейти отъ языка въ тѣло и руки, то-есть чтобы мы изъ любви къ народу больше дѣлали, чѣмъ объ этой любви говорили; потому что за однимъ возбужденіемъ къ патріотизму мы забываемъ о просвѣщеніи народа».

Отзывъ этотъ, прошумѣвшій въ пражскихъ литературныхъ кружкахъ, произвелъ сильное впечатлѣніе. Похоронивъ значеніе Каэтана Тыля, какъ писателя, онъ заставилъ общество внимательно прислушиваться къ голосу Гавличка.

Въ 1846 году Гавличекъ выпустилъ свои «Очерки русской жизни», посвященные характеристикѣ быта и культуры сѣверныхъ славянъ, причемъ его переводы Гоголевскихъ: «Шинели», «Мертвыхъ душъ» и «Повѣсти о томъ, какъ посорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», послужили яркой художественной иллюстраціей къ «Очеркамъ».

«Поселившись въ Нѣмецкихъ Бродахъ, Гавличекъ занялся антинѣмецкой агитаціей: онъ училъ мѣстныхъ студентовъ по-чешски, доставлялъ чешскія книги, основывалъ библіотеки, превратилъ кружокъ нѣмецко-бродскихъ студентовъ въ «Чешскую Бесѣду», настаивалъ на томъ, чтобы нѣмецкія вывѣски замѣнены были чешскими. Этимъ готовилась почва для стихійнаго національнаго движенія у чеховъ».

Между тѣмъ надвигались событія 1848 года. «Конституціонная свобода сообщила вдругъ сильное движеніе національному вопросу»,—замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ;—«народность, признанная закономъ, сразу усилилась замѣтно, потому что къ ней перешли люди, прежде колебавшіеся и нерѣшительные. Это сказалось даже въ Вѣнѣ. Явились славянскіе политическіе клубы, политическія газеты, свобода книгопечатанія дала литературѣ новый интересъ: ее наводнили патріотическія воззванія и пѣсни. Но было еще много неопытности и журнальной литературѣ предстояло развить въ своей публикѣ здравое пониманіе новыхъ общественныхъ отношеній и пріучить ее къ гражданской самостоятельности. Чешскіе политики часто весьма разумно работали надъ этой задачей, хотя въ то же время слишкомъ вѣрили въ совершеніе славянскихъ надеждъ и въ прочность конституціоннаго порядка, полученнаго безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны самихъ чеховъ. Къ числу такихъ политиковъ принадлежалъ и Гавличекъ. Принимая самое дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 1848—49 годовъ, онъ въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ держался первой конституціи и программы Палацкаго и въ этихъ предѣлахъ былъ упорнымъ защитникомъ народнаго права отъ всякихъ враждебныхъ покушеній». Проповѣдуя поли-

тическую недѣлимость Австріи, онъ вступилъ въ борьбу съ франкфуртскимъ сеймомъ и его задачами по германизаціи славянскихъ народностей.

Втеченіе двухъ лѣтъ, съ 1846 года, Гавличекъ редактировалъ правительственныя «Пражскія Новины» и «Чешскую Пчелу», въ которыхъ участвовали тогда такіе выдающіеся писатели, какъ Колларъ, Челаковскій, Божена Нѣмцова и Яблоновскій. Тогда же онъ познакомился со знаменитымъ чешскимъ историкомъ Вацлавомъ Владивоемъ Томкомъ, вступилъ съ нимъ въ самую тѣсную дружбу и въ памятномъ 1848 году шелъ рука объ руку съ нимъ и другими своими друзьями. Пріучая славянскую публику читать между строкъ, Гавличекъ старался удовлетворять требованіямъ цензуры, но, несмотря на свою формальную благонадежность, не избѣжалъ крупныхъ столкновеній съ правительствомъ и вынужденъ былъ на время отказаться отъ редакціоннаго дѣла. Избранный въ мартѣ 1848 года членомъ «Народнаго Комитета», онъ сталъ энергично распространять, возникшую незадолго передъ тѣмъ, идею славянскаго съѣзда въ Прагѣ, причемъ нарочно для этой цѣли предпринялъ путешествіе по Галиціи и южно-славянскимъ землямъ. Послѣ выборовъ, доставившихъ Гавличку должность секретаря съѣзда, въ маѣ открылись засѣданія, продолжавшіяся около мѣсяца. Съѣздъ еще не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію и вырабатывалъ политическую программу когда 12 іюня въ Прагѣ вспыхнули безпорядки и столица Чехіи была объявлена на военномъ положеніи. Позднѣе Гавличекъ вспоминалъ это время въ одной изъ статей своихъ въ «Народныхъ Новинахъ», издававшихся имъ съ весны 1848 года на средства графа Войтеха Дейма. «Моя квартира»,—

писалъ онъ,—«была на Старомъ Мѣстѣ, у самаго берега рѣки, окнами на Малую Страну. Видъ изъ оконъ, конечно, былъ самый незавидный. Мимо то и дѣло летали бомбы, гранаты и всякая мелочь. Одной гранатѣ какъ то удалось влетѣть въ мою комнату и въ то именно окно, у котораго я сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Я сейчасъ же подумалъ, что граната прилетѣла за моей головою. Однако, нѣтъ: она была немного поделикатнѣе тѣхъ, которые послали ее ко мнѣ; зная, что для редактора голова самая важная вещь, граната ударилась въ стѣну, и я, такимъ образомъ, не испыталъ особенной непріятности, кромѣ только того, что нанюхался дыму».

Неожиданность совершившихся событій создала очень натянутое положеніе дѣлъ. Какъ видный руководитель общественнаго мнѣнія, Гавличекъ, по подозрѣнію въ подстрекательствѣ согражданъ къ сопротивленію властямъ, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Бездоказательность его обвиненія была скоро обнаружена, но это заключеніе еще болѣе увеличило популярность Гавличка и соотечественники избрали его почти одновременно въ пяти округахъ въ императорскій сеймъ, причемъ самъ Гавличекъ собирался выступить представителемъ отъ гумполецкаго округа, хотя и относился къ организаціи сейма съ самаго начала довольно скептически.

По освобожденіи Гавличекъ возобновилъ свою проповѣдь спокойствія и законности, столь необходимыхъ въ эти тревожные дни «для того, чтобы не прекращать культурной работы и не привлекать къ себѣ вниманія слишкомъ запуганныхъ властей. Человѣкъ въ основѣ очень умѣренный и довѣрчивый онъ надѣялся примирить оппозицію съ правитель-

ствомъ и тогда еще не вѣрилъ въ возможность систематической реакціи».

Между тѣмъ узелъ славяно-австрійскихъ отношеній затягивался все туже и безнадежнѣе. Единичныя попытки увлекшихся радикальныхъ партій подавлялись вооруженною силою. Напряженіе, пережитое государствомъ, должно было неминуемо повлечь за собою глухую правительственную реакцію и, что правительство склонится на этотъ путь, было почти очевиднымъ. Но Гавличекъ на страницахъ «Народныхъ Новинъ» все еще надѣялся до послѣдней минуты, даже когда вся страна оказалась на военномъ положеніи. Но вотъ распался сеймъ и 4 марта 1849 года грянулъ давно ожидавшійся ударъ. Конституція, грубо обманувшая надежды австрійскихъ славянъ и заключавшая всѣ сѣмена послѣдовавшей затѣмъ реакціи, была октроирована. Теперь для Гавличка не оставалось уже сомнѣній. Онъ понялъ, что ошибался, довѣряя австрійскому правительству, и безсознательно сыгралъ ему въ руку своею проповѣдью умѣренности. Негодуя онъ вступилъ впервые въ открытую и непримиримую съ нимъ полемику, и 14 марта на столбцахъ его газеты появился подробный анализъ «новой конституціи», который и привелъ автора на скамью подсудимыхъ за оскорбленіе правительства. 13 апрѣля Гавличекъ предсталъ передъ судомъ присяжныхъ. Въ своей защитѣ онъ охарактеризовалъ свое отношеніе къ современному режиму и, указывая, что придерживался совершенно иныхъ воззрѣній на правительство до 4 марта, предлагалъ судьямъ выяснить причину такой коренной перемѣны мнѣній. Исходъ процесса нетрудно было предсказать по общему настроенію. Оправдательный вер-

диктъ, вынесенный присяжными былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ и оваціями подсудимому.

На этотъ разъ походъ противъ Гавличка увѣнчался неудачей, но обновленное министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ доктора Александра Баха, не сложило оружія. Гавличекъ получилъ приказаніе прекратить всякое обсужденіе государственныхъ мѣропріятій въ печати; только на этомъ условіи допускалось дальнѣйшее изданіе газеты. Однако редакторъ не задумался нарушить запрещеніе, когда счелъ это полезнымъ для народнаго дѣла: 18 января 1850 года въ «Народныхъ Новинахъ» была напечатана статья Палацкаго «О централизаціи и равноправности въ Австріи» — и одинъ изъ немногихъ органовъ независимой славянской мысли былъ закрытъ *).

Гавличекъ однако не остановился передъ новыми препятствіями на полудорогѣ. Составивъ программу, онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему издавать литературно-политическую газету въ Вѣнѣ, но правительство наотрѣзъ отказало ему. Тогда, пріютившись въ Кутной Горѣ, онъ съ величайшими затрудненіями основалъ газету «Славянинъ», но редакція просуществовала всего годъ съ небольшимъ, подвергаясь всевозможнымъ гоненіямъ. Доставка «Славянина» въ Прагу была запрещена, а найденные номера конфисковались. Дѣятельность издателя и его типографіи находилась подъ строгимъ надзоромъ полиціи, а 10 іюня 1851 года Бахъ издалъ цензурное постановленіе, связавшее Гавличка по рукамъ и ногамъ.

---

*) По словамъ Пыпина, «Народныя Новины» имѣли огромное вліяніе на чешское общество и были вообще лучшимъ изъ славянскихъ политическихъ изданій, выходившихъ тогда въ Австріи.

Первой жертвой вошедшаго въ силу постановленія оказался «Славянинъ», получившій 20 іюля первое предостереженіе, а три недѣли спустя второе. Видя, что прекращеніе изданія неизбѣжно, редакторъ, обнародовавъ предостереженія правительства, самъ закрылъ свою газету. «Власть имущіе» не удовольствовались такимъ исходомъ и снова возникъ процессъ: на очереди появилось новое дѣло объ оскорбленіи правительства въ статьяхъ «Славянина»—«Зачѣмъ я гражданинъ» и «Общественное благо». Но и «Кутногорскій процессъ 12 ноября» окончился оправданіемъ, вслѣдствіе чего недовольство въ руководящихъ кругахъ достигло крайнихъ предѣловъ.

Сдѣлалось ясно, что на твердомъ основаніи законовъ съ Гавличкомъ не совладать. Необходимо было бороться оружіемъ, противъ котораго онъ безсиленъ. Оставался путь полицейскаго воздѣйствія, который и былъ вскорѣ примѣненъ: въ ночь на 16 декабря 1851 года Гавличка арестовали и сослали въ Тироль, въ Бриксенъ. Сначала онъ не падалъ духомъ: его поддерживало сознаніе исполненнаго долга и увѣренность, что ссылка является непродолжительной невзгодою... Но дни и недѣли проходили, не принося желанной вѣсти объ освобожденіи. Вѣчно дѣятельная, огненная натура поэта томилась въ докучномъ бездѣйствіи. Его тянуло на просторъ, въ бой, въ лагерь покинутыхъ единомышленниковъ, а вокругъ царила безучастная тишина. Только высокія горы Тироля шумѣли дремучимъ лѣсомъ, скрывая скорби его далекой родины. «Я лежу здѣсь, какъ минералъ», — пишетъ Гавличекъ одному изъ друзей своихъ,—«но органическую жизнь веду всё-таки въ Чехахъ, куда, надѣюсь, впослѣдствіи перевезутъ съ разрѣшенія сильныхъ міра сего и мое бренное

тѣло. Вы не можете себѣ представить, какое великое наслажденіе доставляетъ мнѣ каждое письмо изъ дому, хоть бы то было отъ нѣмца. Читая ваше письмо, я невольно переносился къ тому счастливому времени, когда мы еще смѣло могли воевать съ нашими противниками. Но теперь настали для нихъ счастливыя времена: нѣтъ никого, кто бы порядкомъ пробралъ ихъ и прогналъ съ глазъ почтенной публики. Нынче человѣку порядочному лучше всего сидѣть дома, чтобы не загрязнить сапоговъ. Вы, конечно, хорошо понимаете мое положеніе; оно невыносимо, потому что хоть мнѣ дана, повидимому, свобода, но свобода эта въ ссылкѣ хуже тюрьмы. Надѣюсь какъ-нибудь ускользнуть отсюда, только едва ли уже доведется попасть въ Прагу».

Понемногу отчаяніе закралось въ душу Гавличка и ожиданіе смерти овладѣло его существомъ. Давно сторожившая его чахотка усиливалась съ каждымъ днемъ, унося послѣднія силы. Такъ прошло три мучительныхъ года.

Энергичныя и упорныя хлопоты друзей объ освобожденіи поэта, увѣнчались успѣхомъ только въ апрѣлѣ 1855 года. Получивъ, по выраженію реакціоннаго министра Баха, хорошій нагоняй, Гавличекъ возвращался въ Чехію живымъ мертвецомъ. Остановившись по предписанію въ Нѣмецкомъ Бродѣ, онъ испыталъ всѣ прелести новаго режима. Полицейскія стѣсненія преслѣдовали его на каждомъ шагу и малѣйшее дѣйствіе умирающаго подвергалось административному надзору. Едва добившись разрѣшенія властей, Гавличекъ 24 мая 1856 года пріѣхалъ въ Прагу на излеченіе, но только перемѣна климата могла еще продлить догоравшую жизнь и поэтъ, по совѣту врачей, уѣхалъ въ Штерн-

бергъ, въ Моравію. Нѣсколько дней спустя друзья получили отъ него безсвязное письмо, написанное неровнымъ и ослабѣвшимъ почеркомъ. Встревоженные роковымъ оборотомъ болѣзни, они послѣдовали за Гавличкомъ и воротили его съ пути обратно въ Прагу. Дорога, измучивъ больного, ускорила развязку и 29 іюля 1856 года его не стало.

«1 августа», читаемъ мы у П. А. Ровинскаго,—«по улицамъ Праги проходила весьма обыкновенная похоронная процессія. За гробомъ шла въ траурѣ молодая женщина, говорили сестра покойнаго, а жена уже дожидалась его въ могилѣ. Она вела за руку дѣвочку семи-восьми лѣтъ—Зденчинку; было еще нѣсколько лицъ, вѣроятно, родныхъ умершаго и небольшая кучка людей совершенно индифферентныхъ. Особенность этой бѣдной процессіи состояла въ томъ, что ее провожала полиція со свитою жандармовъ. Пройдя городъ, она направилась къ Вольшанскому кладбищу...

«Четыре года спустя, 1 ноября, когда католики поминаютъ всѣхъ усопшихъ, по дорогѣ къ Вольшанскому кладбищу направлялась довольно многочисленная толпа студентовъ, мѣщанъ, молодежи... Всѣ шли молча. Въ природѣ также было невозмутимо тихо; только послѣдніе желтые листья падали съ деревьевъ, посаженныхъ подлѣ дороги, да по сторонамъ нищіе играли на своихъ ручныхъ органахъ, вымаливая тѣмъ подаяніе. Толпа вступила въ ограду кладбища, перешла его поперекъ и остановилась у самой стѣны близь какой-то незначительной могилы, надъ которой печально свѣшивала свои тонкія вѣтви плакучая ива и лежалъ простой камень съ едва замѣтной надписью. Изъ толпы выступилъ студентъ и прочиталъ обычныя молитвы, а хоръ

пропѣлъ Requiem. Потомъ тотъ же студентъ превозгласилъ громкимъ голосомъ: «Слава чешскому писателю, бойцу и мученику за чешскую свободу». Къ этой толпѣ подошли тогда уже всѣ, кто только былъ на кладбищѣ и надъ бѣдной могилой, на которой лежалъ только камень со скромною надписью «Карлъ Гавличекъ и жена его Юлія»,—изъ тысячи грудей раздался троекратный кликъ «Слава».

Наиболѣе глубокій слѣдъ Гавличекъ оставилъ въ исторіи славянской публицистики. Подробная и справедливая оцѣнка этой стороны его дѣятельности— дѣло будущаго, здѣсь же достаточно сказать, что пять лѣтъ поры для чеховъ самой критической Гавличекъ не покидалъ труднаго поста, ревниво охраняя народныя права. И народъ чувствовалъ его заслугу. «Когда изданія Гавличка подверглись гоненіямъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей»,—пишетъ М. И. Сухомлиновъ,—«когда агенты полиціи явной и тайной обходили города и села, требуя выдачи запрещенныхъ книгъ, поселяне не отдавали драгоцѣнныхъ имъ изданій Гавличка, зарывали ихъ въ ящикахъ въ землю, задѣлывали въ дерево. На вопросъ, отчего они такъ дорожатъ каждой строкою Гавличка, крестьяне отвѣчали: «Да какъ-же не дорожить? Вѣдь онъ такъ писалъ, что всякій пойметъ и у всякаго откроются глаза». Въ статьѣ «Развитіе народности у западныхъ славянъ» А. Ѳ. Гильфердингъ замѣчаетъ, что «Гавличку всецѣло принадлежитъ заслуга созданія чешской политической литературы».

На склонѣ дней, когда тревожное прошедшее вспоминается особенно живо усталой душѣ, поэтъ воплощалъ пережитыя завѣтныя мечтанія въ лирическихъ образахъ. Большинство изъ нихъ пробуждаетъ въ читателѣ тяжелое чувство. Въ нервныхъ

стихахъ, проникнутыхъ предчувствіемъ близкаго конца, оживаетъ скорбная тѣнь сраженнаго насиліемъ бойца, и невольно начинаешь постигать, что истинный трагизмъ положенія Гавличка не въ страданіяхъ плоти и даже не въ лишеніи свободы, а въ рокомъ его безсиліи.

Въ ранней юности Гавличекъ удѣлялъ не мало времени эпиграммамъ и сатирѣ. Позднѣе, покинувъ школьную скамью, поэтъ время отъ времени возвращался къ юмористическимъ настроеніямъ, составлявшимъ характерную черту его таланта. Поѣздка въ Россію навѣяла ему шутливую историческую легенду «Крещеніе святого Владиміра», нѣсколько напоминающую «Исторію Россіи отъ Гостомысла до нашихъ дней» гр. Алексѣя Толстого. Отрывки изъ этой поэмы очень удачно переданы на русскій языкъ извѣстнымъ переводчикомъ Н. Н. Новичемъ (Бахтинымъ). Не меньшею популярностью, чѣмъ «Крещеніе святого Владиміра»,—пользуется въ Чехіи «Король Лавра», ирландское преданіе, передѣланное Гавличкомъ въ «веселую балладу».

Наконецъ, въ своихъ изданіяхъ, отзываясь на злобы дня, Гавличекъ писалъ сатирическіе очерки въ прозѣ и стихахъ и эпиграммы, которыхъ въ литературномъ наслѣдіи Гавличка осталось до двухсотъ.

По мѣткимъ и справедливымъ словамъ чешскаго біографа Гавличка Якубца, самая жизнь писателя была какъ бы подтвержденіемъ его глубокаго поэтическаго духа. «Онъ поэтиченъ глубиной характера Гавличка, его возвышеннымъ моральнымъ состояніемъ, любовью ко всякой свободѣ, сильнымъ чутьемъ справедливости и серьезности, какъ въ жизни общественной, такъ и въ частной, притягательностью стремленій, за которыя онъ боролся, а главнымъ

образомъ—трогательнымъ трагизмомъ собственной судьбы. И Гавличекъ всегда стремился къ жизненной правдѣ, какъ бы желая всего себя вложить въ свою поэзію».

Стихотвореніе «Моя пѣсня» написано Гавличкомъ въ Бриксенѣ 12 сентября 1854 года. Это—своего рода profession de foi поэта. По мнѣнію Якубца, оно является наиболѣе характернымъ изъ лирическихъ произведеній Гавличка.

Стихотвореніе «Вѣчная жизнь», навѣянное ожиданіемъ смерти, помѣчено поэтомъ 12 іюля 1854 года. Оно замѣчательно своимъ бодрымъ тономъ и философскимъ спокойствіемъ передъ загробною неизвѣстностью. Очень характерно въ устахъ Гавличка его признаніе безсмертія человѣческой души.

«Тирольскія элегіи» не остались безъ вліянія со стороны великаго современника Гавличка—Гейне. Онѣ написаны поэтомъ 20 іюня 1852 года въ Бриксенѣ, подъ живымъ еще впечатлѣніемъ трагикомическаго путешествія подъ конвоемъ къ мѣсту ссылки. Въ сущности, собственно элегическаго элемента въ нихъ не много, и грустныя строки поэта часто смѣняются цѣлыми страницами юмористическихъ подробностей. Въ легкихъ стихахъ вспоминаетъ онъ нѣжныя попеченія объ арестантѣ, похожденія стражи и ея шефа Дедеры и утонченную любезность министра Баха.

Мѣткія остроты попали не въ бровь, а въ глазъ кому слѣдуетъ, ибо долгое время послѣ смерти автора «Тирольскія элегіи» печатались въ Австріи со значительными пропусками.

«По содержанію», — пишетъ К. Р., — «Тирольскія элегіи» объективно художественная, всюду умная и веселая картина тогдашней Австріи, — картина реально вѣрная во всѣхъ подробностяхъ, не исключая и той особой «собачьей» вѣжливости низшихъ агентовъ австрійскаго правительства, которая такъ непріятно поразила Грановскаго при самомъ вступленіи его на австрійскую почву. Читающему не вѣрится, чтобы «Тирольскія элегіи» могъ создать въ концѣ своихъ дней человѣкъ съ разбитой жизнью и разбитымъ здоровьемъ».

«Тирольскія элегіи» переведены на многіе иностранные языки и пользуются настолько громкою извѣстностью, что проникли даже на страницы учебныхъ хрестоматій. Разгадка ихъ популярности очень проста: съ перваго же взгляда въ дѣятельности Гавличка подкупаетъ обаяніе его чистой личности, озаренной ореоломъ мученичества, и, не задумываясь надъ историческимъ значеніемъ писателя, мы видимъ въ немъ прежде всего узника и жертву грубаго произвола. Ни одно сочиненіе Гавличка не освѣщаетъ подвижнической поры его жизни лучше «Тирольскихъ элегій», въ иныя минуты «озирающихъ жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя, незримыя ему слезы».

Сравнительно съ прочими произведеніями Гавличка, «Тирольскимъ элегіямъ» посчастливилось на Руси: онѣ были переведены семь разъ. Впервые ихъ передалъ извѣстный славистъ А. Ѳ. Гильфердингъ очень близко къ подлиннику прозою, дополнивъ краткими примѣчаніями. Прозаическій же переводъ далъ А. Трояновскій въ своей большой статьѣ о Гавличкѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1861 годъ. Первый по времени стихотворный и наименѣе удач-

ный переводъ «Тирольскихъ элегій» принадлежитъ перу М. Петровскаго, напечатавшаго его въ Аксаковскомъ «Днѣ» (1861, № 11). Затѣмъ существуетъ почти вовсе въ Россіи неизвѣстный переводъ сотрудниковъ «Славянскаго Міра», изданный въ 1872 году въ Прагѣ. Здѣсь чешскій текстъ напечатанъ паралельно съ русскимъ переводомъ въ транскрипціи чешскими буквами. Стихи этого перевода мѣстами очень недурны, но языкъ не всегда отличается чистотою и нерѣдко встрѣчаются совершенно иностранные обороты рѣчи.

Позднѣе извѣстный поэтъ Д. И. Минаевъ перевелъ «Тирольскія элегіи» размѣромъ оригинала въ литературномъ сборникѣ «Въ сумерки» (1872). Отличаясь изяществомъ стиха, переводъ его не даетъ, однако, полнаго впечатлѣнія такъ какъ далеко не точенъ. Работа Н. В. Берга, напечатанная Н. В. Гербелемъ въ хрестоматіи «Поэзія славянъ» (1871), также не свободна отъ указанныхъ недостатковъ: въ погонѣ за рифмой и стихомъ, авторъ часто уклоняется отъ подлинника и допускаетъ совершенно произвольныя пополненія.

Помѣщаемый далѣе переводъ былъ напечатанъ впервые во Львовѣ въ «Научно-литературномъ сборникѣ» Галицко-Русской Матицы за 1902 годъ.

Переводы стихотвореній: «Моя пѣсня», «Вѣчная жизнь» и «Тирольскія элегіи» исправлены и свѣрены съ подлинниками по новѣйшему «Собранію сочиненій Карла Гавличка», изданному въ Прагѣ въ 1906 году Яномъ Ляйхтеромъ.

Моя пѣсня

Грозите, терзайте оковами плѣна,
За твердость сулите мнѣ злую бѣду,
Меня не покроетъ позоромъ измѣна!
Прочь нѣмцы! Цвѣта мои,—красный и бѣлый,
Эмблема свободы и честности смѣлой...
Я чехъ— и въ могилу я чехомъ сойду!

* * *

Вѣчная жизнь

Умъ, зачѣмъ тебя гнететъ
Краткость жизни милой?
Не гадай, что Богъ пошлетъ
Людямъ за могилой.

Міръ вращается вокругъ
Быстро, то и дѣло;
Твердо знай—безсмертенъ духъ
И безсмертно тѣло.

Наступившій смерти срокъ—
Не конецъ печальный.
Звонъ надъ гробомъ лишь звонокъ
Въ залѣ театральной.

Онъ назначенъ раздѣлять
Пестрыхъ дѣйствій смѣну,—
Нужно-ль занавѣсъ поднять,
Или скрыть имъ сцену...

Конченъ актъ. Актеръ спѣшитъ
Переодѣваться.
Актомъ актъ смѣненъ, забытъ,
Акту начинаться.

* * *

Тирольскія элегіи

1

Освѣщай, луна, легонько
Непроглядные туманы.
По душѣ ли тебѣ Бриксенъ?
Перестань кривиться кисло!

Погоди спѣшить къ закату,
О покоѣ думать рано;
Лучше дай еще минутку
Побесѣдуемъ съ тобою.

Я по говору нездѣшній
И у васъ на обученьи...
Успокойся: не пристало
Мнѣ прозванье —«treu und bieder».

2

Самъ изъ края музыкантовъ,
Я играю на тромбонѣ,
Да тромбонъ мой потревожилъ
Сновидѣнья вѣнскихъ пановъ.

Чтобы лучше позабыться
Отъ трудовъ своихъ тяжелыхъ,
Въ Бродъ за мной они послали
Полицейскую карету.

Два часа уже пробило,
Третій часъ пошелъ,—но только
Слышу голосъ у постели
Поздравляетъ «съ добрымъ утромъ».

Я протеръ глаза: жандармы!
Всѣ какъ есть въ парадной формѣ,
Съ золотымъ шитьемъ мундировъ,
Подпоясанные шарфомъ.

«Не пугайтесь и вставайте,
Господинъ редакторъ, смѣло!
Мы—коммиссія, не воры,
Хоть и бродимъ поздно ночью.

«Всѣ изъ Вѣны шлютъ поклоны,
Докторъ Бахъ, цѣлуя крѣпко
И справляясь о здоровьи,
Посылаетъ вамъ бумагу...»

На пустой желудокъ даже
Я всегда отмѣнно вѣжливъ:
«Да проститъ меня компанья—
Я стою въ одной рубахѣ!»

Тутъ не къ мѣсту Джокъ мой черный,
Англичанинъ грубый родомъ,
О свободѣ личной вспомнивъ,
За меня возвысилъ голосъ.

И едва успѣлъ читавшій
Одолѣть параграфъ первый,
Лай неистовый раздался
На компанію честную.

Я законникомъ австрійскимъ
Подъ кровать метнулъ, не глядя,
И прекрасно догадался:
Замолчалъ бульдогъ, не пикнувъ.

3

Середь славнаго синклита
Я, какъ истый другъ порядка,
Прежде всѣхъ иныхъ занятій
Натянулъ носки проворно

И затѣмъ прочелъ посланье.
У меня оно съ собою,
Посмотри, коль понимаешь
Слогъ австрійскихъ канцелярій...

Бахъ, какъ докторъ, замѣчаетъ,
Что мое здоровье плохо,
Что нужна мнѣ перемѣна
«Климатическихъ условій»;

Что у чеховъ стало душно:
Много смрадныхъ испареній
И тлетворна атмосфера
Послѣ той «октроировки»;

Что послалъ за мной нарочно
Онъ удобную карету,
Для скорѣйшаго отъѣзда
На казенный счетъ, конечно,

Что жандармамъ онъ довѣрилъ
Побудить меня достойно,
Если я робѣя скромно
Уклонюсь отъ приглашенья.

4

Крайне глупую привычку
Я себѣ усвоилъ: нѣту
У меня ни въ чемъ отказа
Для жандармовъ со штыками.

Опасаясь, что пожалуй
Земляки мои проснувшись
Пожелаютъ ѣхать съ нами,
Сталъ Дедера торопиться

И сказалъ, что будетъ лучше
Мнѣ не брать съ собой оружья,
Что начальство приказало
Охранять меня повсюду;

Что по Чехіи придется
Намъ «инкогнито» проѣхать,
А не то навяжутъ люди
Бездну скучныхъ порученій.

Словомъ, подалъ панъ Дедера
Цѣлый рядъ благихъ совѣтовъ,
Что предписаны въ рецептѣ
Паціентамъ бѣднымъ Баха.

Заливался онъ сиреной...
А покуда я напялилъ
Сапоги, сюртукъ и шубу,
Но сначала, впрочемъ, брюки.

Время! Кони и жандармы
Ожидаютъ передъ домомъ:
Братцы милые, терпѣнье —
И сейчасъ же мы поѣдемъ.

5

О луна! Ты знаешь женщинъ,—
Потому тебѣ не ново,
Что подчасъ онѣ бываютъ
Испытаньемъ человѣку.

Но не разъ тайкомъ видала
Ты печали разставанья
И, пожалуй, ихъ опишешь
Лучше всякаго поэта.

Что за горькая минута!
Мать, жена, сестра и дочка,
Малолѣтняя Зденчинка,
Окружали съ тихимъ плачемъ.

Имъ невольно отвѣчая,
Я казакъ бывалый, старый,
Загрубѣлый въ лютыхъ битвахъ,
Не совсѣмъ владѣлъ собою.

Крѣпче шапку-подѣбрадку
Я рукой надвинулъ нà-лобъ
И не выдалъ слезъ блестѣвшихъ
Любопытнымъ полицейскимъ.

Озабоченные, чтобы
Сцена горя проходила
Средь казенныхъ декорацій,
У дверей они стояли.

6

Рогъ трубитъ, стучатъ колеса...
Мы къ Иглавѣ ѣдемъ быстро,
Ковыляетъ сзади стража,
Отъ потерь оберегая.

Возвышаясь на пригоркѣ,
Церковь старая, родная
Сквозь лѣса глядитъ печально:
«Ты ли это, мой голубчикъ?

«Помню, какъ тебя крестили,
Какъ прилежно ты учился,
Какъ священнику сѣдому
Ты прислуживалъ усердно;

«Помню, какъ побрелъ въ дорогу
Ты за опытомъ и знаньемъ,
И со свѣточемъ вернулся
Озарять пути славянамъ;

«Видишь какъ года проходятъ...
Тридцать лѣтъ тебя я знаю!
Но скажи, что за уроды
Ѣдутъ, хлопче, за тобою?»

7

При проѣздѣ чрезъ Иглаву,
Такъ и грезился мнѣ Шпильбергъ,
А за многоводнымъ Линцемъ
Наводилъ раздумье Куфштейнъ.

Но зловѣщія твердыни
Мы оставили направо
И альпійская природа
Веселѣй казаться стала.

Глупо ѣхать, милый братецъ,
Самъ не зная, куда ѣдешь...
Почтарей рожокъ игривый
Пахнетъ шуткою плохою.

Повсемѣстно смазка осей
И повсюду перепряжка...
Лучше было бы, ей-богу,
Перепречь и смазать въ Вѣнѣ!

Телеграфъ, скажу однако,
Превосходное открытье:
Онъ, властей предупреждая,
Оглашалъ прибытье наше,

Чтобъ полиція, заботясь
Обо мнѣ, какъ мать родная,
Прежде нежели пріѣдемъ
Растопить могла камины.

Признаюсь, пройти молчаньемъ
Не могу Будейовицы,
Гдѣ мельницкаго любезно
Для меня купилъ Дедера:

Богъ вѣсть, пробудился ль въ стражѣ
Патріотъ или — онъ думалъ,
Что вино, подобно Летѣ,
Мысль о Чехіи затопитъ...

Я, мельницкое покончивъ,
Занимаюсь итальянскимъ,
Но въ обоихъ, видно, бродитъ
Безпокойная закваска...

8

Ну, луна, пора оставить
Элегическую лиру,
Перейдемъ теперь съ тобою
Къ героическимъ напѣвамъ,

Ибо путь отъ Рейхенгалля
Вплоть до самаго Вайдринга
Былъ для насъ чертовской гонкой.
Я хочу объ немъ повѣдать.

Что касается дороги,
То ее не передѣлать
Императорскимъ указомъ,
На подобье конституцій.

Вдоль тропы зіяетъ бездна,
Какъ военныя издержки,
И нагія скалы давятъ
Пущс глупости народной.

Ночь темна и неприглядна,—
Ну, ни дать ни взять, что наша
Католическая церковь.
Мы съ горы несемся вихремъ

И напрасенъ крикъ Дедеры,
И напрасно въ перепугѣ
Молитъ онъ: «Держите коней!»
Никого на козлахъ,—пусто..

Я не знаю наслажденья
Выше мирныхъ созерцаній,
Какъ полиція трясется,
Обезумѣвши отъ страха.

Раздается стукъ кареты,
Звонъ копытъ при свистѣ бури;
Лошадей нечистый гонитъ,
Мчитъ ихъ въ гору и подъ гору.

Почтальонъ, свалившись гдѣ-то
За окрестными холмами,
Высѣкаетъ вѣрно искры
Да раскуриваетъ трубку.

Впереди крута дорога,
Словно лѣстница на башню,
И скользитъ карета наша,
Какъ кусокъ стекла ничтожный...

И бушуетъ злобно вьюга,
Будто хочетъ всѣхъ сегодня
Въ этой пропасти бездонной
«Интернировать» навѣки.

Тутъ я вспомнилъ грустный случай,
Какъ библейскаго Іону
Опустили въ море за бортъ,
Усмиряя непогоду.

«Бросимъ жребій»,—говорю я,—
«Между нами лютый грѣшникъ:
Онъ оставить насъ обязанъ
Для всеобщаго спасенья».

Только вымолвилъ я это,
Полицейскіе не стали
Искушать лукаво совѣсть
И покинули карету.

Ахъ ты, свѣтъ, превратный свѣте!
Стражи въ шарфахъ—вверхъ ногами,
А карета дальше ѣдетъ
Съ господиномъ арестантомъ.

Ахъ ты, Австрія! Не въ силахъ
Четырьмя конями править,
А еще туда же... Хочешь
На шнуркѣ вести народы.

Въ темнотѣ, надъ черной бездной,
Безъ поводьевъ и возницы,
Я летѣлъ въ долину съ Альповъ,
Словно вѣтеръ одинокій.

Гражданинъ австрійскій, смѣло
Размышляя, что ужъ хуже
Отъ того не можетъ статься,
Я судьбу довѣрилъ конямъ

И на станцію примчался,
Перевалъ опасный сдѣлавъ,
Я быстрѣе, нежель ѣздитъ
Всероссійскій императоръ.

А затѣмъ, примѣръ преступныхъ,
Закусилъ одинъ, безъ стражей,
Что за мною притащились
Съ поврежденными носами.

Отоспался я прекрасно,
Но для бѣдныхъ полицейскихъ
Эта ночь была печальна:
Вплоть до самаго разсвѣта,

Проклиная часъ рожденья
И кряхтя, они усердно
Лица арникой мочили,
Растирая тѣло спиртомъ.

Здѣсь кончаю эпопею...
Въ ней, клянусь, я не прибавилъ
Ни на волосъ, что въ Вайдрингѣ
Подтвердитъ почтмейстеръ Дальрупъ.

9

Такъ пріѣхали мы въ Бриксенъ
Безъ помѣхъ и приключеній
И во мнѣ Дедерѣ дали
Власти мѣстныя росписку.

А орелъ двуглавый, черный,
Въ утѣшенье бѣднымъ чехамъ
Отослалъ клочекъ бумаги,—
И впился въ меня когтями...

Вмѣсто ангеловъ хранящихъ
Мнѣ даны въ Сибири этой
Окружной, его помощникъ,
Да отважные жандармы...

* * *

Пояснительный словарь

Бахъ, Александръ, австрійскій баронъ, докторъ юридическихъ наукъ (1813—1884). Началъ свою общественную дѣятельность въ адвокатурѣ, но послѣ революціи 1849 года занялъ постъ министра юстиціи, впослѣдствіи же былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ государственнаго дѣятеля, онъ съ неумолимою послѣдовательностью проводилъ идею централизаціи австрійской монархіи и покровительствовалъ притязаніямъ абсолютистовъ и господству клерикаловъ.

Бриксенъ—городъ въ Тиролѣ. Онъ расположенъ въ горахъ при впаденіи Ріенцы въ Эйзакъ. По свидѣтельству лѣтописей, онъ извѣстенъ подъ разными названіями, начиная съ IX вѣка. Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ окрестности Бриксена и въ мѣстную крѣпость часто ссылали австрійскихъ политическихъ преступниковъ.

Бродъ—маленькій чешскій городокъ на рѣкѣ Савѣ. Онъ принадлежитъ австрійцамъ и ведетъ оживленную торговлю. Въ окрестностяхъ Брода родился извѣстный чешскій поэтъ и публицистъ Карлъ Гавличекъ.

Будейовицы—нѣмецкій Будвейсъ,—небольшой городъ при сліяніи Молдавы и Мальчи. Преобладающее

населеніе здѣсь—чехи. Будейовицы основаны въ 1256 году королемъ Оттокаромъ II.

Вила—миѳическое существо женскаго пола въ южнославянскихъ повѣрьяхъ и пѣсняхъ, нѣчто вродѣ нашей русалки. Принимая обликъ красивыхъ дѣвушекъ, вилы обладаютъ способностью вступать въ непосредственное общеніе съ людьми, причемъ иногда помогаютъ имъ, иногда-же вредятъ. Живутъ вилы въ воздухѣ, на землѣ и въ лѣсахъ (соотвѣтствуютъ античнымъ нимфамъ) и въ водѣ (соотвѣтствуютъ наядамъ). Иногда вила вдохновляетъ пѣвца и тогда имѣетъ значеніе древне-греческой музы.

Вита святого день—15 іюня. Въ 1389 году въ этотъ день сербское войско было на голову разбито турками въ битвѣ на Косовомъ полѣ и фактически пало сербское царство. «Со времени этой битвы сербы стали данниками турокъ и ни одно событіе старо-сербской исторіи не оставило такого глубокаго слѣда, какъ Косовская битва, воспѣтая народными пѣвцами не менѣе знаменитой Ронсевальской битвы на Западѣ».

Дедера—имя полицейскаго чиновника, арестовавшаго Гавличка и препроводившаго его подъ конвоемъ на мѣсто ссылки въ Бриксенъ.

Дечаны—древній монастырь святого Николая въ Старой Сербіи (въ Европейской Турціи) близъ города Печа. Онъ построенъ въ первой половинѣ XIV вѣка сербскимъ королемъ Стефаномъ Урошемъ. Южные славяне считютъ Дечанскій мо-

настырь одной изъ величайшихъ своихъ святынь, что отразилось и въ сербской народной поэзіи, которая почти всегда называетъ Деચаны—«высокими».

Елица—жена сербскаго національнаго героя Марко королевича часто упоминаемая въ народныхъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ «Марко и Алилъага», самъ Марко королевичъ говоритъ, что

„У него въ дворѣ жена осталась,—
Онъ женатъ на госпожѣ Елицѣ,
На Елицѣ рода не простого".
(Перев. Н. Гальковскаго).

Корита—иначе Иванъ-бегова Корита—горный родникъ на вершинѣ Ловченъ въ Черногоріи.

Косово поле—находится въ Европейской Турціи между Босніей и Македоніей. Названіе его происходитъ отъ сербскаго слова «кос», что значитъ—черный дроздъ. Въ древности мѣстность эта была извѣстна подъ именемъ Дарданіи. Она занимаетъ пространство около восьмидесяти верстъ въ длину и до тридцати—въ ширину. Со времени злополучной битвы. на Косовомъ полѣ всѣ несчастія въ сербскихъ пѣсняхъ случаются «на злу месту у Косову»: и конь покидаетъ своего господина, и кобчикъ похищаетъ у воробья невѣсту.

Куфштейнъ—австрійская крѣпость на берегу рѣки Инна, близъ баварской границы. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка она была извѣстна своимъ жестокимъ режимомъ въ отношеніи политическихъ заключенныхъ.

Ловченъ—итальянская Monte Stella,—гора, находящаяся между Каттаро и Цетинье въ Черногоріи. Съ нее открывается величественный и очень красивый видъ на далекія окрестности. На вершинѣ горы Ловченъ находится часовня, построенная на могилѣ владыки черногорскаго Петра II Петровича.

Марко-королевичъ—популярнѣйшая личность сербской народной поэзіи, восторженно прославляющей его героическіе подвиги. «Какъ историческое лицо, онъ былъ сыномъ сербскаго короля Вукашина, наслѣдовавшимъ своему отцу въ 1371 году. Онъ платилъ дань султану и долженъ былъ оказывать ему помощь въ военное время. Впослѣдствіи онъ былъ изгнанъ изъ Сербіи княземъ Лазаремъ Гребляновичемъ. Въ Старой Сербіи, гдѣ онъ по преимуществу дѣйствовалъ, о немъ сохранилась недобрая память, какъ о насильникѣ и сорви-головѣ. Въ сербскомъ эпосѣ однакожъ онъ играетъ видную роль, являясь любимымъ героемъ сербскаго народа, въ родѣ нашего Ильи Муромца или Роланда западно-европейскихъ сказаній. По мнѣнію Гете, Марко соотвѣтствуетъ греческому Гераклу и персидскому Рустему. Поэзія приписываетъ ему роль защитника сербовъ отъ притѣсненія турокъ, съ которыми онъ воюетъ или ведетъ дружбу. Народъ придалъ своему любимцу миѳическій характеръ и надѣлилъ его всевозможными героическими чертами». «Онъ далъ ему въ «посестримы»—вилу, далъ ему голосъ лучше голоса вилы, заставилъ его жить триста лѣтъ и ѣздить конѣ Шарцѣ, который порою говоритъ

съ хозяиномъ человѣческимъ голосомъ и котораго Марко-королевичъ любитъ больше брата. Смерть Марко-королевича окружена глубокою таинственностью».

Мельницкое—чешское красное вино. Оно производится въ окрестностяхъ чешскаго города Мельника, находящагося на правомъ берегу Эльбы, при впаденіи въ нее Молдавы.

Милошъ—по прозванію Обиловичъ или Обиличъ, сокращенное изъ Кобыловичъ. Одинъ изъ доблестнѣйшихъ героевъ Косовской битвы, Милошъ, по свидѣтельству народнаго эпоса, былъ низкаго происхожденія. Въ пѣснѣ «Какъ поссорился Милошъ съ Вукомъ» мы читаемъ, что

„Обилича пастушка
Волошанка породила,
Волошанка породила,
Подъ кобылою вскормила"...
„Потому то онъ въ народѣ
И Обиличемъ зовется.
Но за то и та кобыла
Двухъ волковъ бы одолѣла:
Сразу бъ рядъ зубовъ переднихъ
Задней выбила ногою".
(Перев. Н. Гальковскаго).

Оклеветанный своимъ соперникомъ Вукомъ Бранковичемъ въ измѣнѣ, Милошъ прославился своимъ героическимъ сопротивленіемъ турецкимъ войскамъ на Косовомъ полѣ и

„Палъ на край рѣки Ситницы,
„Край Ситницы, край воды студеной,
„У враговъ убивъ царя Мурата
„И еще двѣнадцать тысячъ войска.

„Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
„Кто родилъ намъ Милоша на свѣтъ:
„По себѣ оставилъ онъ память,
„Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ,
„Пока есть жива душа на свѣтѣ
„И стоитъ Косово чисто поле!"
(Перев. Н. В. Берга).

Подѣбрадка—шапка особаго покроя, которую чешскіе патріоты носили въ честь чешскаго національнаго героя Юрія Подѣбрада.

Призренъ—городъ, находящійся въ Косовскомъ вилайетѣ Старой Сербіи (въ Европейской Турціи). Онъ расположенъ на сѣверномъ склонѣ Шаръ-дага. Въ періодъ съ 1376 по 1406 годъ Призренъ былъ столицею сербскихъ государей, отчего народная поэзія часто называетъ его «кралевиной».

Прилѣпъ—городъ въ Монастырскомъ вилайетѣ въ Европейской Турціи, у подошвы горъ Бабунъ-планина. Здѣсь въ концѣ XIV вѣка родился сербскій народный герой Марко королевичъ и долгое время жилъ съ матерью своею Евросимой.

Райя—по турецки стадо. Такъ называлось въ эпоху турецкаго владычества безсловесное и безправное христіанское населеніе Балканскаго полуострова. Оно было обременено всевозможными податями и поборами, причемъ самымъ тяжелымъ изъ нихъ была вербовка каждое пятилѣтіе мальчиковъ-подростковъ для пополненія въ будущемъ корпуса янычаръ.

Татры—или Татранскія горы представляютъ собою самую высокую часть Карпатъ, чрезвычайно богатую живописнѣйшими видами дикихъ ущельевъ и горныхъ озеръ, которыя у мѣстныхъ жителей носятъ поэтичное названіе «Морскихъ очей». Своею сѣверной частью Татры переходятъ въ Галицію.

Шпильбергъ — крѣпость близъ города Брюнна въ Австріи, получившая широкую популярность, вслѣдствіе крайне жестокаго обращенія ея администраціи съ заключавшимися тамъ политическими преступниками. Въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія австрійское правительство заточило въ Шпильбергъ знаменитаго итальянскаго писателя и патріота Сильвіо Пеллико, сохранившаго объ этомъ разсказъ въ своемъ автобіографическомъ дневникѣ «Мои темницы».

Югъ Богданъ—видный герой эпохи сербскаго царства. Приближенный сербскихъ властителей Душана, Уроша, Вукашина и Лазаря, онъ въ мирное время занималъ постъ королевскаго намѣстника въ восточной Македоніи. Въ роковой битвѣ съ турками на Косовомъ полѣ Югъ былъ главнымъ предводителемъ сербскихъ войскъ и однимъ изъ первыхъ сложилъ въ бою свою голову. Вотъ какъ рисуетъ его смерть народная пѣсня «О погибели сербскаго царства»:

„Выступаетъ Югъ-Богданъ могучій
„Съ девятью своими сыновьями,
„Съ девятью своими соколами;
„Съ каждымъ было десять тысячъ войска,
„Самъ Богданъ ведетъ двѣнадцать тысячъ.

„Стали съ Турками биться—рубиться
„Семь пашей турецкихъ положили,
„А когда пошли противъ восьмого,
„Палъ предъ войскомъ Югъ Богданъ могучій,
„И легли тутъ всѣ его дѣти,
„Девять братьевъ—соколовъ ясныхъ,
„И все войско вмѣстѣ съ ними пало".
(Перев. Н. В. Берга).

Юнакъ—витязь, богатырь, молодецъ, удалецъ. Отсюда

Юнацкій—молодецкій, богатырскій, героическій. Напримѣръ: юнацкія пѣсни сербскаго народа—героическія пѣсни, представляющія собою нѣчто среднее между нашими былинами и историческими пѣснями.

Литература на русскомъ языкѣ, использованная авторомъ при составленіи характеристикъ

О Николаѣ I Черногорскомъ:

Н. В. Гербель. Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводѣ русскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1871. IV. Сербія. Стр. 290—292.

Фрилей и Влохити. Современная Черногорія. С.-Петербургъ. 1876. Главы X, XI и XII. Стр. 116—143.

А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. С.-Петербургъ. 1881. Томъ I, стр. 231.

В. Харламповичъ. Черногорскій князь Николай I, какъ писатель. «Новости» за 1886 годъ. № 27.

Р—ч- цъ. «Поэтъ и вила.» Новое произведеніе князя Черногорскаго Николая I. Сборникъ «Нивы» за 1893 годъ. № 6, стр. 426—437.

Вѣра Глумова. Сербскіе баяны. Князь Николай Черногорскій. «Благовѣстъ» за 1893 годъ. № 49, стр. 1905—1906.

А. И. Александровъ. Исторія развитія духовной жизни Черной Горы и князь-поэтъ Николай I. Казань. 1895.

А. И. Александровъ. Новое произведеніе князя Николая «Князь Арванитъ». Казань. 1895.

К—ій. Князь Николай Черногорскій. «Князь Арванитъ». Цетинье. 1895. (Рецензія). «Вѣстникъ Славянства» за 1896 годъ. Книга 11, стр. 113-114.

В. В—въ. Николай I, князь Черногорскій. «Энциклопедическій словарь, издаваемый Брокгаузомъ и Эфрономъ». С.-Петербургъ. 1897. Томъ XXI, стр. 128—129.

А. И. Александровъ. «Нова кола» князя Николая I Черногорскаго. (Критическій отзывъ). «Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета». Казань. 1897. Книга 3. Критика и библіографія. Стр. 1—32..

А. І. Степовичъ. Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. Кіевъ. 1899. Стр. 342—346 и 391.

Драгутинъ Иличъ. Поэзія князя Николая Черногорскаго (1858—1901). «Московскія Вѣдомости» за 1901 годъ. №№ 146, 148 и 151.

Евгеній Марковъ. Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. С.-Петербургъ. 1903. «Славянская Спарта.» Стр. 367—368, 379—380, 384—385, 432—433, 461—465 и др.

В. В. Умановъ Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. Третье исправленное изданіе. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 21—23, 149.

Р—цъ. Черногорская автократія и конституція. «Славянскія Извѣстія» за 1907 годъ. № 1, стр. 12—28; № 3, стр. 174—186; № 4, стр. 255—266.

Объ Іованѣ Іовановичѣ Змаѣ:

Н. В. Гербель. Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводѣ русскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1871. IV. Сербія. Стр. 287—289.

А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. С.-Петербургъ. 1881. Томъ I, стр. 227 и 234.

Вѣра Глумова. Сербскіе баяны. Іованъ Іовановичъ Змай. «Благовѣстъ» за 1893 годъ. № 49, стр. 1907-1912.

А. І. Степовичъ. Змай. «Пѣсни». Новый Садъ. 1892. (Рецензія). «Филологическія Записки» за 1893 годъ. Выпуски II—III. Отдѣлъ «Славянскія Извѣстія». Стр. 59—64.

Іованъ Іовановичъ Змай. «Энциклопедическій словарь, издаваемый Брокгаузомъ и Эфрономъ». С.-Петербургъ. 1894. Томъ XIII.

М. Змай-Іованъ Іовановичъ. «Мирный Трудъ» за 1893 годъ. № 1. Отдѣлъ II, стр. 90—95.

А. Тальвинскій. Очеркъ жизни и литературной дѣятельности сербскаго поэта Змая Іовановича. «Вѣстникъ Славянства» за 1896 годъ. Книга 11, стр. 25—57.

С. Шараповъ. Змай Іованъ Іовановичъ. «Русскій Трудъ» за 1899 годъ. № 39, стр. 10—11.

Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Змая Іовановича. «Новое Время» за 1899 годъ. № 8364 (Приложеніе).

А. І. Степовичъ. Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. Кіевъ. 1899. Стр. 253—291.

А. І. Степовичъ. Петръ Петровичъ Нѣгошъ, Змай Іованъ Іовановичъ и новѣйшіе сербскіе поэты. «Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана». Кіевъ. 1901. Часть II, неоффиціальная. Стр. 22—60.

Г. Ильинскій. Лазарь Костичъ. «О Іованѣ Іовановичѣ Змаѣ, его стихотвореніяхъ, мышленіи и творчествѣ». Сомборъ. 1902. (Рецензія). «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» за 1904 годъ. № 4, стр. 67.

Змай Іованъ Іовановичъ. (Некрологъ). «Новое Время» отъ 3 іюня 1904 года. № 10148.

В. В. Умановъ Каплуновскій. Змай Іовановичъ. «Новости» отъ 12 іюня 1904 года. № 161.

А. И. Яцимирскій. Змай Іовановичъ и его пѣсни. «Вѣстникъ Иностранной Литературы» за 1904 годъ. № 7, стр. 341—349.

А. Н. Сиротининъ. Змай Іованъ Іовановичъ. (Очеркъ). «Славянскій Вѣкъ» за 1904 годъ. № 82, стр. 315—319.

В. К—въ. Іованъ Іовановичъ Змай. (Замѣтка). «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» за 1904 годъ. № 8, стр. 55.

Н. Н. Бахтинъ. Змай Іовановичъ въ русской литературѣ. (Библіографическій указатель). «Славянскія Извѣстія» за 1904 годъ. № 1, стр. 97—99.

В. В. Умановъ Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. Третье исправленное изданіе. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 32—45, 150—151.

Открытіе памятника Змаю Іовановичу. (Замѣтка). «Славянскія Извѣстія» за 1906 годъ. № 3. Хроника. Стр. 284.

П. Заболотскій. Іованъ Максимовичъ. Чтеніе Змая. Бѣлградъ. 1906. (Рецензія). «Славянскія Извѣстія» за 1906 годъ. № 7, стр. 577—579.

Объ Іованѣ Иличѣ:

А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. С.-Петербургъ. 1881. Томъ I, стр. 227 и 234.

А. І. Степовичъ. Очерки исторіи сербо-хорватской литературы. Кіевъ. 1899. Стр. 307—312.

К. Поповъ. Іованъ Иличъ. (Некрологъ). «С.-Петербургскія Вѣдомости» за 1901 годъ. № 76.

Іованъ Иличъ. (Замѣтка). «Славянскій Вѣкъ» за 1901 годъ. № 20, стр. 21.

О Воиславѣ Иличѣ:

А. І. Степовичъ. Воиславъ Иличъ. Пѣсни. Бѣлградъ. 1890. (Рецензія). «Филологическія Записки» за 1893 годъ. Отдѣлъ «Славянскія Извѣстія». Кн. V—VI, стр. 95—97.

А. І. Степовичъ. Очерки сербо-хорватской литературы. Кіевъ. 1899. Стр. 315—320.

Объ Іованѣ Дучичѣ

свѣдѣній на русскомъ языкѣ не имѣется.

Объ Антонѣ Ашкерцѣ:

Словинскій поэтъ Антонъ Ашкерцъ. (Замѣтка). «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» за 1902 годъ № 3. Литературныя мелочи. Стр. 64.

Н. Новичъ. Словинскіе поэты. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 66—79, 109—111.

А. Н. Сиротининъ. Антонъ Ашкерцъ. Замѣтки. «Славянскія Извѣстія» за 1904 годъ. № 2, стр. 117—142.

Ив. Пріятель. Словенцы и ихъ литература. Очерки. Глава V. «Славянскія Извѣстія» за 1905 годъ. № 8, стр. 708—709.

А. Н. Сиротининъ. А. Ашкерцъ. Юнаки. Любляна. 1907. (Рецензія). «Славянскія Извѣстія» за 1907 годъ. № 3, стр. 237—239.

Объ Отонѣ Зупанчичѣ:

Н. Новичъ. Словинскіе поэты. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 83—86, 111—112.

Ив. Пріятель. Словенцы и ихъ литература. Очерки. Глава VI. «Славянскія Извѣстія» за 1906 годъ. № 1, стр. 54.

О Казимірѣ Тетмайерѣ:

К. І. Хранезичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. С.-Петербургъ. 1901. Казиміръ Тетмайеръ. Стр. 117—137.

А. И. Яцимирскій. Казиміръ Тетмайеръ и его стихотворенія. (Очеркъ). «Славянскія Извѣстія» за 1904 годъ. № 1, стр. 20—32.

Л. Полонскій. Современный польскій романъ. «Вѣстникъ Европы» за 1906 годъ. № 7, стр. 137-154.

Вильгельмъ Фельдманъ. Казиміръ Тетмайеръ. (Очеркъ). «Собраніе сочиненій Казиміра Тетмайера», изданное В. М. Саблинымъ. Москва. 1907. Томъ II.

А. И. Яцимирскій. Новѣйшая польская литература. Отъ возстанія 1863 года до нашихъ дней. С-Петербургъ. 1908. Томъ II, стр. 23—41, 428—431.

О Карлѣ Гавличкѣ Боровскомъ:

М. Сухомлиновъ. Изъ Праги. (Корреспонденція) «Русскій Вѣстникъ» за 1859 годъ. Томъ XXIII, № 18. Отдѣлъ «Современная лѣтопись».

М. Петровскій. Карлъ Гавличекъ. (Замѣтка). «День» за 1861 годъ. № 11.

А. Трояновскій. Карлъ Гавличекъ Боровскій. «Русскій Вѣстникъ» за 1861 годъ. Томъ XXXIV, стр. 235—264.

А. Ѳ. Гильфердингъ. Собраніе сочиненій. С.-Петербургъ. 1868. Томъ II. Статьи по современнымъ вопросамъ славянскимъ. Стр. 89, 95, 235—247.

П. Ровинскій. Чехи въ 1848—1849 годахъ. «Вѣстникъ Европы» за 1870 годъ. Кн. I, стр. 107, 117—118; кн. II, стр. 661, 671, 682—688.

Н. В. Гербель. Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводѣ русскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1871. VII. Чехія. Стр. 379—384.

І. Первольфъ. Австрійскіе славяне въ 1848—1849 годахъ. «Вѣстникъ Европы» за 1879 годъ № 4, стр. 495, 499, 529 др.

А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. С.-Петербургъ. 1881. Томъ II, стр. 969—971.

А. І. Степовичъ. Очеркъ исторіи чешской литературы Кіевъ. 1886. Стр. 208—211.

В. Ѳ. Коршъ и А. Кирпичниковъ. Всеобщая исторія литературы. С.-Петербургъ. 1886. Томъ III стр. 140.

П. Быковъ. Карлъ Гавличекъ. «Россія» отъ 5 ноября 1901 года. № 909.

С. В. ф. Штейнъ. Карлъ Гавличекъ Боровскій и его «Тирольскія элегіи.» «Научно-литературный сборникъ Галицко-русской Матицы» за 1902 годъ. Томъ IV.

К. R. Карлъ Гавличекъ. «Русскія Вѣдомости» за 1906 годъ. № 195 и № 200.

Неутомимый. Изъ первыхъ лѣтъ чешской журналистики. Карлъ Гавличекъ. «Славянскія Извѣстія» за 1906 годъ. № 5, стр. 357—372.

П. А. З. Политическія воззрѣнія Карла Гавличка Боровскаго. «Славянскія Извѣстія» за 1906 годъ. № 7, стр. 536—541.

Кромѣ поименованныхъ выше русскихъ источниковъ автору при составленіи характеристикъ служили пособіями—«Исторія славянскихъ литературъ» доктора Іосифа Караска (Лейпцигъ. 1907)—на нѣмецкомъ языкѣ и «Прогулка по сербскому Парнасу» Іосифа Раушара (Прага. 1907) на чешскомъ языкѣ, а также и нѣкоторыя другія мелкія статьи и замѣтки на сербскомъ, словенскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ.

